

Дом, у которого вынули душу

A dark, atmospheric illustration of a dilapidated, two-story wooden house with a porch. The house is surrounded by tall, dark grass. In the foreground, a person in a dark jacket and pants stands with their back to the viewer, looking towards the house. The sky is a deep, dark blue with a large, glowing, ethereal light source behind the house, from which many small, dark birds or spirits are flying out. The overall mood is mysterious and unsettling.

Анна Кутковская

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Кутковская

Дом, у которого вынули душу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68744214

SelfPub; 2023

Аннотация

Этот дом хранит в себе множество тайн, чужие секреты, мечты и надежды. Но кроме этого у него есть своя личная тайна. В своем неумном желании угодить хозяевам он наделал множество ошибок и лишился самого главного – своей души. И он ждет – ждет, когда в него снова вдохнут душу.

Содержание

Пролог	4
Неудавшийся день рождения	6
Испорченный выходной	18
У психолога	44
Новая жизнь	73
Катастрофа	93
Ожидание	104
В больнице	117
Старик	125
Точки над і	140
Одиночество Софии	152
Немое кино	164
Эпилог	184
От автора	185

Анна Кутковская

Дом, у которого вынули душу

Пролог

Я стар. Я очень стар. Тело мое изнашивается, оно ноет и скрипит. Дожди и солнце выбелили мои стены, отмыли добела черепицу на крыше. Мои глаза пялятся на мир мутными бельмами выбитых окон. Вы не замечаете меня среди буйно разросшихся кустов сирени, жасмина и одичавшего малинника. Зимой меня скрывают сугробы. И лишь весной, когда молодая листва еще не проклюнулась, и осенью, когда она, пожухлая и сникшая, доживает последние дни, я предстаю перед вами во всей своей уродливой красоте. И вот тогда вы просто вынуждены заметить меня, потому что вам никуда не деться. Вы украдкой бросаете на меня скользкий взгляд, потом стыдливо отводите его и снова бежите мимо по своим делам.

Я мертв для вас. Но если прислушаться к моей пустоте, особенно в ночной тиши, то в гулких моих недрах вы сможете услышать голоса, детский плач, смех, мелодичный перезвон посуды – все те звуки, которые составляют челове-

скую жизнь и наполняют ею сам дом, вселяя в него душу.

Я видел многое: звонкую радость, отсыревшую печаль, неподъемное горе, рождение и смерть. Я видел чужие ошибки и совершил множество своих, которые, в конце концов, привели меня сюда, к этому моменту. Да, я ошибался много раз, но кто безгрешен?

Я стар. Я очень стар. По ночам меня мучает бессонница и преследуют призраки прошлого, а дни я коротаю за тем, что жду, когда меня заметят и снова вдохнут в меня жизнь. Вернут мне мою душу...

Неудавшийся день рождения

– Мама, когда папа придет уже?

– Что? – вырвал Софию из задумчивости детский голос.

– Я говорю, когда папа уже придет!

– Не знаю, не знаю... – женщина задумчиво смотрела в окно, по которому медленно стекали капли дождя.

С утра день обещал быть теплым и солнечным, это немного подняло настроение Софии. Но после обеда налетел порывистый ветер и пригнал с собой тяжелые свинцовые тучи, из которых начал моросить мелкий противный дождь. Такой, глядя на который, сразу становится понятно: это надолго.

От приподнятого настроения не осталось и следа: София тонула в мыслях о несправедливости, злости и даже мести. Этот день – день рождения дочери, и без того давшийся ей с большим трудом восемь лет назад, сегодня стал еще хуже.

Собственно, тринадцатое июля София считала днем рождения не только Карины, но и себя. Каждый раз, накрывая праздничный стол, она вспоминала, как тяжело далась ей роды. Начало схваток София пропустила, приняв их за тренировочные. Когда же она поняла, что ЭТО началось, то растерялась. Забыла сумку с вещами, кинулась к машине, но едва села за руль, как ее захлестнула волна боли. Переждав, София завела мотор и потихоньку выехала на дорогу. Во время очередного приступа она нажала на тормоз так резко, что

сзади идущая машина врезалась в нее.

София попыталась выйти, чтобы оценить ущерб, но тут отошли воды. Сзади, громко матерясь, приближался хозяин поврежденного автомобиля, но, увидев бледное лицо Софии, расширенные от боли глаза, огромный живот и мокрый, с кровавыми разводами подол платья, подавился криком. От боли София потеряла сознание, и мужчине не оставалось ничего другого, кроме как подхватить ее на руки, положить поперек сидения и вызвать скорую. Набирая номер, он с ужасом смотрел на живот, который ходил ходуном так, будто во чреве женщины шла борьба не на жизнь, а на смерть.

Впрочем, так оно и было. Пока еще не рожденный младенец отчаянно боролся за свою жизнь с пуповиной, обвившей его нежную шею несколькими кольцами. И теперь кольца эти постепенно стягивались, лишая ребенка кислорода. Из-за невозможности перевернуться, малыш пошел ногами вперед, что привело к кровотечению.

Три часа на операционном столе под руками лучшего хирурга больницы и два литра донорской крови позволили стабилизировать Софию до состояния реанимационной палаты. С новорожденным дела обстояли хуже. Когда девочку достали из материнской утробы, она не дышала. По словам врача, гипоксия длилась достаточно долго – около двадцати минут. Бригада реаниматологов билась за жизнь малышки почти полчаса. И когда врач готов был объявить время смерти, девочка пронзительно закричала, сморщив резко покраснев-

шее лицо. Но обо всем этом София узнала через несколько дней, когда угроза ее жизни и жизни младенца миновала.

Вот и сейчас, глядя в окно, она вспоминала тот день. Вспоминала свой страх и боль, свою растерянность и волну нежности, когда впервые прижала к груди горячее детское тельце. Радость от того, что Алекс смотрит на дочь с нескрываемой любовью. Радость от того, что они, после стольких лет и попыток, стали настоящей семьей. Радость, которая длилась недолго...

«Так, хватит! Прекрати!» – мысленно одернула себя София и попыталась надеть одну из своих, предназначенных специально для дочери, радостных масок, скрывающих ее раздражение и злость на мужа.

Карина, увидев такую редкую теперь улыбку на материнском лице, тоже улыбнулась и робко обняла ее. София машинально погладила девочку по голове, не испытывая и десятой доли той любви и нежности, которую испытала тогда, в роддоме.

– Давай уже достанем торт, – предложила Карина. – Папа обрадуется, когда ему сразу дадут торт. Потому что зачем есть брокколи и рыбу, если можно сразу съесть торт. Ведь так?

– Наверное, да, – вздохнула София и поплелась к холодильнику.

Карина висела на ней, как ленивец на дереве, из-за этого Софии было тяжело идти. Запутавшись в подоле платья, но-

гах дочери и домашних туфлях, она потеряла равновесие и едва не упала.

– Да отцепись ты от меня! – раздраженно крикнула она, отрывая дочь от себя, и оттолкнула ее с такой силой, что девочка упала на спину. В тишине раздался громкий удар – это затылок соприкоснулся с полом.

София на мгновение окаменела, всматриваясь в лицо дочери, и кинулась к ней. Девочка лежала на полу и заливалась слезами. Милое личико сморщилось в беспомощном плаче, слезы текли по щекам, грудь вздымалась и опадала.

– Карина, детка, прости меня, прости, – шептала София. Она ненавидела за себя за эту вспышку гнева и еще больше – за то, что оттолкнула от себя дочь. Чтобы хоть как-то наказать себя, женщина прикусила губу изнутри и сдавливала ее до тех пор, пока не почувствовала привкус крови во рту.

Девочка между тем начала успокаиваться. София утерла лицо дочери подолом платья и, всхлипнув от натуги, поднялась с нею на руках. Карина прижалась щекой к ее щеке.

– Мамочка, прости меня. Я больше так не буду, – выдохнула она еле слышно.

– Солнышко мое, это ты прости меня, – сдавленно, от слез, прошептала София. – Мама поступила очень плохо, обидела тебя, но больше такого не повторится. Ты мне веришь?

– Да, мамочка. Я тебя люблю.

– И я тебя люблю, – женщина прижала к себе по-птичьи

хрупкое тельце дочери и мысленно поклялась, что больше такого не повторится.

Такого и правда больше не повторилось. Но были и другие случаи внезапных и ничем не объяснимых вспышек ненависти и гнева на дочь, а после – таких же скоропалительных и молниеносных сожалений и примирений. Я все это видел, но что я мог сделать? Я просто старьей-старьей дом...

Именинный торт так и остался стоять в холодильнике. После падения и слез Карина уснула, не сходя с рук матери. София долго сидела на кровати, покачивая дочку в такт дыханию, и вспоминала, как она была счастлива и горда тем, что стала матерью. А уж как она любила свою новорожденную красавицу.

Она могла часами смотреть на нее, любоваться ее длинными ресницами, сонно прикрытыми глазами, пухлыми щечками, покрытыми детским нежным пушком. Каждый пальчик, ноготок и волосок на теле дочери вызывали у Софии непередаваемый восторг, любовь и нежность.

Новорожденная, к немалому неудовольствию Алекса, спала с родителями. Иногда София не могла уснуть и прислушивалась к дыханию дочери: ей становилось страшно, когда ритмичное посапывание на мгновение замирало. Волна паники и страха окатывала женщину с головы до ног, пятки начинало колоть иголками, а в подмышках проступал холод-

ный липкий пот. Мгновением позже дочь вздохнула, сопение возобновлялось, и София на время успокаивалась.

Она была полностью поглощена любовью к дочери, заботами о ней и теми ежедневными радостями, доступными каждой матери на свете. За всем этим София совсем забыла о муже: почти не интересовалась его самочувствием, его делами на работе и вне ее. Она была настолько поглощена материнством, что даже не заметила, как муж стал спать на диване в гостиной, а когда заметила, не придавала этому значения. Теперь каждый из них жил сам по себе. Софии казалось, что у них – идеальная семья. Но как глубоко, как жестоко она ошибалась...

Карина заворочалась во сне, пытаясь принять более удобную позу. София тихонько переложила ее на кровать, накрыла пледом и ушла на кухню, чтобы убрать остатки остывшего праздничного ужина, к которому никто из них так и не притронулся.

Закончив уборку, она налила вина, выключила свет и присела на край стула. В тишине цедила густое вино – черное в темноте, как ее злость. Последние несколько лет вся их семейная жизнь была невыносимым фарсом и ложью. Алекс обманывал ее, она была рада обмануться, а вместе они обманывали дочь.

Три года назад в их жизни появился четвертый человек. София знала ее, но не была близко знакома с ней – видела пару раз на корпоративах, куда она ходила вместе с мужем

до рождения дочери. София знала, что она сама далеко не красавица, но та женщина была уж совсем ничем не примечательна. Жиденские светлые волосы, круглое бледное лицо с такими же блеклыми, едва заметными бровями и ресницами. Отсутствие груди она пыталась скрыть таким явным пушапом, что даже мужчинам было неловко смотреть на это. Плюс ко всему злосчастные бретельки постоянно сползали с ее плеч, поэтому она периодически подергивала ими, чтобы вернуть убегающую бретель на место. Все вместе это придавало ей какой-то комичный вид. Софии даже стало жалко ее. И вот теперь она должна делить мужа с ней. Да, жизнь – действительно удивительная штука!

Хотя делить – слишком громко сказано. После всех скандалов, слез и истерик у Софии не осталось никаких теплых чувств к мужу. Единственное, что она чувствовала, глядя на него, была злость и ненависть. Ненависть за то, что она доверилась ему, а он предал ее; за то, что она не могла отпустить его, а он не проявлял к ней никаких чувств; в конце концов за то, что она потратила на жизнь с ним свою молодость. И даже чувство благодарности за дочь, которое она испытывала к нему по началу, испарилось, оставив после себя горький осадок сожаления почти состоявшейся матери-одиночки.

Алекс чувствовал все это, поэтому старался проводить дома как можно меньше времени. Если этого нельзя было избежать, он почти не разговаривал с женой, а при необходимости общался ровно и без эмоций – так, как общаются с вра-

чом или продавцом. И за это – за то, что он так быстро вычеркнул ее из своей жизни, София ненавидела его еще больше. И, чего уж греха таить, все истерики и скандалы, которые происходили в их доме, были начаты именно ею.

Вино в бокале кончилось очень быстро, София потянулась за бутылкой, но та оказалась пустой. Она посмотрела на часы и с удивлением обнаружила, что просидела в темноте почти час. Вино, как это бывало раньше, не принесло ей желаемого облегчения.

Часы показывали четверть десятого. Алекс так и не пришел на праздничный ужин в честь дня рождения Карины, хотя клятвенно заверил дочь с утра, что не опоздает и будет дома ровно в семь. Что ж, еще одно его обещание, цена которому – грош. София почувствовала тошноту и изжогу от выпитого вина и разозлилась – в этот раз уже на себя, за то, что пьет в одиночку, да еще в темноте, сокрушаясь над обломками прежней жизни. Хорошо хоть не плачет...

Швырнув пустую бутылку в мусорное ведро, она ополоснула бокал и отправилась в душ. Выйдя из ванной, она увидела, что на кухне горит свет. «Явился», – зло подумала женщина, постояла пару секунд в темноте, решая, выйти к мужу или нет. Выпитое вино все же дало знать о себе, но не легкой апатией, как всегда, а настоящей яростью. Вооружившись ею, она шагнула за порог кухни.

Алекс сидел за столом в костюме, голова его покоилась на сложенных руках. Рядом лежал букет цветов и большой

пакет из детского магазина – видимо, подарок.

– Явился, – зло прошипела София. Алекс поднял голову, в глазах его читалась непередаваемая тоска и такая усталость, что на мгновение сердце женщины дрогнуло, и ей стало жаль мужа – того, с кем она делила кров, стол, постель, долгие зимние вечера за просмотром фильма, летние короткие ночи, все радости и горести. Но это было всего лишь мгновение.

– Опять со своей шлюхой миловался, забыв о ребенке! Ладно, на меня тебе плевать, но родную дочь менять на подстилку!

– Соня, прекрати, пожалуйста. Я попал в аварию, я не мог приехать раньше.

– Знаю я твою аварию! Почему не позвонил? Почему не предупредил? Каринка весь вечер только и делала, что бегала к окну – папу ждала. А папа не мог найти времени, чтобы позвонить!

– Я правда не мог, телефон разбился, – Алекс выложил на стол разбитый телефон – экран отдельно, корпус отдельно. Только сейчас София заметила, что костюм его грязен и порван в нескольких местах, а на подбородке видна ссадина.

– Мог бы с чужого телефона позвонить, – не желая признавать свою неправоту, продолжила она.

Алекс тяжело вздохнул, встал и, хромя, направился в ванную комнату.

– Что, отказалась твоя шлюха цветы брать? Слишком де-

шевые для нее? – бросила ему в спину София.

– Этот букет я купил для тебя, – не поворачиваясь ответил он и скрылся в ванной. Через несколько минут из-за закрытой двери раздался шум воды.

Раньше она могла в любое мгновение зайти к нему в душ и предложить потереть спину. Алекс всегда соглашался, и очень часто такая помощь заканчивалась тем, что она оказывалась под душем рядом с мужем. Теперь же любое его действие напоминало ей о том, как они были счастливы раньше, и эти воспоминания жгли ее память каленым железом. Чтобы хоть как-то избавиться от этой боли, она решила досадить мужу, выбросив букет в мусорное ведро – к пустой бутылке.

Сделав это, София села на стул и, скрестив руки и положив ногу на ногу, стала дожидаться Алекса. Через несколько минут он вышел из душа, обмотанный полотенцем. Капли воды блестели на его плечах, груди и животе – все еще плоском и рельефном, несмотря на приближающиеся сорок лет. У Софии снова сжалось сердце, но теперь от ненависти к той, другой, потому что теперь это все: и душ, и капли воды, и совместные ночи, – чаще всего принадлежало именно ей, а не Софии.

Алекс увидел торчащий из мусорного ведра букет, но не сказал ничего, лишь снова вздохнул и еле заметно покачал головой.

– Что ты опять вздыхаешь? Как ты планируешь извиняться перед Мариной?

– Мне положен больничный, ближайшие несколько дней я проведу дома. Завтра мы с ней поедem в парк, потом в кино и куда-нибудь еще, куда она пожелает.

– Только и умеешь, что подарками задаривать, а как воспитывать – так сразу мама. Хорошо же пристроился: ни забот, ни хлопот.

– София, пожалуйста, не начинай, – взмолился Алекс.

– А что не начинать? Хочешь сказать, я неправа?

– Но мы же изначально договорились об этом, тебя все устраивало.

– Тогда устраивало, а сейчас нет! Ты думаешь, мне приятно все это? Знать, что ты кувыркаешься со своей шлюхой, а потом приезжаешь домой и строишь добренького папочку?

– Пожалуйста, не кричи, разбудишь Карину.

– О, посмотрите на него – о дочери в кои-то веки вспомнил!

– Если хочешь, мы можем развестись хоть завтра, – в голосе Алекса послышался лед.

– Конечно, давай, разводишься! Меняй дочь на подстилку!

Ничего не ответив, мужчина развернулся и направился в гостиную. София продолжала кричать ему в спину всевозможные гадости, пока он доставал плед, подушку и молча укладывался на диван. Его молчание еще больше раззадорило ее, и теперь она перешла на настоящие оскорбления и отборную базарную брань. Алекс закрыл дверь в гостиную и погасил свет. В доме воцарилась тишина. И в этой тишине

София заплакала. Она плакала горько, навзрыд, со всхлипами и шмыганьем.

Раньше в такие моменты Алекс всегда оказывался рядом – успокаивал, баюкал ее, смешил. А теперь она была совершенно одна. Некстати вспомнились цветы, которые она выбросила в ведро, и взгляд мужа, как у побитой собаки. Ругая себя на чем свет стоит, она достала букет из ведра и поставила его в воду, расправив смятые цветы. Все еще всхлипывая, она поднялась в спальню и, свернувшись в постели клубком, в очередной раз поняла, насколько просторной и пустой стала эта кровать. Через несколько минут София погрузилась в беспокойный сон без снов.

Я слышал ее плач. Я помню каждую слезинку, которую она уронила на мой пол. Я пытался помочь ей, успокоить ее, но она была глуха и слепа. Я старался, как мог, и никто не сможет упрекнуть меня в том, что я ничего не сделал. Но в глубине души я знаю, что мог сделать больше, чтобы предотвратить все это...

Испорченный выходной

Следующее утро София и Алекс встретили в полном молчании. На столе стоял вчерашний, слегка помятый, букет цветов. За завтраком царила напряженно-вежливая тишина, и лишь Карина весело щебетала. Это смирение, насколько знал Алекс, будет длиться недолго. Уже через пару часов София начнет недовольно бурчать что-то себе под нос, а еще через некоторое время перейдет в активное нападение, сводя все к его жизни на два дома. Ему и самому не нравилось нынешнее положение вещей, но он не мог отказаться от дочери, став ей воскресным папой, которого она очень быстро вычеркнет из жизни по детской своей беспечности и эгоизму. Да, сэр, слишком много подобных случаев он видел за свою жизнь.

Он любил Карину всем сердцем и душой, но все же маленький их кусочек принадлежал теперь, увы, не Софии, а Еве. Выбор этот, как и вся ситуация в целом, дался Алексу нелегко. Он даже не помнил того момента, когда Ева прочно вошла в его жизнь, заменив собою Софию. Просто в один из вечеров после очередной ссоры с женой он приехал к ней домой и остался там до утра. А утром уже никому ничего не нужно было объяснять. На работу они поехали вместе.

Чтобы сохранить остатки совести, Алекс все рассказал Софии в этот же вечер. От жены он ожидал какой угодно ре-

акции, кроме расчетливого, с легким прищуром глаз вопро-са:

– Ты о Карине подумал? Я тебе ее не отдам.

Он был даже слегка разочарован этим, потому что в глубине души был уверен, что София все же любит его, и эта новость причинит ей боль и страдание. Отчасти он был прав, но мозг Софии, задушенный антидепрессантами, воспринимал все события сквозь пелену равнодушия, поэтому никаких эмоций не последовало.

Глядя в глаза жены и вспоминая ее отношение к дочери, Алекс понял, что это будет битва не на жизнь, а на смерть, и что София скорее убьет себя и Карину, чем отдаст дочь ему. Именно поэтому, спустя несколько дней, они пришли к выводу, что ради дочери лучше всего сохранить семью до тех пор, пока девочка не повзрослеет. Как долго будет длиться этот цирк, никто из них не знал.

Было решено, что четыре дня из семи Алекс проводит дома, с дочерью, во все остальные дни он волен быть там, где и с кем ему хочется. На вопросы Карины о том, где папа, был приготовлен стандартный ответ: папа задержался на работе.

И вроде совесть Алекса была чиста, но сердце его было беспокойно, когда положенные три дня он проводил с Евой. Он всегда был в напряжении – как будто ждал чего-то. Иногда, конечно, их вечернее уединение нарушал звонок от Софии – это маленькая Карина хотела поговорить с папой и попросить его пораньше вернуться домой. Звонки эти бы-

ли для Алекса ножом по сердцу. Разговаривая с дочерью, он улыбался, обещал, что вот уже сейчас выходит, посылал ей воздушный поцелуй и обнимашки через телефон, но Ева видела, какая тоска и боль были в его глазах. Он метался по комнате от окна к окну как заключенное в клетку животное, очень часто – со стаканом алкоголя в руках. Садился на диван, вставал, ходил, передвигал какие-то мелочи на полках, переставлял книги, отхлебывал из стакана, снова ходил и снова садился.

Ева видела, как он страдает, жалела его всем сердцем, и этим же сердцем тихо, но энергично ненавидела маленькую Карину. Влюбившись в Алекса, она представляла себе мирную семейную идиллию: они переедут на побережье, туда, где тепло и нет зимы, будут жить в небольшом домике. Вот они гуляют по набережной, он держит ее за руку и нежно смотрит ей в глаза, а она придерживает живот, в котором растет их ребенок. Но все эти мечты разбились о суровую реальность любви отца к живой, а не нафантазированной дочери. Ева страдала вместе с Алексом, поэтому, чтобы положить конец всему этому, в один из вечеров она предложила:

– Дорогой, может, вам лучше и правда развестись? Дай жене шанс построить личную жизнь, а девочке получить нового папу.

Если бы взглядом можно было убить, она бы в ту же секунду лежала на полу мертвая. Ева никогда не видела Алекса таким разъяренным. Его лицо покраснело, вены на шее

вздулись, руки тряслись. Он подлетел к ней вплотную и прошипел:

– Никогда, слышишь, никогда не вмешивайся в мои отношения с дочерью. Не сомневайся, между ею и тобою я выберу ее и, поверь мне, не пожалею, – он развернулся на пятках, схватил плащ, сумку и, хлопнув дверью, растворился в ночи. Был ли он дома с дочерью или ночевал где-то еще, Ева так и не узнала, но для себя сделала определенные выводы, которых придерживалась вот уже три года...

За завтраком, Алекс старался все свое внимание уделить дочери: он слушал ее, задавал вопросы, удивлялся, смеялся и негодовал вместе с ней. Мысленно он уже построил идеальный день, который призван стать компенсацией и за вчерашний день рождения, и за все те вечера, которые Карина провела в ожидании звонка, возвещавшего о том, что папа вернулся домой.

Наконец, завтрак подошел к концу. София в полном молчании убрала посуду со стола, также молча одела и причесала Карину и вручила Алексу заранее собранную сумочку со всякими девчоночьими необходимостями.

– Карина, детка, пообещай вести себя хорошо и слушаться папу.

– Хорошо, – важно кивнула Карина.

– Никакого мороженого на обед. Обещаешь?

– Обещаю, – кивнула Карина, а в глазах уже плясали бесенята, предвкушающие запретную сладость.

– Ты ж моя врушка, – укорила ее София и прижала к себе, уткнувшись носом в ее макушку.

– Ну все, мам, пусти, – закрутилась девочка. – Мы же опоздаем!

– Будь умницей, – София отпустила девочку и молча наблюдала за тем, как та обувается.

Она проводила Карину до подъездных ворот, где ее уже в машине подждал Алекс. Усадила дочь в машину, пристегнула, помахала рукой и, дождавшись, когда машина скрылась за поворотом, вернулась в дом. После не по-летнему сырой и холодной погоды дом встретил Софию теплом и ароматом кофе.

Она долго не могла признаться в этом даже себе, но она ждала этих выходных прогулок как манны небесной. Она осознанно отстранила Алекса от всех бытовых и домашних дел, за исключением тех, что касались Карины. Она хотела показать ему, что и без него прекрасно справляется со всем: потекший кран, сломанное окно, осевшая садовая дорожка – за всеми этими и многими другими вещами теперь стоял не Алекс, а она. Первое время он, на правах все еще мужа, пытался что-то делать в доме, но потом, встречая молчаливое, но упорное сопротивление со стороны Софии, оставил попытки помочь ей.

Именно поэтому выходные для Софии были хоть и небольшой, но отдушиной в полной забот жизни одинокой женщины. Иногда она отправлялась в город – побродить в

парке, зайти в кино, выпить кофе в первой попавшейся кофейне. Еще чаще она оставалась дома: неспешно убиралась, доделывала необходимые по работе отчеты, принимала ванну. Если была хорошая погода – возилась в саду с клумбами.

Подруг у Софии не было. Точнее, они были, но с момента рождения Карины они как-то отсеялись, потому что не было им места в тесном мирке материнской любви. Сейчас, восемь лет спустя, София и была бы рада возобновить с ними общение, но за это время утекло столько воды, что они стали друг другу совершенно чужими людьми.

Допивая кофе, София проматывала в голове вчерашнюю ссору с Алексом и сегодняшний завтрак. И даже под дулом смерти она не призналась бы никому в том, что в этой смиренной тишине она снова и в который раз поняла, что уход Алекса – ее вина.

То, что он начал отдаляться от нее, София поняла через год после рождения Карины. Но именно в это время подняла голову доселе дремавшая послеродовая депрессия. София все понимала, осознавала и даже боялась этого, но предпочитала плыть по течению, а не спасать отношения. Да и, честно сказать, не было у нее сил – ни физических, ни моральных, ни душевных, чтобы спасти кого-то или что-то. Каждый ее день начинался и заканчивался слезами, ночью она проваливалась в сон без сновидений, а днем ждала этого спасительного сна, разрываясь между дочерью, домашними хлопотами и желанием умереть.

Алекс помогал жене по мере сил, но карьера его шла в гору, поэтому он очень много времени проводил на работе. Софию это раздражало – ей тоже хотелось уходить каждое утро на работу, пить в перерывах кофе, болтать и смеяться с коллегами в курилке, а вечером приходить домой с горящими глазами и рассказывать последние новости и описывать свои успехи.

Но вместо этого ее каждый день ждал день сурка: бесконечные кастрюли, детские крики, игрушки, прогулки и стирка. Все это настолько осточертело Софии, что она была бы рада, если бы какой-нибудь случайный кирпич абсолютно случайно упал бы ей на голову.

Трепетная любовь к дочери таяла с каждым днем все быстрее. Бывали дни, когда она ненавидела это существо и ужасалась: зачем ей вообще нужно было рожать. Однажды, доведенная до отчаяния очередной истерикой дочери, София просто посадила ее на лавку в огромном торговом центре и пошла к выходу. Девочка сначала не ощутила никакого подвоха, но спустя минуту начала громко плакать и звать ее. София шла вперед с твердым намерением выйти из торгового комплекса как можно скорее. Но каждый следующий шаг давался ей все труднее, и когда кричащая дочь скрылась за спинами посетителей, сердце ее не выдержало. София резко развернулась и, расталкивая встречных людей, полетела к ней. Ничего не объяснив сгрудившимся вокруг людям, она схватила девочку в охапку и стремглав бросилась прочь от

этого места. К счастью, это был один из самых страшных поступков, о нем она никому не рассказала – просто молча похоронила глубоко в себе и постаралась забыть о нем.

А Алекс с каждым днем становился все счастливее, будто не замечая, что София чахнет все сильнее. Скандалы стали происходить все чаще, недопонимание и недосказанность увеличивали и без того большую пропасть между ними. Уход Алекса был всего лишь закономерным и последовательным поступком после череды всего, что произошло между ними...

Допив кофе, София вымыла посуду и, не найдя себе других дел, прилегла на диван с книгой. Женский роман, который она начала читать несколько дней назад, показался ей плоским и неинтересным, но она из упрямства продиралась сквозь примитивный слог и плоские шутки. Иногда одну и ту же страницу ей приходилось перечитывать по несколько раз, потому что сознание ее снова и снова возвращалось к реальности.

Я навсегда запомнил тот день. Хозяин дремал на диване, убаюканный шумом очередного кинофильма. Люлька с Девочкой стояла рядом с диваном. А вот Хозяйка не спала – она смотрела на свою дочь странными и пустыми глазами. Она что-то бормотала себе под нос – настолько тихо, что даже я, понимающий шепот ветра в стропилах чердака, не мог понять, что же она говорит.

Она долго смотрела на Девочку, очень долго. Потом взяла диванную подушку и поднесла ее к лицу малышки. И тут я понял, что дело плохо. Единственное, что я мог сделать, это как следует грохнуть кухонной дверью. От этого звука Девочка проснулась и заплакала – громко и визгливо. Хозяин тут же подскочил и, растирая заспанные глаза ладонями, спросил у Хозяйки, все ли в порядке. «Да, – ответила она. – Все хорошо. Дома, знаешь ли, и стены помогают». Для меня эта фраза стала знаком свыше – фактически приказом о том, что я должен помочь Девочке выжить, а Хозяйке – вернуться к жизни. Но благими намерениями, как известно, дорога в ад вымощена...

В машине царил тишина. Карина играла с очередным плюшевым монстром – порождением маркетологов детских телешоу. Сам Алекс был сосредоточен на дороге, но помимо этого в мозгу у него шевелилась неприятная мысль: с Кариной что-то не так.

– Как дела в школе? – спросил он, чтобы хоть как-то развеять тишину.

– Нормально, – девочка не отвлекалась от игрушки.

– Что тебе подарили на день рождения?

– Мне подарили деньги. Мама сказала, что на Новый год мы поедем на море, там я смогу их потратить на что угодно.

– Надо же, на море... – удивился Алекс, так как София ничего не говорила ему. – А с вами кто-то еще поедет?

– Нет, только я и мама, – задумчиво произнесла Карина и уставилась в окно на пролетающие мимо дома и деревья. – Даже ты не поедешь.

– Карина, детка, мне очень жаль....

– Я знаю, папа, – перебила его девочка. – У тебя же работа, работа, одна работа.

От воодушевления Карины не осталось и следа – девочку будто подменили. Ситуацию нужно было срочно исправлять, иначе день обещал пойти насмарку.

– Хочешь, заедем куда-нибудь перекусить? – произнес Алекс фальшиво-радостным голосом.

– Нет, не хочу, – вздохнула Карина. – Пожалуйста, хватит строить из себя хорошего папочку.

– Что... Как ты сказала?

– Я... Я просто... – всхлипнула Карина, а через секунду разразилась громовым плачем.

– Ну что ты, малышка, не плачь, – пытался успокоить он дочь, выискивая место, где можно припарковаться.

Наконец, возле какой-то частной клиники подвернулось свободное мест. Алекс кое-как припарковал машину и потянулся к дочери, чтобы обнять ее. Девочка уже почти успокоилась, только тихонько всхлипывала и утирала остатки слез ладошками.

– А теперь, милая барышня, ты расскажешь мне все, что тебя беспокоит, а также то, откуда ты взяла эту фразу, – произнес Алекс деловым тоном.

– Я не хотела тебя обидеть, – ответила девочка. – Просто мама сказала так, когда разговаривала с кем-то по телефону. И я не думала, что это обидно.

– Это не обидно, – заверил ее Алекс. – Но будет лучше, если ты больше не будешь так говорить. Хорошо?

– Ты правда не обиделся?

– Конечно! Но в следующий раз точно обижусь! – в при-
творной обиде он нахмурил брови и надул щеки. Карина
ткнула в них двумя пальцами и засмеялась.

– Хорошо, не буду!

– А хочешь, у нас будет с тобой секрет? – вдруг спросил
ее Алекс.

– Да! Да! Хочу! – захлопала в ладоши девочка.

– Расскажи мне, что еще мама говорила по телефону, и я
не скажу никому – это и будет наш секрет!

– Она сказала, что устала, – после некоторой паузы сказа-
ла Карина. – И еще она сказала, что у нее снова прогерсиру-
ет шарфия.

– Шарфия? – удивился Алекс.

– Да, шарфия. И еще добавила: как два года назад.

– Может, шизофрения? – уточнил он.

– Да, точно! Шизоферния! Папа, а что это значит? И у
кого – у нее?

– Шизофрения это такая болезнь, когда у человека болеет
мозг, и из-за этого он начинает себя странно вести.

– У меня мозг не болеет, – тут же заверила его Карина.

– Это самая лучшая новость за сегодняшний день! – воскликнул Алекс. – Но скажи-ка мне вот что: ты что-нибудь видела или слышала необычного дома или в своей комнате?

– Нет, – ответила девочка, и по скорости ее ответа, а также по отведенным глазам, Алекс понял, что она лжет.

– А если очень хорошо подумать и вспомнить? Хоть что-нибудь? – не унимался он.

– Говорю же, что нет! Велька сказал, что не о чем беспокоиться. Ой... – девочка прижала ладони ко рту. – Пап, пожалуйста, только не говори маме о Вельке, иначе мне опять придется идти к этому ужасному доктору! А он мне не нравится. Он старый-старый, у него пальцы похожи на волосатых гусениц, а в бороде крошки. И еще от него пахнет вареной капустой, фу! Пусть это будет наш секрет, пожалуйста!

– Конечно, конечно, моя хорошая, – успокаивал Алекс разволновавшуюся дочь. – Я ничего не скажу маме.

Они еще немного посидели, вздыхая каждый по своей причине, но внезапный стук в окно заставил их вздрогнуть. За мокрым стеклом, исчерченным каплями дождя, возвышалась темная фигура. Алекс опустил стекло, за которым краснела круглая рожа местного охранника.

– Здрасти, – осклабился он. – Нарушаете, значит? А вот сейчас я штраф-то как выпишу.

– Здравствуйте, – сдержанно ответил Алекс. – Представьте, пожалуйста, и объясните, что конкретно мы нарушаем.

– Да как же, вон – объявление. Не видите или читать не

умеете? – махнул толстяк куда-то себе за спину.

Алекс выглянул в окно и разглядел две таблички: «Парковка только для посетителей клиники» и «20 минут».

– Мы стояли меньше двадцати минут. И мы уезжаем прямо сейчас, – отрезал Алекс. – Карина, пристегнись.

– Куда! Думаете, раз на дорогой машине, значит, можно хамить? Да я при исполнении! – с этими словами он положил руку на капот машины. – Никуда не поедете, пока штраф не оплатите!

– Уберите. Руку. С машины. Пожалуйста, – медленно произнес Алекс.

– А если не уберу, то что? – с вызовом спросил толстяк, однако гонору в его тоне поубавилось.

– Сейчас увидишь, – с этими словами мужчина вышел из машины. За его спиной раздалось робкое «Папа, не надо, пожалуйста».

– И что, бить будешь? – спросил охранник, так и не убрав руку с капота автомобиля.

– Может, и буду, – с этими словами Алекс сгреб толстяка за шиворот и оттолкнул от машины.

– Да я тебя... – кинулся охранник на Алекса. Между мужчинами завязалась драка.

Алекс бил четкими, поставленными еще в юности, ударами. Толстяк хакал и хрипел, но в долгу не оставался. Удары его, пусть и беспорядочные, были весьма болезненные, так как весил он раза в два больше, чем Алекс. Неизвестно,

сколько бы длилась драка, если бы их не разняли подоспевшие полицейские.

– Как всегда не вовремя, – сплюнул Алекс кровавую слюну на землю, забрызгав ботинки одного из удерживающих его полицейских.

– Полегче мне, – толкнул тот его в спину и повел к стоящему рядом уазу.

– Куда! – воскликнул Алекс, вспомнив о Карине. – Пустите, у меня дочь в машине!

– Не переживай, ее тоже заберем, – с этими словами другой полицейский открыл дверь машины и стал уговаривать Карину пойти вместе с ним.

Девочка вышла из машины, ее трясло мелкой дрожью. Она вырвалась из рук полицейского и кинулась к отцу. Тот, вырвав локоть из цепкой хватки сотрудника МВД, подхватил Карину на руки и прижал к себе.

В отсыревшем, пропахшем бомжами нутре уазика было достаточно темно, но Алекс видел, что толстяк прижимает к носу какую-то ветошь, а нос у него, судя по всхрюкам, был сломан. Алекс прижимал к себе дочь и шептал ей на ухо всякий вздор, лишь бы успокоить девочку.

Троицу выгрузили рядом с приземистым серым зданием местного отделения полиции. Внутри, на удивление, оказалось светло и тепло, в воздухе витали ароматы выпечки и кофе.

– Как вкусно пахнет, – сказала Карина, втянув носом воз-

дух. – Прямо как в маминой любимой кофейне.

– Боже мой, с ребенком! – воскликнула пробежавшая мимо женщина, по самую шею упакованная в форму. – Пошли со мной, маленькая, хоть чаю попьешь.

Карина посмотрела на отца и, увидев его кивок, сделала неуверенный шаг в сторону женщины. Та аккуратно взяла ее за руку, одарила Алекса на прощание испепеляющим взглядом и увела девочку в один из кабинетов. Через пару минут из-за приоткрытой двери раздался гомон женских голосов, оханье и звон посуды.

– Пройдемте, – обратился к Алексу и толстяку один из полицейских.

Начали составлять протокол. Алекс не видел смысла отпираться, а вот толстяк решил сначала сыграть запанибрата – мол, оба же охраняем порядок и стоим на страже спокойствия. Но, увидев на лице полицейского недоумение, приправленное долей брезгливости, начал юлить и привирать. Сбивчивая и растянутая во времени его речь начинала раздражать полицейского.

– Так, а теперь еще раз и честно, без всяких украшательств, – сказал тот, барабаня пальцами по столу. Толстяк сдулся и буквально в нескольких предложениях рассказал, как было дело. Не забыв, однако, обелить себя.

– Значит, Вам, господин Вишнеvский, выписываем штраф за нарушение правил стоянки и драку...

– Говорил же нормально: заплати! Теперь будешь в три

раза больше платить! – ухмыльнулся толстяк.

– Вам, господин Минюков, также штраф.

– То есть как так штраф? За что? – выпучил глаза тот.

– За превышение должностных полномочий и драку, – удовлетворенно пояснил полицейский. – Проследуйте в каску с этими бланками.

Соперники вышли из кабинета и сразу взялись за телефоны. Толстяк начал униженно просить у кого-то денег. Алекс же, посмотрев на телефон, пришел в ужас – на экране выдано уведомление о семи пропущенных звонках от Софии. Пригладив волосы и нервно кашлянув, он набрал номер жены.

– Вы где? – раздался в трубке голос Софии. «Как всегда – даже без приветствия», – с сожалением отметил Алекс.

– София, понимаешь, тут такое дело... – замялся он. – Мы в отделении полиции.

– Каком отделении? – с сомнением в голосе спросила женщина.

– В полиции. Мы с Каринкой в полиции.

– Ты... Что с ней случилось?! Что ты сделал с ней?! – закричала София.

– С ней все в порядке. Просто я повздорил и...

– Мне наплевать, что произошло с тобой! Назови мне адрес сейчас же, я заберу ее.

– София, послушай меня, пожалуйста! С Каринкой все хорошо. Но мне нужны деньги – оплатить штраф. Не могла бы

ты привезти их и заодно забрать Каринку?

– А что же твоя потаскуха тебя не выручит? – язвительно отозвалась трубка.

– Она уехала и... Да какая разница! Я прошу привезти мне деньги – мои деньги, которые я тебе сейчас переведу на карту.

– А почему сам не заплатишь, раз деньги есть?

– Не принимают они по карте, строго наличка.

В трубке повисло молчание.

– София?

– Я не глухая. Привезу, – связь оборвалась.

Облегченно выдохнув, Алекс перевел деньги Софии и пошел проведать Карину. Девочка, судя по всему, не скучала. Она сидела на высоком стуле, болтала ногами и ела пирожки, запивая их чаем из огромной, наверное, литровой кружки с рыжим котом. Женщины наперебой что-то спрашивали у нее, девочка отвечала, и все вместе они смеялись.

Алекс остановился в дверях и тихонько постучал по косяку. Женщины синхронно повернулись к нему, улыбку заменило осуждение, и только Карина спрыгнула со стула и как была, с пирогом в руке, кинулась к нему.

– Папа, папа! Ты не представляешь, какие вкусные пироги делает тетя Женя! А еще мне включали мультики и разрешили посмотреть на тебя по телевизору, – показала девочка рукой на мониторы внутреннего наблюдения.

– Это просто здорово! Но нам все равно пора домой. Что

нужно сказать добрым тетям? – спросил ее Алекс.

– Можно еще пирожок? – с обезоруживающей улыбкой выпалила Карина.

Женщины, несмотря на суровость, не смогли сдержать улыбок.

– Забирай все, егоза, – протянула ей увесистый пакет одна из женщин.

– Спасибо, спасибо тетя Женя! – Карина взяла протянутый пакет. – До свидания, не болейте!

Женщины, все еще улыбаясь, тепло попрощались с Кариной, а вот на Алекса они даже не взглянули.

– Следи за папой получше, чтобы он сюда больше не попал, – напутствовала ее одна из женщин.

– Хорошо, буду, – девочка еще раз помахала рукой, и вдвоем они вышли в коридор.

Алекс только и успел, что проводить дочь в уборную. Едва они вернулись в комнату ожидания, дверь распахнулась с громовым «бах», и на пороге появилась София. Одета она была как попало, волосы взлохмачены, в глазах огонь ярости. Она схватила Карину за руку, швырнула Алексу деньги в лицо и прошипела:

– Домой можешь не возвращаться.

Каблуки ее, казалось, высекали искры из каменного пола – так сильно она ими стучала. Алекс собрал деньги с пола, разгладил мятые купюры и пошел в кассу. Женщина с равнодушным лицом приняла у него деньги, засунула их в счет-

ную машину и, свернув фактическую сумму с суммой штрафа, убрала их куда-то под стол. Так же равнодушно шлепнула печатью по квитанции и снова вернулась к своему вязанию.

– Это все? Я могу идти?

– Мгм, – промычала она в ответ.

Выйдя на улицу, Алекс сообразил, что он остался без машины. Вдобавок ко всему дождь так и не прекращался. Хочешь – не хочешь, а пришлось возвращаться в отделение.

– Скажите, пожалуйста, где моя машина? – обратился он к давешнему мужчине, выписавшему квитанцию.

– Чего? – поднял тот голову от телефона.

– Я спрашиваю: где моя машина.

– А, это... На штрафстоянке она, нужно разрешение оформить.

– Почему Вы сразу не сказали?

Вместо ответа тот пожал плечами и спросил:

– Ну что, оформлять?

– А вы как думаете? – терпение Алекса подходило к концу. Он смерил взглядом собеседника и, вздохнув, снова полез за деньгами.

До указанного адреса он доехал на такси. Несмотря на то, что машину отдали на удивление быстро, до дома он добирался почти час – вечерние пробки никто не отменял. Усталый и голодный, дома он оказался в восьмом часу. София и Карина ужинали, не дождавшись его.

– Мама, папа вернулся! – Карина вырвалась из-за стола

и подбежала к Алексу. – Пап, а я тебе пирожок оставила, который тетя Женя мне дала.

– Неси его сюда, я голодный, как волк! – Алекс зарычал, изображая волка.

Карина весело завизжала и метнулась к столу – в спасительные материнские объятия. София усадила девочку доедать, а сама вышла в гостиную, оставив ужин на тарелке.

Алекс ел на автомате, не чувствуя вкуса пищи. На вопросы Карины отвечал механически и односложно. Все мысли его были заняты тем, как задобрить Софию. Потому что, судя по ее лицу, настроена она была весьма воинственно.

Вместе с дочерью они убрали со стола и помыли посуду. Пошарив в холодильнике, Алекс нашел остатки торта и початую бутылку вина. Зная, что при дочери София будет держать себя в руках, он разложил по тарелкам торт и разлил вино.

– Зови маму, – велел он Карине. – Будем лопать десерт!

Девочка убежала в гостиную и через пару минут вернулась, ведя за руку явно недовольную Софию. Та, увидев на столе сладкое, ядовито заметила:

– Вчерашний торт – как это мило. Детям нельзя сладкое на ночь.

– Я знаю, – ответил Алекс, – но пусть сегодня будет исключение – в честь вчерашнего дня рождения!

«Это все ради Карины», – этой мыслью он ободрил себя, улыбнулся и протянул жене руку. Улыбка эта обожгла сердце

Софии – она напомнила ей молодого Алекса – того, с которым они когда-то давно познакомились на чьем-то дне рождения. На секунду ей показалось, что у них все может быть в порядке, и ее губы дрогнули в ответной улыбке. Но мысль о другой женщине тут же стерла ее. Алекс, видя эти метания, понял, что придется надеяться на лучшее.

Карина увлеченно разбирала торт на составляющие и не менее увлеченно поедала их. Выдохнув, как перед нырком в холодную воду, Алекс начал говорить:

– София, прости меня. Я знаю, последние несколько лет были не самые лучшие для нас с тобой. Да и как отец я тоже не очень хороший. Я понимаю, что сегодняшняя ситуация стала верхом безобразия.

– Конечно, – хмыкнула София, многозначительно добавив при этом, – тебе же некогда, у тебя же *работа*.

– Я не оправдываю себя, – продолжал мужчина, пропустив шпильку мимо ушей. – Но, пожалуйста, поверь мне, больше такого не повторится.

– Естественно. Потому что больше вы никуда вдвоем не пойдете и не поедете.

– А как же аквапарк, мама? Ты же обещала! – запротестовала Карина.

– В аквапарк мы ходим с тетей Верой и Алисой.

– Не хочу с Алисой! Она говорит плохие слова и кидается в меня своими козявками!

– Значит, ходим вдвоем.

– Не хочу вдвоем! Хочу с папой! Ты обещала!

– Карина, марш спать, – сердито отчеканила София.

– Я не хочу спать, еще рано!

– А я сказала – марш спать! – с этими словами София сдернула Карину со стула.

Девочка задела рукой блюдце с тортом, и оно, изящно дзинькнув о пол, разбилось на несколько частей. Алекс нагнулся было собрать биксвитно-фарфоровое месиво с пола, но София рывкнула:

– Не трогай ничего! Я сама уберу! – и потащила упирающуюся и плачущую девочку на второй этаж, попутно отвесив ей несколько шлепков.

– София, прекрати! – крикнул он жене в спину. – Оставь ребенка в покое!

– Без тебя разберусь, Макаренко хренов!

Через несколько минут София вернулась на кухню и принялась убирать с пола осколки фарфора и торт.

– Я хотел бы попросить... – начал Алекс.

– Нет! – яростно перебила его жена. – С этого момента ты проводишь с ней время только дома! Ты просто не создан для детей! У вас вечно какие-то приключения! То руку сломали, то пчелы ее покусали, теперь вот драка! Хорош отец – ничего не скажешь! Умудрился испортить день рождения дочери дважды за сутки!

– Можно подумать, ты – идеальная мать! – дочери не было рядом, поэтому Алекс не стал сдерживаться. – Ты обра-

щаешься с ней хуже, чем с собакой! Подавляешь ее, бьешь! Ты думаешь, если попросить ее ничего не говорить папе, она будет молчать? Как бы не так! Если начнется суд, то все это будет не в твою пользу, так и знай!

– Ты не живешь с нами, поэтому не знаешь, как тяжело мне приходится. Посмотрела бы я на тебя, если бы ты про-водил с ней дни напролет.

– Я просил тебя отдать ее мне!

– Еще чего! Чтобы она жила с твоей потаскухой? Только через мой труп!

– Причем здесь это! Я снял бы квартиру и...

– Да, квартиру, в которой заправляла бы твоя потаскушка!

– Прекрати! – хлопнул Алекс кулаком по столу. – Почему ты не сказала мне, что у нее снова начались приступы?

Этот вопрос застал Софию врасплох.

– Думаешь, это так легко – растить ее в одиночку? Думаешь, я не устаю? Я устала! Я устала быть матерью! Я хочу быть просто женщиной, я хочу быть счастливой! Я устала быть сильной!

– София, но я же... – начал Алекс.

– Что «я же», что?

– Я хочу тебе помочь, но ты не даешь.

– Не нужна мне твоя помощь, – зло крикнула она. – Мое решение о том, что я не отдам тебе Карину после развода, было ошибочным. Если хочешь – можешь забирать ее с собой хоть завтра. Вещи я сама привезу. Я устала. Мне надое-

ло тащить этот чемодан без ручки. Я не могу ее больше видеть – чем старше она становится, тем больше она похожа на тебя. А ты предатель, и я тебя ненавижу, – она по-детски шмыгнула носом и с вызовом посмотрела на Алекса.

Он в ужасе смотрел на нее, не веря, что его жена, его София, которая всегда была доброй и отзывчивой, может говорить такие слова. И о ком! О собственном ребенке!

– Послушай, ты сейчас не в себе, – попытался он успокоить ее. – Сегодня у всех был нелегкий день. Давай завтра обсудим это.

– Ага, вот ты и сдулся, – невесело усмехнулась она. – Был папа – и нет папы. Испугался, что останешься один на один с ненормальной дочерью, которая твоей потаскухе не нужна будет. Спокойной ночи.

На кухне воцарилась тишина – только дождь барабанил по стеклу, отсчитывая ритм надвигающейся ночи. Алекс молча сидел за столом, глядя в одну точку. А за ним, без его ведома, внимательно наблюдала пара детских глаз.

Насильно уложенная матерью спать, Карина плакала. Когда же она поняла, что слезами маму не разжалобить, то решила действовать. Откинув одеяло, спустила босые ноги на пол. В комнате царил темнота, поэтому, чтобы было не так страшно, она подхватила Матрену и на цыпочках пошла к двери. Тихонько открыла ее, так же осторожно, чтобы не скрипнула лестница, спустилась вниз и притаилась в углу за открытой кухонной дверью.

Она слышала все, о чем говорили родители. Что-то ей было ясно, как божий день, чего-то она не понимала. Но самое главное для себя она вынесла: мама больше не любит ее. Карина пыталась вспомнить, чем так сильно обидела ее. Не почистила зубы позавчера? Но мама этого и не заметила. Может, из-за разбитого блюда с тортом? Тоже нет – мама никогда не ругала ее за такое, всегда говорила, что к счастью. От усталости и слез думалось девочке тяжело. Мысли ворочались неподъемными камнями, она часто повторяла про себя одно и то же слово по слогам в прямом и обратном порядке.

За всеми этими раздумьями она едва ли не пропустила момент, когда София направилась к выходу из кухни. Вжавшись в угол за дверью, Карина умоляла своих детских богов лишь об одном – чтобы мама не заметила ее. Но София была настолько сосредоточена на себе, что прошло мимо дочери, не обратив на нее внимания.

Карина постояла еще немного, наблюдая за отцом. Тот сидел молча и неподвижно, как статуя, потом внезапно, так, что Карина вздрогнула, хлопнул ладонью по столу, негромко выругался и пошел в гостиную.

Понурившись, девочка побрела в спальню. Забравшись в кровать и накрывшись одеялом с головой, она стала напевать себе под нос какую-то песенку. Через пару минут она услышала, как дверца шкафа, стоящего напротив кровати, тихонько поскрипывает в такт мелодии. Карина вылезла из-под одеяла. Наступила тишина.

– Велька, это ты? – шепотом спросила она. Дверца скрипнула один раз. – Мне так грустно, Велька. И страшно, вдруг мама отдаст меня злобной потаскухе?

Дверца скрипнула два раза, из коробки с игрушками выскочил мяч и подкатился к кровати.

– Уже поздно играть. Лучше расскажи мне сказку, – попросила Карина.

Едва она произнесла это, как дверцы шкафа бесшумно открылись, и одежда, висевшая на плечиках, с тихим шорохом разъехалась в разные стороны как занавес. Стенка шкафа осветилась мягким желтым светом, и на ней проступили черные тени – три фигуры: мужчина, женщина и маленькая девочка. У сказки менялись декорации и сюжет, но одно было неизменно: папа, мама и их дочь всегда были вместе, помогая и спасая друг друга. Карина счастливо улыбалась, наблюдая за тенями. В душе у нее воцарился мир и покой. Не досмотрев сказку до конца, она уснула.

Скрипеть мебелью да показывать сказки – единственное, что я мог. Это раньше, когда она была совсем крошкой, достаточно было подкатить к ней погремушку, помигать ночником или покачать ее кроватку. Но девочка растет, становится старше, и порой ей уже не хватает моих утешений. Да и как я могу помочь ей и утешить ее? Ведь я обычный старый дом...

У психолога

Утро снова выдалось мрачным и сырым. Дождь так и лип к окнам, размывая уличный пейзаж до серого месива. Впрочем, за столом тоже было не лучше. Даже Карина, обычно болтливая до ужаса, сегодня молчала и ничего не ела.

– Карина, солнышко, с тобой все в порядке? – забеспокоилась София.

– Да, все хорошо.

– Что же ты не ешь? Дай лоб пощупаю, – с этими словами женщина наклонилась к дочери и прижалась губами к ее лбу.

В этот момент Карина вдруг заплакала, обхватила Софию двумя руками и заговорила быстро, глотая окончания:

– Мама, прости меня, я не хотела тебя обижать, только не переставай меня любить! Не отдавай меня никакой потаскухе. Я буду послушная, я буду чистить зубы, буду убирать игрушки, только не выгоняй меня!

Слова лились из девочки дробным сбивчивым речитативом, крупные, с горошину, слезы катились по щекам.

– Ты хотела, чтобы ситуация разрешилась? Вот, пожалуйста – теперь нам точно необходимо поговорить, – произнес Алекс.

– О чем поговорить? – София делала вид, что не понимает его.

– Боже мой! Хватит ломать комедию! – вспыхнул мужчи-

на. – Это невыносимо! Мы отравляем жизнь не только друг другу, но и ребенку.

– Велька сказал, что ты не отдашь меня, – всхлипнула Карина, и эти слова заставили родителей замолчать.

– Малыш, мы же обсуждали Вельку, – осторожно произнесла София. – Это просто выдумка.

– Нет! Нет! Неправда! – воскликнула девочка. – Он утешает меня, показывает мне сказки, играет со мной. Он правда есть, он живет в шкафу!

Родители переглянулись – им сразу стало не до выяснения отношений. Оба поняли, что сейчас важнее всего спасти ребенка, причем любой ценой. София начала судорожно перебирать контакты телефонной книги в поисках номера того самого капустного профессора.

Уже через час все трое сидели в белом стеклянном кабинете психолога. Помня Карину и ее проблему по прошлым визитам, он сразу начал с места в карьер.

– Ну что, моя дорогая, Велька опять вернулся? – Карина не ответила. – Что он говорил тебе в этот раз?

Карина не отвечала ни на один вопрос, даже не смотрела в сторону психолога. А тот, входя в раж, наседавал на нее, задавая один вопрос за другим. Наконец, Алекс, вместе с Софией сидевший чуть в стороне и позади Карины, не выдержал:

– Оставьте Вы ребенка в покое! Вы разве не видите, что у нее стресс!

– Молодой человек, успокойтесь, пожалуйста. Доктор

здесь я, мне виднее, как вести диалог с больной.

– Она не больная!

– Не кричите, своим криком Вы лишь усугубляете состояние девочки. А ее нужно жалеть...

– Не надо меня жалеть, – перебила его Карина, не прекращая разглядывать носки своих кроссовок. – Я все знаю про потаскуху и то, что мама хочет отдать меня ей.

В кабинете повисла тишина. Глаза и рот профессора округлились, он уставился на Софию и Алекса.

– Карина, ты что..... – начала было женщина, но психолог поднял руку в жесте, призывающем ее к молчанию.

– А где ты услышала это слово? Ты знаешь, что оно означает? – осторожно спросил у девочки доктор, пытаюсь нащупать ниточку диалога и раскрутить его.

– Слышала. Мама так вчера говорила, когда они с папой ругались. Она сказала, что отдаст меня и чемодан без ручки, который устала нести.

София занервничала, заерзала в кресле.

– Так-так-так, – медленно проговорил доктор, из-под очков разглядывая Софию и Алекса. – Кажется, мы копаем совершенно не в том направлении. Думаю, сначала нам нужно поговорить с мамой и папой.

По интеркому доктор вызвал секретаря, которая увела Карину в игровую, посулив ей мультики и раскраски. Выходя из кабинета, девочка не посмотрела ни на Софию, ни на Алекса. Как только дверь за ней закрылась, профессор сло-

жил ладони домиком и вперился взглядом в пару.

– Расскажите, пожалуйста, что такого услышала Карина?

– Это личное, семейное дело, – ответил Алекс.

– Послушайте-ка, молодой человек. Мне совершенно нет дела до вашей личной жизни – я не привык копаться в чужом грязном белье. Но между вами состоялся какой —то разговор, который девочка, судя по всему, подслушала случайно. В этом разговоре было что-то, что послужило пусковым механизмом для нового приступа болезни, от которой мы пытаемся избавиться уже несколько лет с переменным успехом. Возможно, это станет ключевой точкой, опираясь на которую, мы сможем проработать вашу ситуацию и навсегда избавить Карину от ее воображаемого друга. Поэтому я спрашиваю еще раз: что такого она могла услышать?

Глубокого вдохнув и закрыв глаза, как перед прыжком в холодную воду, София начала рассказывать историю их семьи: начиная со своей депрессии и заканчивая жизнью мужа на два дома. За все время ни один мускул на ее лице не дрогнул, она как будто окаменела. На середине рассказа Алекс вскочил с кресла и принялся расхаживать вдоль книжной полки, заложив руки за спину – пять шагов туда, пять шагов обратно. Пять шагов стыда, позора и ужаса за то, что он, точнее – они с женой, натворили.

Профессор слушал внимательно, делал пометки в блокноте, хмыкал и потирал лоб. Наконец, София закончила рассказ и произнесла:

– Теперь вы знаете все. Можете сколько угодно ужасаться тому, какая я плохая мать, но я устала.

– Осуждать Вас не входит в мои компетенции, – не отрываясь от блокнота ответил профессор. – У меня лишь один вопрос: почему Вы не рассказали мне об этом во время первой встречи? Если бы я знал правду, вся терапия проходила бы под совершенно иным углом. Не понадобились бы психотропы и успокоительные. Да, наломали же мы дров....

– Это мы и без Вас знаем. Лучше скажите, что нам делать.

– Что делать? Нужно сесть и все рассказать Карине, обсудить с ней сложившуюся ситуацию.

– Но ведь это будет для нее большим стрессом, – запротестовала София.

– А то, что она услышала и не понимает, что к чему, – это не стресс, по-Вашему? – метнул на нее раздраженный взгляд психолог. – Из двух зол выбирают меньшую. Если она будет знать ситуацию, у нее появятся хоть какие-то ориентиры. И это в любом случае гораздо лучше, чем та нездоровая атмосфера самопожертвования и ненависти, в которой она находится сейчас.

– И когда нужно это сделать? – спросил Алекс.

– Как можно скорее, в идеале – сейчас. Но есть одно условие, – произнес психолог. – Учитывая, в какой тугий узел все это затянулось, я бы хотел присутствовать при разговоре, чтобы корректировать ход беседы.

– И как же Вы собираетесь это делать? – усмехнулась Со-

фия.

– Ну, если Вам интересно... Говорите обычным тоном, не нужно шептать или повышать голос, перекрикивая друг друга. В слова вкладывайте максимальное количество тепла и спокойствия. Дайте понять ребенку, что он не виноват в том, что папа и мама будут жить отдельно друг от друга. Если что-то пойдет не так, я дам Вам знать – например, вот так, – профессор покашлял, как будто прочищал горло.

– А что делать, если она будет задавать вопросы? – спросила София.

– Отвечайте на них максимально спокойно, без обвинений. Когда девочка смирится с мыслью, что родители живут раздельно, тогда мы сможем продолжить терапию и, я очень на это надеюсь, устранить проблему окончательно.

– Хорошо, мы согласны, – ответила София.

Секретарь, повинувшись сигналу интеркома, ввела Карину в кабинет, шепнув профессору, что девочка так и просидела, ничем не заинтересовавшись. Тот кивнул, дождался, когда секретарь выйдет и обратился к девочке:

– Карина, папа с мамой хотят поговорить с тобой и сказать тебе кое-что очень важное. Ты готова выслушать их? – та молча кивнула головой. – Хорошо, сейчас я уйду, и вы втроем поговорите.

Демонстративно взяв книгу, он скрылся за белой резной ширмой и, усевшись в ротанговое кресло, принялся шелестеть страницами. Тишина окутала кабинет невидимым ко-

коном. Наконец, Алекс произнес:

– Карина, солнышко, ты вчера подслушала наш с мамой...
– из-за ширмы раздалось покашливание, – ...услышала наш с мамой разговор. Мы поступали неправильно, обманывая тебя, и теперь хотим рассказать тебе правду, чтобы ты не переживала и не боялась.

Девочка по-прежнему молчала. Слово взяла София.

– Иногда происходит так, что мама с папой перестают любить друг друга, и тогда они разводятся, чтобы не мешать друг другу жить. Но это не значит, что они перестают любить своих детей или бросят их.

– Как папа бросил меня? – спросила девочка.

– Я не хотел тебя бросать, просто обстоятельства... – начал было Алекс, но из-за ширмы снова послышалось покашливание. – Я не бросаю тебя, я по-прежнему люблю тебя.

– Тогда почему ты уходишь, если любишь меня? – не унималась Карина.

– Потому что я больше не люблю твою маму.

– Потому что папа теперь любит другую женщину, – ядовито заметила София. За ширмой снова раздался кашель.

– Но если ты разлюбил маму, откуда я знаю, что ты меня не разлюбишь?

– Потому, что ты моя любимая и единственная дочь, – психолог закашлял снова. – Выпейте уже воды, профессор! – раздраженно крикнул ему Алекс.

– А если другая дочь будет? Ты меня перестанешь лю-

бить? – спросила девочка.

– Я... Нет, что ты, что ты! Даже если у меня будет тысяча дочерей, я буду любить тебя!

– Обещаешь?

– Обещаю!

– А кому мама меня хотела отдать? И почему?

– То слово, которое ты услышала, оно... – замялась София, подбирая объяснение. – Оно ругательное, обозначает плохую женщину, которая веселится с чужими мужьями и папами.

– Получается, ты тоже потаскуха? Ты же веселилась на дне рождения с дядей Микой, и с дедушкой, и с другим дядькой.

– Детка, я просто танцевала с ними, а не... Забудь, что я только что тебе сказала, – замахала руками София. – Вот это слово, на букву «П», означает женщину, которая хочет жить с другим мужчиной, хотя у него есть свой дом, жена и дети.

– А почему ты меня хочешь отдать ей? И что за чемодан без ручки?

– Понимаешь, маме никто не помогает дома, поэтому она очень сильно устает, и ей иногда хочется побыть одной, чтобы никто не мешал, – вмешался Алекс. – У тебя так же было, помнишь? Когда ты полдня пролежала под кроватью.

– Помню, – кивнула Карина. – Но я стараюсь помогать маме, слушаться ее и не мешать, когда она просит меня посидеть тихо, потому что она разговаривает по работе.

– К сожалению, мышка моя, у взрослых есть очень много

проблем и забот, которые за них никто не решит. Например, работа. Ты же не сможешь маме помочь, а работа у нее очень сложная и ответственная.

– То есть мама не будет меня никому отдавать?

– Отдавать – нет, но если ты вдруг захочешь пожить со мной, а не с ней, то я буду рад этому.

– А мама не обидится?

– Нет, мама не обидится, – проговорила София.

– Но ты все равно будешь жить отдельно, папа, – наморщила нос Карина и расплакалась. – Я не хочу так! Я хочу, чтобы мы жили вместе! Чтобы все было как раньше!

– Детка, не расстраивайся так, – принялся успокаивать ее Алекс. – Мы будем жить отдельно с мамой, но ты будешь жить там, где захочешь!

– Запомни самое главное – ты ни в чем не виновата! – проговорила София, взяв девочку за руки и глядя ей в глаза. – Мама с папой будут жить отдельно, но будут любить тебя так же сильно, как и раньше. И ты сама можешь выбрать, с кем тебе жить.

Из-за ширмы появился профессор и жестами показал родителям оставить девочку. Те послушно сели на кресла, оставив поникшую Карину на кушетке.

– Карина, – обратился к девочке психолог, – давай договоримся так: раз в неделю ты с мамой или папой будешь приходить ко мне и рассказывать мне только о двух вещах: о своей семье и о Вельке. Идет?

Девочка молча кивнула.

– Если вдруг захочешь рассказать о чем-то еще – я буду рад тебя выслушать. Но о семье и о Вельке – обязательно!

Еще один кивок.

– Вот и славно, – мужчина повернулся к Софии и Алексу. – Сегодня я вышлю вам свою статью о том, как вести себя с ребенком в подобных ситуациях. Рекомендую прочесть ее и взять на вооружение.

Все трое попрощались с профессором и в полном молчании вышли из здания клиники. В молчании доехали до дома, пообедали, а после этого каждый разбрелся по своим углам. София зашла в комнату к Карине и попыталась завязать с ней разговор, но та лежала молча, сжимая свою выдавшую виды Матрену, и безучастно смотрела в окно. Видя, что не может достучаться до дочери, София спустилась в гостиную. Там, в кресле, сидел Алекс и что-то быстро писал в телефоне. Сжав зубы, чтобы не отпустить злобное замечание, София прилегла на диван и раскрыла книгу.

– Как она? – закончив писать, спросил Алекс.

– А сам как думаешь? – резче, чем хотелось бы, спросила в ответ София. – Лежит и смотрит в одну точку. Лучше бы плакала или ругалась – это всяко понятнее, чем такое молчание.

Алекс кивнул. София, видя, что разговор окончен, взяла в руки книгу. Но за двое суток роман не стал интереснее, поэтому она читала его автоматически, не задумываясь, –

лишь бы закончить и поставить в уме галочку «Прочитано». Неудивительно, что через полчаса она задремала. Сквозь сон ей казалось, что диван тихонько раскачивается вместе с ней – как крохотная лодчонка, на которой она плывет куда-то по волнам тихой спокойно реки...

По волнам тихой спокойно реки скользили солнечные зайчики. София открыла глаза. Лучи просвечивали толщу воды насквозь, из-за чего она была похожа на бутылочное стекло. Здесь, внизу, эти солнечные столбы казались осязаемыми – их можно было потрогать. София оглянулась – кругом была вода. Впрочем, мысль эта не вызвала никакого страха – так бывает во сне, когда самые нелепые и абсурдные вещи воспринимаешь как нечто само собой разумеющееся.

Поверхность реки находилась далеко вверху, дна же не было видно совсем. София протянула вперед руку и не увидела ее, в испуге опустила вниз глаза – у нее не было тела. Вообще. Она была мыслью. Привидением. Духом воды. Кем-то невидимым, но существующим.

Неподвижность реки нарушилась каким-то шевелением – кто-то плыл. София потянулась к плывущей фигуре. Физически она никак не ощутила переход между водой и воздухом – просто кругом все стало ярче. Плывущая фигура оказалась ее дочерью. София помнила, что Карина не умела плавать, она хотела поддержать ее, но тут же вспомнила, что у нее нет тела.

– Карина, – позвала она. – Ты здесь одна? Почему ты здесь

одна?

Девочка не ответила – она продолжала плыть вперед с остервенением и настойчивостью. София вилась вокруг дочери, но та игнорировала ее. Через некоторое время женщина заметила, что дочь устала: дыхание сбилось, в глазах появилось загнанно-испуганное выражение, ушла из движений плавность – они стали резкие и дерганые. Вот вода попала ей в рот, второй раз, третий, потом мелкая волна плеснула девочке в лицо. Вода попала в нос, Карина начала кашлять и задыхаться. Глаза ее округлились, лицо побледнело, она беззвучно открывала и закрывала рот, пытаясь сделать вдох. А вода все захлестывала ее. София поняла, что ее дочь вот-вот утонет. Она звала ее, кричала, пыталась удержать ее голову над водой, чтобы ты откашлялась и отдышалась – но все тщетно. Девочка стала опускаться под воду все глубже и глубже. Глаза ее стали еще шире, губы почернели от окружающей зелени и нехватки кислорода.

София видела, как медленно и мучительно умирала ее дочь, но ничего не могла поделать с этим. Она кричала, но голоса ее не было слышно. Она пыталась вытолкнуть девочку на поверхность, но у нее не было рук. В отчаянии женщина беззвучно кричала и проклинала всех и вся на свете. Умоляла самых древних и жестоких богов взять ее, но оставить дочь в живых. Но все было тщетно. И без того слабые попытки Карины бороться за жизнь прекратились: глаза остекленели, рот приоткрылся, тело полностью расслабилось. Девоч-

ка стала плавно опускаться вниз. Беспомощная София просто следовала за ней. Падение это стало убыстряться, и вот уже они камнем летели вниз, где начали прорисовываться нечеткие контуры какого-то строения. Дышать Софии становилось все тяжелее. Она чувствовала, как тяжелая соленая вода заполняет ее до краев, омывает легкие. Очень скоро женщина начала захлебываться.

Падение все ускорялось, и в одно мгновение София поняла, что видит под собой свой дом. Он приближался все быстрее и быстрее. От страха она начала кричать, размахивать руками и ногами, чтобы хоть как-то затормозить падение. Вот уже можно различить окна и горшок с геранью на них. Вот видны незабудки в саду под каштанами... Вслед за Кариной София пролетела сквозь крышу, оба этажа и, прежде чем удариться об пол в подвале, с криком проснулась. Руки и ноги ее запутались в плете, которым заботливо накрыл ее Алекс. Из горла рвался хрип, слезы оставили на щеках липкие дорожки.

– Соня, Соня, проснись! – тряс ее за плечо Алекс.

– Отпусти меня, – прохрипела она, и мужчина, видя, что она пришла в себя, сел рядом.

– С тобой все в порядке?

– Да. Мне снилось... Мне снилось... – София села, потерла глаза. – Мне снился кошмар. Там была Карина, и она... – женщина заплакала.

Алекс обнял ее. Он чувствовал, как мелкой дрожью со-

трясается тело некогда любимой женщины. Когда-то любимое тело, изученное до последнего сантиметра. Близость жены, ее явная незащитность и возбуждение, вызванное этим, смутили Алекса. Он отодвинулся от нее ровно настолько, чтобы соприкоснуться с ней только руками. София продолжала плакать.

– Успокойся, это всего лишь сон. Это просто сон, – монотонно повторял он раз за разом.

Через некоторое время София успокоилась. Дом притих. По окнам и карнизам барабанил дождь. Она уже хотела было рассказать Алексу о своем сне, как вдруг тишину дома пререзал громкий звонок – это звонил телефон Алекса.

– Извини, – разомкнул он руки. И по его виноватому тону и отведенному взгляду София поняла, что ему звонила та, другая.

Алекс взял в руки неистовствующий телефон и вышел на кухню. Из-за неплотно закрытой двери София слышала его голос, но слов не разбирала. Монотонный сначала, он вдруг пополнился нотами раздражения и закончился на повышенных тонах.

Софии снова стало горько от того, что она вынуждена делить мужчину, которого где-то в глубине души все еще любила, с другой – наглой, бесцеремонной, молодой и от того самоуверенной...

– Привет, любимый, – проворковала в трубку Ева.

– Привет. Послушай, я просил тебя не звонить мне, когда

я дома.

– Но я просто хотела услышать твой голос, я так соскучилась по тебе.

– Я тоже соскучился, но мы же договаривались.

– Я устала быть на вторых ролях! Ты совсем не любишь меня! – женщина так резко сменила направление разговора, что Алекс опешил. – Я не могу видеть, как тырываешься на два дома. И сама так жить не могу! Приезжай прямо сейчас!

– Нет, сейчас я приехать не смогу, – ответил он.

– Я так и знала, что ты до сих пор любишь свою простушку! – в голосе Евы послышались слезы. – Если не приедешь сегодня, сейчас, можешь вообще не возвращаться.

– Хорошо, как скажешь, – ответил Алекс ледяным тоном.

– Постой, не клади трубку! Я просто разозлилась, что ты уже вторые сутки не даешь о себе знать.

– Послушай, Ева, – в голосе Алекса послышалось раздражение. – Я сказал тебе сразу, что будет так и так, ты согласилась. Теперь же обвиняешь меня в чем-то, угрожаешь, шантажируешь.

– Я не угрожаю, я просто....

– Нет, угрожаешь. Ты думаешь, я ради тебя брошу дочь?

– Нет.

– Поэтому прекрати вести себя как избалованный ребенок! Мне и без твоих истерик проблем хватает!

– София?

– Да. То есть нет. До свидания, Ева. Я позвоню тебе позже. Или напишу, – Алекс выключил телефон. Прислонился спиной к двери и тяжело вздохнул.

– Скоро это все закончится. Потерпи еще немного, – еле слышно проговорил он, успокаивая себя.

София взглянула на часы – без четверти пять. Пора было готовить ужин. Чувствуя вину перед дочерью, она решила приготовить что-нибудь, что порадует Карину. Минуту закрытую кухню, София поднялась на второй этаж и, тихонько постучавшись, вошла в комнату дочери. Кровать была пуста, одеяло скомкано и сброшено на пол.

– Карина, ты где?

Никто не отозвался.

– Карина? – уже тревожно позвала София. Снова тишина.

Женщина заглянула под кровать, за кресло, в шкаф – девочки нигде не было. Ее охватила паника: вдруг девочка, не выдержав событий последних дней, просто ушла из дома? Она, София, спала, чем занимался Алекс – неизвестно. Они могли просто не заметить, как Карина вышла через заднюю дверь и исчезла, растворилась в мокром злом городе.

Мозг Софии рисовал одну картину страшнее другой. Она металась по комнате, пытаясь сообразить, что Карина могла взять с собой. Открыла шкаф, залезла в него почти с головой, запуталась в бесконечных платьях и кофтах дочери. Внезапно за ее спиной хлопнула дверь. Женщина испугалась, попятилась и едва не упала. Выпутавшись из дочериной одежды,

она увидела, что сама дочь стоит перед ней живая и невредимая.

– Ты где была?! – накинулась она на нее. – Ты не представляешь, как ты меня напугала!

– Я просто была в туалете, – удивленно Карина.

– Ты... Иди сюда, – София протянула к девочке руки, та недоверчиво приблизилась к матери и разрешила себя обнять. – Что бы ты хотела на ужин?

– Все равно. Я вообще есть не хочу.

– Прямо вообще-вообще все равно? Может, тефтельки сделать?

– Как хочешь, – пожала еще раз плечами девочка.

– Ну, хорошо, что-нибудь придумаем. Не хочешь помочь мне?

– Нет, я лучше уберу вещи, а потом полежу.

Карина высвободилась из объятий матери и проскользнула к шкафу и вороху одежды на полу. София устыдилась и хотела было помочь дочери, но та вежливо и очень твердо попросила ее не мешать. Совсем сникнув, женщина спустилась вниз и взялась за ужин.

На кухне было пусто – видимо, Алекс вышел куда-то, оставив при этом телефон на столе. Сквозь стук ножа по разделочной доске София слышала, как телефон завибрировал. Она взглянула на экран и увидела сообщение:

Ева: Прости, пожалуйста. Я тебя очень люблю и соскучилась!

София жсала зубы и вернулась к луку. Плакала она, или лук был слишком едкий, но слезы текли у нее по щекам одна за одной, срываясь с кончика носа, просачиваясь между губами, скользя по ключице вниз.

Я обязан любить Хозяина, ведь он главный, но он приносит Хозяйке только слезы, а Девочке – беспокойные сны. К тому же я чувствую, как от него пахнет другим домом – новым, модным – из тех, что сделаны из стекла и металла, в которых нет души. Нет, что-то в этих домах все-таки живет, но это настоящий муравейник – такие дома не могут защищать и утешать своих Хозяев, потому что нет у таких домов одного Хозяина, поэтому и души в них нет. Поэтому и разит от них мертвечиной. Как и от самого Хозяина теперь.

Я пытался поговорить с ним, но он, как и София, не слышит меня. Он совершенно глух ко всем тем знакам, которые я являю ему. Хотя, ничего удивительного в этом нет. Взрослые, как правило, действительно мало что замечают, кроме своих проблем. Они не видят дальше собственного носа. Все, что им непонятно, объявляется враждебным. Все, что их не интересует, получает клеймо «Глупость». Они закрыли не только глаза и уши, но и мозг, отгородившись от иррационального смешным понятием случайности. Но я-то знаю: случайностей не бывает.

Я не мог говорить с Хозяином, тогда я начал действо-

вать. Я ломал под ним стулья, диван ужасающе скрипел, стоило ему присесть или лечь на него. Я прятал его вещи. Однажды даже пробовал испугать, начав душить одеялом, но он просто скинул его на пол. Я делал все, что мог, чтобы отвадить его, но этого было мало. Стулья менялись, диван постоянно смазывался, вещи он находил без труда. Подозреваю, что это получалось у него так ловко потому, что он уже отвык жить в настоящем доме.

И все это время меня терзал один-единственный вопрос: почему? Почему хозяйка просто не может не пустить его? Ведь я слышал, как она говорила об этом. Зачем она продолжает мучить и себя, и Девочку? Я мог бы ей помочь, но она не слышит меня. И как мне докричаться до нее, если я просто-напросто старый дом...

Дождливая бессонная ночь плавно переросла для Алекса в серое утро. Всю ночь мужчина ворочался с боку на бок, обдумывал сложившуюся ситуацию. Пару раз он проваливался в беспокойный сон, но уже через несколько минут просыпался от неясного шума – то ли чей-то прерывистый шепот на грани слышимости, то ли шаги. Да еще диван скрипел немилосердно, хотя на прошлой неделе он собственноручно смазал весь механизм. Но больше, чем ночной морок и скрипящий диван, его занимал вопрос о душевном и психическом здоровье Карины. Он хорошо помнил тот день, когда дочь впервые рассказала ему по секрету о том, как дом играет с

ней...

Накануне он и София сильно поругались. Повод, как всегда, был мелочный: он пообещал забрать Карину из детского сада пораньше, но из-за затянувшегося совещания опоздал и приехал в сад почти к закрытию. Ничего страшного, на его взгляд, не произошло: помимо Карины в группе оставалось еще двое детей, к тому же дочка не выглядела расстроенной. Однако у Софии на это было свое, отличное от его, мнение. Едва они переступили порог дома, она окатила Алекса едким презрением:

– Такое чувство, будто ты женат не на мне, а на своем начальнике, а вместо нормальной семьи у вас бесконечная работа. Мог бы Карину вообще не забирать. А что такого? Пусть останется в саду на ночь!

– Соня, пожалуйста, не преувеличивай.

– Что не преувеличивать? Что тебе наплевать на ребенка и на меня?

– Когда я забирал ее, она была счастлива.

– Да, от того, что за ней наконец-то пришли!

– Нет, от того, что они играли в прятки.

– Ты обещал забрать ее пораньше, – упрямо стояла на своем София. – Ты совсем не умеешь держать слово.

– Да господи боже ты мой! – не выдержал Алекс. – Она жива и здорова, ей было весело в саду, она там была не одна! Что поменялось из-за того, что забрали ее на час позже?

– Например, то, что ужин остыл. И наш семейный кино-

вечер испорчен.

– Ужин можно разогреть, а кино посмотреть и без Карины!

– Ты можешь сам греть себе ужин и сам смотреть кино. Мы уходим.

– Куда вы собрались на ночь глядя?

– Туда, где нам рады, а меня всегда выслушают, поймут и поддержат, – София картинно добавила в голос слез и, потянув за собой Карину, вышла в мягкие весенние сумерки. Девочка протестовала, что хочет остаться дома и поиграть с папой, но мать шикнула на нее, пригрозив оставить без сладкого.

Без аппетита поужинав, Алекс устроился на диване и включили кино, которое они с Софией отобрали для пятничного вечера. На середине фильма он задремал, утомленный бесконечными страданиями главной героини. Из сна его вырвал стук захлопывающейся двери и яркий свет.

– Ну как, хорошо одному, без семьи?

– Соня, ну хватит. Ты же сама уехала, забрав Каринку. Кстати, где она?

– Уснула в машине, помоги занести ее в дом.

Алекс выключил свет в прихожей и аккуратно, стараясь не разбудить девочку, понес ее в спальню на второй этаж. Надеясь, что жена успокоилась, он спустился вниз, но та поджидала его в полной боевой готовности.

– Настолько устал, что даже посуду не смог помыть за со-

бой? – набросилась на него она. – Сожрал все, не подумав даже о ребенке, да еще свинарник развел.

– А почему ты не подумала о ребенке, увозя ее неизвестно куда, не накормив прежде ужином?

– Она поела в гостях!

– Ну вот видишь, о чем речь тогда? – устало отбивался Алекс.

– Ты... Ты... – София искала какой-нибудь повод, чтобы обвинить мужа. – Ты начал смотреть пятничный фильм без меня!

– А не надо было уезжать!

Упреки и оскорбления сыпались одно за другим. Градус напряжения повышался. Пара давным-давно перешла на крик, периодически шикая друг на друга: «Не ори, ребенка разбудишь!». Когда София исчерпала запас упреков из настоящего, она переключилась на прошлое. Из его пыльных сундуков были вытряхнуты все мало-мальски крупные ссоры, обиды, невыполненные обещания и все то, что может годами храниться в душе у человека, не давая ему спокойно жить. Ссора закончилась грандиозным битьем посуды, срыванием Софии с себя обручального кольца и швырянием оного в Алекса.

Как обычно после таких ссор Алекс лег спать на диване. А утром, когда солнце едва-едва выглянуло, к нему под одеяло нырнула Карина. Она прижалась к нему свои детским тельцем – теплая, сонная и такая милая, что Алекса захлестнула

волна нежности к дочери. Она обняла его за шею и прошептала в самое ухо:

– Пап, не ругайтесь, пожалуйста. Мне было так страшно вчера!

– Хорошо, родная, больше не будем. А чего ты испугалась?

– Вчера, когда я плакала, моя кровать стала качаться – мне стало так страшно, что я заплакала еще сильнее. А потом на стене я увидела мультики, это Велька мне их показывал. Он сказал, что хочет меня утешить, и чтобы я не плакала, потому что он не даст меня в обиду. Он сказал, что всегда защищал меня, вот и сейчас защитит.

– Велька?

– Ну да, я его так назвала, а он отзывается.

– А кто это? – спросил Алекс, но Карина уже спала, не ответив на вопрос.

Позже утром Алекс стал спрашивать Карину о Вельке, но та сказала, что ничего не помнит. София внимательно прислушивалась к их разговору. Когда же Карина убежала смотреть мультфильмы, раздраженно сказала:

– Не понимаю, чего ты панику развел? У каждого из нас был воображаемый друг в детстве.

– Такой, который раскачивает кровать и показывает на стене мультики?

– Нет, – неуверенно ответила София.

– То-то и оно, – задумчиво проговорил Алекс. – Если еще

раз подобное повторится, надо показать ее врачу. Ты же помнишь, что врачи говорили о перенесенной ею при рождении гипоксии.

С того дня прошло почти два года. Первое время Карина очень часто рассказывала про Вельку, но, повзрослев, поняла, что после каждого такого рассказа ее непременно тащили в больницу – то к одному врачу, то к другому, то к третьему. Скорее всего именно по этой причине рассказы эти со временем сошли на нет. И вот теперь все это всплыло снова.

В глубине души Алекс прекрасно понимал, что все это началось не просто так. Стрессовая обстановка дома, ссоры между родителями, постоянные слезы – все это и спровоцировало появление Вельки.

Мужчина стал вспоминать рассказ дочери, и ему стало не по себе. Захотелось включить свет во всем доме, чтобы нигде не осталось ни одного темного уголка. Паника нарастала, и ему казалось, что дом подслушивает его мысли, смотрит на него своими невидимыми глазами и осуждает за то, что Алекс бросил дочь.

Неизвестно, до чего еще он додумался, если бы не скрипнула ступенька на лестнице: одна, другая, третья... Шаги были медленные, задумчивые – ни София, ни Карина так не ходили. Внутренности у Алекса свернулись в тугий холодный комок. Сжавшись изнутри, он приготовился дать отпор тому неведомому, что бродило по его дому. В голове промелькнула мысль: «Я взрослый, взрослые не боятся призраков».

но она тут же была погребена под лавиной других мыслей – мелких и мечущихся от страха.

Ступени по-прежнему поскрипывали. Мужчина гулко сглотнул, схватил в руки недочитанную с вечера книгу и приготовился отбиваться ею. Внезапно шаги стихли, и в прихожей промелькнуло что-то белое, почти прозрачное. Алекс икнул, кое-как проглотил ставшую вязкой слюну, тихонько, чтобы не скрипнул диван, опустил ноги вниз и, бесшумно отодвинув тапочки, встал на пол. Мелкими осторожными шагами он стал приближаться к дверям. Замерев у косяка, выглянул в прихожую. Свет от фонарей, струившийся из окон, не доходил туда. В кромешной темноте ярко-красно отсвечивал индикатор выключателя да помигивала зеленым сигнализация. Эти простые знаки из мира людей немного привели Алекса в чувство. Но едва он перевел дух, как в кухне что-то скрипнуло, стукнуло и снова мелькнуло белое.

Он застыл с книгой наизготовку, дожидаясь, когда нечто двинется в обратный путь, но оно медлило. Устав стоять в напряжении, он двинулся к кухне. Дверь, до этого момента стоявшая открытой, плавно и бесшумно закрылась почти перед самым носом Алекса. Толкнув ее ногой, он шагнул в кухню и в это же мгновение перед ним с пола поднялось нечто. Алекс закричал, замахнулся книгой. Нечто тоже завизжало.

– Кто здесь! Кто здесь! – кричал Алекс.

– Алекс, это же я! – крикнула в ответ белая фигура, и внезапно включился свет.

От мистического нечто не осталось и следа – перед Алексом стояла София. Он окинул ее взглядом. Белая полупрозрачная ночная рубашка больше подчеркивала, чем скрывала: легкой дымкой обрисовывала грудь, облегла стройные бедра. С годами фигура София утратила юношескую поджарость и приобрела очаровательную женственную плавность. В одной руке она сжимала бокал, в другой – бутылку вина. Заметив его взгляд, она стыдливо, как школьница, спрятала руки за спину. Затем, поняв, что он смотрит отнюдь не на вино, тряхнула головой:

– Что уставился? Женщин никогда не видел?

– Видел, – простодушно улыбнулся Алекс. – Просто залюбовался тобой. Ты очень красива сейчас.

От этого неожиданного комплимента София потупилась, смущенно улыбнувшись. Но потом, видимо, вспомнив, кто стоит перед ней, стерла с лица улыбку и с вызовом посмотрела Алексу в глаза.

– А что ж ты тогда ушел, раз я такая красивая?

– София... – растерялся мужчина. – Ты же понимаешь, что не во внешности дело.

– Да-да, внутренний мир, единство душ и прочее бла-бла-бла, – раздраженно отмахнулась она и направилась к столу. Налив вина, устало опустилась на стул, закинула ногу на ногу и задумчиво уставилась в окно.

Ощущая себя лишним, Алекс все же двинулся к шкафу, взял себе бокал и, усевшись рядом с Софией, наполнил его.

Торопливо выпил вино в несколько глотков, запивая недавний страх и неуверенность. Налил еще.

– Не спится? – спросил он у жены после нескольких минут молчания.

– Как видишь, – ответила она, не отрывая взгляд от окна.

– София, я давно хотел поговорить с тобой и...

– О чем говорить? Все давно уже сказано, – с горечью вздохнула женщина. – Мы слишком много сказали друг другу, слишком много лишнего... Теперь не получится ничего, даже ради Карины. Мы, наверное, переедем. Так будет проще и мне, и ей, и вам.

– Нет, нет, ты что! Не надо вам уезжать! Все наладится! Просто нужно время.

– Ты сам-то в это веришь? – невесело усмехнулась женщина. – Неужели ты считаешь, будто *она* оставит все это вот так?

– Не знаю, – вдохнул мужчина. – Мне правда очень жаль, что все так вышло. Я правда переживаю за вас с Кариной. Просто все завертелось так быстро, и... Я был счастлив с тобой, и ничто не сможет перечеркнуть этих воспоминаний. И я всегда буду благодарен тебе за то, что ты есть, потому что благодаря тебе на свет появилась Каринка.

София по-прежнему смотрела в окно. Ни один мускул не дрогнул на ее лице.

– Прости, пожалуйста, что все так получилось, – закончил он. – Я очень надеюсь, что мы сможем сохранить нормаль-

ные отношения – не только ради Карины, но и как дань уважения друг к другу.

– Спасибо, – сдавленным голосом ответила София. – Мне было очень важно услышать эти слова.

Алекс накрыл своей ладонью руку Софии, лежащую на столе, и легонько сжал ее. Они помолчали.

– Я тоже была счастлива с тобой. И я до сих пор люблю тебя, несмотря на... Несмотря ни на что, – София смотрела на Алекса взглядом побитой собаки.

Он потянулся к ней и прижал к себе – так, как делал всегда, когда она была чем-то расстроена. София судорожно вздохнула и теснее прижалась щекой к груди мужа. Она слышала, как стучит его сердце. Слышала его дыхание. Она чувствовала его всего. Но какой в этом был толк, если он принадлежал не ей? В голове вереницами проплывали счастливые воспоминания: знакомство, ночные прогулки до утра, первая ночь, свадьба, переезд, рождение Карины – эти и множество других воспоминаний теснились в голове, причиняя острую боль.

– Что с нами случилось? Почему мы так отдалились друг от друга? – полушепотом спросил Алекс, поглаживая волосы Софии.

– Ты и сам прекрасно знаешь, – тихо ответила София. – Мне было нужно твое внимание, помощь и поддержка, но ты пропадал на работе сутками, оставляя меня одну.

– Но ведь это было ради нас, ради Карины, чтобы вы, –

мы! – ни в чем не нуждались!

– И чем все это обернулось? – горько усмехнулась София.

– Послушай, но ведь ты сама... – начал было Алекс, но София прервала его.

– Нет, это ты послушай. Мы все сказали друг другу: и самое мерзкое, и самое честное, и самое важное. Поэтому пусть эта ночь – уже утро, останется таким, каким оно есть.

Алекс открыл рот, чтобы что-то ответить, но потом передумал, и только крепче прижал к себе Софию, прошептав одно-единственное слово: «Прости».

Что ж, они ведь и правда были счастливы – я тому свидетель. Но вот были ли они счастливы вместе и какое это было счастье? Да, могу сказать точно: они были счастливы, но каждый по-своему. И знаете, что? Именно это и стало причиной их разлада – то, что они были счастливы по отдельности.

Сначала ни он, ни она не замечали этого. А потом я все чаще стал слышать, как Хозяйка жалуется кому-то по телефону, что Хозяин слишком много времени проводит на работе. Он и правда часто задерживался, работал по выходным. Кажется, таких людей называют трудоголиками. И все бы ничего, если бы не Хозяйкина депрессия. Я старался утешить ее, помочь ей, присмотреть за Девочкой. Но что я мог сделать? Ведь я всего лишь старый дом...

Новая жизнь

Понадобился почти год, чтобы Карина смирилась с тем, что Алекс теперь живет не с ними. Первые несколько дней, когда он собирал и вывозил свои вещи, девочка ни с кем не разговаривала и ничего не ела. Она сидела в кресле в гостиной, подобрав ноги под себя, и одними глазами следила за происходящими в доме переменами. Она и спала там, укрытая пледом.

Когда Алекс пришел попрощаться с ней, она никак не отреагировала на него. Все его слова, вопросы и обещания проходили мимо нее. Он обнял ее как большую безжизненную куклу, поцеловал и снова укутал пледом. Едва за ним захлопнулась дверь, по щекам девочки потекли слезы. Плакала она долго и молча – ни единого всхлипа не вырвалось из ее груди. София сидела рядом с ней на полу и, держа ее за руку, плакала вместе с ней.

Этим же днем, но чуть позже, Карина разрешила матери увести себя в душ, переодеть в чистую пижаму и уложить в постель. София обихаживала девочку как могла: была с ней внимательна, ласкова, старалась предупредить любое ее желание (если бы оно только возникло!), но Карина оставалась безучастной ко всему.

Наконец, спустя неделю, когда терпение Софии было на исходе, девочка попросила испечь яблочный пирог. Не пом-

ня себя от счастья, София кинулась к плите, и через час с небольшим обе сидели за кухонным столом. К пирогу София подала по шарик у ванильного мороженого, которое так любила Карина.

Женщина старалась вести непринужденный разговор, в то же время избегая острых и болезненных для Карины тем. Она видела, что девочка потихоньку оживает, поэтому боялась любым неосторожным словом снова загнать ее в раковину немоты и отчуждения. Так, мало-помалу, их жизнь возвращалась в прежнее русло, но уже без Алекса.

Для Софии развод прошел почти безболезненно – все ее мысли были заняты лишь тем, как вернуть дочь к прежней жизни. К тому же, когда вещи уже бывшего мужа исчезли, а сам он перестал появляться дома, ее жизнь тоже приобрела некое подобие покоя и равновесия. Подобие – потому что по ночам, особенно в часы бессонницы, она нет-нет, да и вспоминала об Алексе, но все это стало исчезать за туманной дымкой прошлого. Именно поэтому она решилась на новые отношения.

– Карина, детка, сегодняшн ий вечер ты проведешь с бабушкой, – сказала София дочери пасмурным февральским днем.

– С бабушкой? – удивилась девочка.

– Да. Мама хочет немного отдохнуть, поэтому пойдет в гости.

– А мне можно пойти с тобой?

– Нет, золотко, там будут только взрослые тети и дяди и совсем не будет детей. Тебе там будет скучно.

– Мама, ну пожалуйста, возьми меня с собой, – захныкала Карина.

– Нет, ты останешься с бабушкой, – твердо, но излишне поспешно, сказала София. – И чтобы тебе не было скучно без меня, я разрешаю тебе смотреть любые мультики, а поужинать можете прямо у телевизора.

Карина, не ожидавшая такой щедрости, радостно взвизнула и кинулась к Софии на шею.

– Мама, только предупреди бабушку, что ты мне все разрешила, – попросила ее Карина, когда первая волна радости улеглась. – А то она запретит мне как в прошлый раз.

– Не запретит, я предупрежу ее.

– Ура! Ура! Мультки! – перепрыгивая через ступеньку, Карина побежала наверх за своей Матреной.

Облегченно вздохнув, София вернулась к выбору вечернего платья. Так и не решив, какое из четырех лучше, она выбрала то, которое не нужно было гладить. Легкий смоки айс подчеркнул глубину ее карих глаз. Волнистые каштановые волосы были уложены в воздушный пучок. Несколько прядей София оставила свободными, и теперь они эффектно обрамляли ее лицо, подчеркивая изящную шею и маленькие красивые уши. Помада цвета спелой вишни стала финальным аккордом в вечернем макияже Софии.

Женщина покрутилась перед зеркалом, внимательно разглядывая свое отражение. Все было идеально, но чего-то не хватало. Взглянув на часы, София поняла, что на разгадывание этой загадки не осталось времени – с минуты на минуту должна была приехать мать. София потянулась к выключателю, чтобы погасить свет, но тут за спиной у нее скрипнула дверца шкафа для украшений – будто кто услужливо открыл ее. Женщина подошла, чтобы закрыть шкаф. Взгляд ее остановился на изящной цепочке белого золота с кулоном-каплей из ярко-зеленого изумруда. София на мгновение задумалась, потом аккуратно сняла украшение с держателя и надела его

Еще раз взглянула в зеркало и невольно улыбнулась: искристый металл идеально сочетался с черным бархатом платья, а глубокий изумрудный цвет кулона выгодно оттенял глаза. Довольная этим выбором, она закрыла дверцу шкафа, и только тут вспомнила, что украшение это ей подарил Алекс на первую их годовщину свадьбы. Но еще больше удивило ее то, что это событие вспомнилось ей без отголоска боли внутри.

Еще спускаясь по лестнице, она услышала недовольное бормотание, которое переросло в сокрушительный вздох и раздраженное:

– Опять двери не закрываете! Да сколько можно говорить!
София покачала головой и, деланно улыбнувшись, спустилась в прихожую.

– Привет, мам!

– Софа, сколько раз можно говорить: закрывай двери! – вместо приветствия ответила пожилая женщина. – Ведь обнесут весь дом, да еще по маковке треснут – ноги протянете.

– Я открыла специально – ты же должна была приехать, – соврала София, но под жестким материным взглядом съехала и растерялась. – Я оставила на столе записку – что нужно сделать, когда покормить Карину и...

– Ой, как-нибудь разберусь! Вас с же сестрой как-то вырастила.

«Вот именно: как-то», – подумала про себя София.

– Все будет нормально, не переживая. Правда, Кариша? – прогудела женщина, прижимая к себе внучку.

Та вместо ответа лишь задавленно пискнула. Во взгляде, обращенном к матери, читалось: «Мама, не оставляй меня!» София предпочла проигнорировать этот взгляд, в противном случае ей пришлось бы остаться дома, отправив домой и свою мать, и тогда о вечеринке можно было забыть. «Мне нужно отдохнуть», – в который раз за последние сутки произнесла она про себя эту мантру. Потом высвободила дочь из могучих объятий бабушки и прижала к себе.

– Все будет хорошо, – прошептала она ей на ухо. – У тебя впереди вечер мультиков и мороженое на десерт.

– Иди уже! А то обе разреветесь тут обе! – картинно закатив глаза, произнесла мать Софии.

София выпустила из объятий дочь, накинула на плечи шу-

бу, взяла сумочку и, ободряюще улыбнувшись дочери, вышла в сырой февральский вечер.

– Ба, можно включить мультики? – спросила Карина, едва закрылась дверь за Софией.

– Можно. И сиди тихо, не мешай мне.

С этими словами женщина удалилась на кухню и завела с кем-то по телефону длинный и нудный разговор, перемежаемый аханьем и оханьем.

Вообще-то София не собиралась идти на эту вечеринку, но Мария уговорила ее, пообещав познакомить с одним «интересным мужчиной».

– Игорь, это София. София, это Игорь, – представила их друг другу Мария и упорхнула встречать других гостей.

Мужчина и женщина улынулись друг другу и, далекие от подростковых предрассудков, а также зная, что оба они здесь лишь потому, что их решили познакомить, они беззастенчиво разглядывали друг друга. Наконец, когда смотрины закончились, Игорь снова улыбнулся Софии, в этот раз более дружелюбно, и произнес:

– Не хотите выпить?

– Хочу, но я за рулем, поэтому что-нибудь безалкогольное, пожалуйста.

– Сейчас все будет, – размашистым шагом Игорь направился к небольшому столику с напитками.

В клубе, в котором Мария организовала вечеринку в честь

своей первой художественной выставки, было душновато, пахло чем-то дурманящим и сладким. От этого запаха Софии хотелось выйти на свежий воздух, но правила приличия диктовали свое.

Тихая музыка перемежалась с энергичными композициями с завышенными басами. От этого сердце начинало колотиться, потом сбивалось с ритма и на несколько секунд замирало. София уже успела пожалеть, что согласилась прийти сюда, где не знает никого, кроме хозяйки вечера. Она уже представляла, как примет ванну, как они с Кариной посмотрят мультфильм, а потом будут полуночничать – пить чай и грызть печенье. Но мечтам ее не суждено было сбыться, так как Игорь был уже рядом с ней, протягивая запотевший стакан лимонада.

Беседа не клеилась. В молчании прихлебывая лимонад, София искала предлог, чтобы улизнуть от мужчины – эти навязчивые смотрины начинали раздражать ее. Внезапно из толпы гостей вынырнула какая-то блондинка и, оттеснив Софию, с радостным воплем повисла на Игоре. Она что-то щебетала о фотосессии и заказах, София же углядела в этом шанс уйти незамеченной.

Пробираясь между столами и людьми, она набрела на барную стойку, на которой располагались всевозможные закуски. Почуяв их аппетитный запах, София с удивлением поняла, что проголодалась. Положив в тарелку отовсюду понемногу, она присела за свободный столик в самом темном уг-

лу. Попивая лимонад и закусывая деликатесами, она разглядывала местную публику, каковая была весьма разношерстной: от стены к стене слонялись лохматые и небритые мужчины в растянутых свитерах и засаленных на заду джинсах. Монолитно возвышались объемистые лощеные пожилые мужчины – каждого из них сопровождала блондинка, а порой и несколько. Тут и там сновали мужчины и женщины в костюмах клерков. Богема и простолюдины, элита и нищие художники – все смешались в этом зале, и все они были, несомненно, поклонниками творчества Марии.

– Вот Вы где! Наконец-то я Вас нашел! – плюхнулся рядом с Софией на банкетку Игорь, бесцеремонно заглянул к ней в тарелку и, не спрашивая разрешения, взял тарталетку с красной икрой.

– Черная была бы лучше, – прожевав, сказал он. – Но, как говорится, на безрыбье...

Увидев ошеломленный взгляд Софии, мужчина стал извиняться:

– Простите, что без разрешения... Нас познакомили... И я решил...

Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы рядом не возникла Мария.

– Ну как, нравится? – спросила она, хитро поглядывая то на Софию, то на Игоря.

– Да как сказать, – пожал плечами мужчина. – Количество снобов и блондинок на квадратный метр зашкаливает.

Ты вроде говорила, что вы поругались с Алисой, а она здесь. Вцепилась в меня, как черт в добрую душу. Еле как сбежал!

– Это я с ней поругалась, потому что.... Неважно! Но она охмурила одного из моих заказчиков и явилась сюда с ним на правах его пассии.

– Хм, понятно....

– Ладно, мальчики-девочки, общайтесь! Я побежала заканчивать.

Что Мария собиралась заканчивать, София не знала. К их столу периодически подходили женщины и девушки, они приветствовали Игоря, ловили каждое его слово и с такой жадностью и вожделением смотрели на него, что Софии становилось не по себе. Некоторые из них замечали и ее, но вместо приветствия одаривали лишь удивленным взглядом. Через некоторое время Игорь, извинившись, отлучился, и к Софии тут же подседа Мария.

– Ну, как он тебе? – спросила она подругу, по-девчоночьи хихикая. – Могу сказать, что ты ему точно понравилась.

– С чего ты взяла? – спросила София.

– Чувствую!

– Марь, я хочу домой. Не обидишься, если я уйду?

– Да ты что! – воскликнула та. – Мы вот-вот начнем! Будет аукцион, банкет – много всего!

– Да не могу я тут находиться! Душно, скучно, Игорь не дает прохода!

– А ты думай о том, что он – владелец крупной ювелирной

сети, и сразу станет легче. Ты только подумай: Канары, Бали, Европа – вы с Каринкой ни в чем не будете нуждаться!

– Мы и так ни в чем не нуждаемся, – с раздражением оборвала ее София. – К тому же если он такой хороший, что ж себе не заберешь?

– Ты же знаешь, я чаще по девочкам, – засмеялась Мария и, похлопав подругу по плечу, снова скрылась во мраке зала.

– О чем секретничали? – спросил Игорь, выныривая из мглистой темноты.

– Почему вы с Марией до сих пор не вместе, – ответила София первое, что пришло в голову. Она посчитала, что такая бестактность оттолкнет мужчину, и он оставит ее в покое. Но тот, на удивление, засмеялся.

– Знали бы Вы, дорогая София, сколько раз нас уже все поженили. Но она для меня как сестра. Собственно, она и есть сестра – наши бабушки приходились друг другу сколько-то-там-юрродными сестрами. Да и вообще, она больше по девочкам, хотя и мужчины у нее были – уж Вы-то должны знать. Мария сказала, что Вы дизайнер интерьеров, – неожиданно сменил он тему.

– Да, так и есть, – кивнула София.

– Вы работаете только с жилыми помещениями?

– Нет, с офисными тоже.

– А вот если, например, помещение под магазин? Ювелирный.

– Запросто, – махнула рукой София. – Осмотр помеще-

ния, бриф, смета – все как положено.

– Значит, я могу на Вас рассчитывать? – улыбнулся Игорь.

– Вы только из-за этого охотились за мной весь вечер?

– Нет. Мария обещала познакомить меня с очаровательной женщиной, но она ошиблась, – Игорь смотрел в глаза Софии, не отводя взгляда. – Вы не просто очаровательны, Вы великолепны.

– Позволю заметить, – ответила она, тоже не отводя взгляда, – что помимо меня здесь находится просто уйма красивых женщин, будто сошедших с обложек модного журнала. Чем же именно я Вам приглянулась?

– Красивых? – фыркнул Игорь. – Я Вас умоляю! Они же все шаблонные, как под копирку: блонд, губы, грудь, одежда. Мнят себя великими красотками, а внутри пустые, как барабан. Послушаешь их разговоры – так тошно становится!

– А почему Вы решили, что я не такая?

– Хотя бы по тому, что Ваши волосы красивого каштанового цвета, а вырез не до пупка.

София, представив эту картину, прыснула. Игорь, глядя на нее, тоже засмеялся. Лед недоверия растаял.

Звук фoniaщего микрофона прервал их веселье. София посмотрела на сцену – там, среди картин, стойки лицитатора¹, подставок для картин и системы освещения стояла Ма-

¹ Лицитатор – ведущий аукциона, знающий порядок и владеющий техникой проведения торгов, следит за предложениями цены и определяет победителя аукциона.

рия. Маленькая и щуплая, она терялась на фоне своих творений, размеры которых иногда превышали рост взрослого человека.

– Друзья, рада приветствовать вас на вечеринке-аукционе, посвященной моей первой художественной выставке. Я так долго шла к этому! – голос женщины дрожал. – Я очень надеюсь, что вам всем понравится здесь. Спасибо, что пришли!

В зале раздались аплодисменты. Счастливая Мария отошла от микрофона и предоставила место круглому коротышке с блестящей под софитами лысиной. Он объяснил правила аукциона, ответил на несколько вопросов из зала и вернулся к своей стойке. Аукцион начался.

Софии никогда не приходилось бывать на подобного рода мероприятиях, поэтому она с интересом наблюдала за ходом торгов. Толстячок был прирожденным шоуменом: он рассказывал какие-то байки, шутил, импровизировал, осыпал собравшихся в зале интересными фактами из жизни художников и изобразительного искусства вообще. Попутно не забывал представлять картины, рассказывать их историю, принимать ставки и отслеживать победителей.

Картины, к слову сказать, разлетались как горячие пирожки. София искренне не понимала, что такого находят в них покупатели. Нет, она не умаляла таланта своей подруги. Она наблюдала, как тяжело и усердно трудится Мария над каждой своей картиной, как она резала и выбрасывала почти за-

конченные холсты, если вдруг допускала какую-то оплошность. Но самой Софии были ближе более понятные сюжеты: натюрморты, пейзажи, портреты. Кубизм, абстракционизм и прочие «измы» не вызывали в ее душе отклика. Тем не менее, как она могла убедиться, на такое спрос был, и очень большой. Будто читая ее мысли, Игорь прошептал ей на ухо:

– Я, наверное, абсолютный глупец, но хоть убей, не могу понять, что привлекательного люди находят в этих кругах, пятнах и прочей...мазне, да простит меня Мария.

– Я тоже не понимаю, – призналась София с улыбкой. – Наверное, это высокое искусство, до которого нам еще расти и расти.

Половина картин была уже продана – молчаливые парни в рабочих комбинезонах выносили их за кулисы одну за одной, а торги шли с неугасающим жаром. София обмахивалась программкой, но это не приносило ей облегчения.

– Может, выйдем? – предложил Игорь, заметив ее страдания.

– Знали бы Вы, как я этого хочу!

Они тихонько поднялись со своих мест и, стараясь не наступать на ноги сидящим на узеньких стульях покупателям, стали протискиваться к выходу.

Свежий воздух ворвался в легкие Софии пьянящей волной, она дышала и не могла насытиться. Игорь снял пиджак и заботливо накинул ей на плечи. Здесь, у запасного выхода, окруженные тремя стенами, они почти не чувствовали холо-

да. А вот снаружи ветер бесновался, швырял мокрой снежной крупой в одиноких прохожих, спешащих домой с упорством Одиссея.

Игорь закурил, предложив и Софии, но та отказалась. Он встал чуть поодаль от нее, задумчиво вдыхая и выдыхая дым. Его черные лакированные туфли почти скрылись под снегом. Рукава белоснежной рубашки, подвернутые до локтей, оголяли предплечья, уже покрасневшие от холода. Мужчина курил, задумчиво выдыхая дым и уставившись куда-то в темное небо. София не решалась нарушить эту хрупкую тишину, поэтому молчала вместе с ним. Наконец Игорь произнес:

– Да, жизнь преподносит нам сюрпризы.

– Что? – не поняла София.

– Жизнь, говорю, полна сюрпризов.

– С этим не поспоришь, – философски вздохнула София, поняв, что мужчина не собирается посвящать ее в свои мысли.

– Ну, полегчало? – спросил он.

– Да, уже лучше.

– Тогда возвращаемся, – сказал Игорь, поглядев на часы. –

Или можем сбежать из этого зверинца, если хочешь.

– Мы уже перешли на «ты?» – улыбнулась София.

– А ты против?

– Нет.

После улицы воздух в помещении казался еще более тяжелым и душным. София отдала пиджак Игорю, но даже в

тонком бархатном платье ей было ужасно жарко.

Аукцион закончился. Приглашенные гости рассаживались за столики, мяли салфетки, наливали и закусывали. Игорь провел Софию к столику на двоих, но едва женщина села, из сумки раздалась трель телефонного звонка.

– Да, мама, – ответила София, и первое, что она услышала, был плач Карины.

– Наконец-то трубку соизволила взять! Где тебя носит? Не дозвониться! – ругалась женщина.

– Что случилось? Почему Карина плачет?

– Не может найти свою чертову куклу!

– Ты о Матрене?

– Хоть Матрена, хоть ядрена – мне все равно! Приезжай быстро – не могу я с ней справиться!

– Хорошо, я скоро буду!

София пулей полетела к выходу, Игорь бежал за ней. На полпути им попала Мария.

– Соня, что случилось? Куда ты?

– Извини, мне нужно домой. Мама, сама понимаешь...

– Ни слова больше! – подняла руку в успокаивающем жесте Мария. – Жаль, что так получилось. Я была очень рада видеть тебя. Завтра созвонимся.

– Я тоже очень рада! Пока, – на ходу ответила София, доставая из сумочки ключи.

Уже на пороге Игорь поймал ее за руку, притянул к себе и прошептал:

– Я позвоню тебе завтра.

София выбежала на парковку, озябшими руками кое-как открыла машину, вставила ключ в замок зажигания и...ничего не произошло. Машина рычала холостым ходом, но и только.

– Давай же, давай! – выругалась София.

Вдруг в окно кто-то постучал – это был Игорь, в руках его была шуба Софии.

– Поехали на моей, – уверенно сказал мужчина, когда она опустила оконное стекло.

– Но машина....

– Я вызову эвакуатор, доставят по адресу.

Через пару минут черный «Вольво», послушный малейшему движению рук водителя, нес пару по заснеженной дороге прочь из города – к дому Софии. На дорогах было пусто, поэтому добрались они за рекордные полчаса.

Когда автомобиль остановился перед воротами, София выскочила на дорожку и, утопая в снегу по щиколотку, побежала к дому. Распахнулась дверь, волна тепла и золотистого света окатила ее. Карина сидела в прихожей, привалившись к стене и подтянув колени к подбородку, и всхлипывала.

– Карина!

– Мама! – девочка снова заплакала.

Игорь остановился на пороге, не решаясь без приглашения пройти дальше. На шум из кухни вышла грузная женщина с ярким, почти агрессивным, макияжем и высветлен-

ными до кукольной белизны волосами.

– Ну наконец-то! Долго же тебя ждать пришлось! Попомни мое слово – хлебнешь ты горя с этой девкой! Мало того, что чокнутая, так еще и характер – дай боже!

– Мама, прекрати!

– А что прекрати? – оживилась женщина, заметив Игоря. – Пусть хахаль твой знает, с кем связаться решил. Мало того, что прицеп, так еще и с диагнозом!

– Мама, хватит! – София уже пожалела, что решила попросить ее о помощи. Будто прошлых случаев мало было...

У Игоря чесались кулаки – так хотел он проехаться ими по наглому ярко-красному рту старой склочницы. Вместо этого он посторонился, чтобы женщина не задела его даже краем пальто, и, вложив в голос всю свою злость, сказал: «До свидания». На пороге она обернулась и, глядя на Софию, произнесла с благочестивой укоризной:

– Полгода прошло после развода, а ты уже с мужика на мужика скачешь. Хоть бы ребенка пожалела.

Игорь хлопнул дверью у нее перед носом, закрыл на все замки, снял туфли и прошел к женщине и девочке.

София обнимала дочь. Глаза ее были закрыты. В ней не осталось ни одного чувства, кроме усталости – такой, которая не проходит ни после долгого сна, ни после счастливого отпуска. София чувствовала, что она устала жить. Устала сражаться со всеми бедами и напастями, валяющимися на нее как из рога изобилия. Ногам было холодно. Снег, набив-

шийся в туфли, хлюпал внутри сырой мерзкой кашей. Но над всем этим господствовала усталость.

Карина завозилась на руках. Не открывая глаз, София выпустила девочку из объятий. Где-то рядом раздался тихий мужской голос:

– Привет, меня зовут Игорь. А тебя?

– Карина, – ответила девочка.

– Приятно познакомиться, Карина. Не угостишь ли ты меня чаем?

– С печеньем?

– Можно и с печеньем.

– Только по одному, – наставительно ответила девочка, успокоившаяся рядом с матерью. – Чтобы зубы не болели, и чтобы спать хорошо.

– Отлично! Ты иди наливай чай, а я помогу твоей маме.

– А что с ней? Она заболела?

– Нет, она спит – как Спящая Красавица.

– Ой, а мы с мамой читали эту сказку! – захлопала в ладоши Карина, радуясь, что может блеснуть познаниями перед взрослым человеком. – Прекрасный принц должен поцеловать ее, и тогда она проснется! Это ты принц?

– Может, и я, – усмехнулся Игорь. – Ну все, беги.

Карина убежала на кухню, а Игорь присел перед Софией на корточки и осторожно снял с нее мокрые туфли. Затем тронул ее за руку, дожидаясь ответной реакции. София открыла глаза, устало посмотрела на мужчину.

– Извини, пожалуйста, за эту сцену. Мама, она...

– Не надо ничего объяснять. Я привык сам составлять мнение о человеке. Пойдем-ка лучше выпьем чаю.

С помощью Игоря София поднялась, добрела до ванны. Там она переделалась в сухое, смыла макияж, распустила стянутые в пучок волосы и, шаркая домашними туфлями, вышла на кухню. На столе уже стояли чашки, вазочка с печеньем, заварочный чайник и чайник с кипятком.

Пока женщина шла к столу, Игорь не спускал с нее взгляда. Сейчас, в мягком теплом освещении, без макияжа и простом домашнем платье, она казалась ему еще милее и красивее, чем во время их первой встречи сегодня.

Успокоенная присутствием матери, Карина болтала без умолку, грызла печенье и почти не притрагивалась к чаю. Игорь слушал ее, задавал вопросы, рассказывал что-то сам. Мало-помалу София тоже втянулась в этот незатейливый уютный разговор. Время текло незаметно, и когда женщина посмотрела на часы, они показывали четверть первого.

– Карина, тебе давно пора спать!

– Ну мам, ну еще немного!

– Нет, нет и нет. Ты и так уже спишь на ходу! Пойдем, я провожу тебя в комнату.

– Mam, a мы Матрену так и не нашли.

– Знаю, но сейчас уже поздно, мы найдем ее завтра. Хорошо?

– Обещаешь?

– Обещаю. Пойдем, – протянула она дочери руку.

– Хочу, чтобы меня Игорь на ручках понес.

– Карина, ты что! Не стыдно?

– Все нормально, – махнул рукой мужчина и, подхватив девочку на руки, пошел следом за Софией.

– Не знаю, как тебя отблагодарить, – сказала она, когда Карина благополучно заснула.

– Если ты разрешишь мне остаться переночевать, будем в расчете, – улыбнулся Игорь. – Не хочется после теплого чая выходить в холод.

Потом, осознав, насколько неприлично звучит его просьба, поспешно уточнил:

– Не подумай ничего такого! Я правда хотел всего лишь переночевать на диване в гостиной!

– А я и не думала ничего такого, – София тихонько засмеялась.

Этот странный человек ведет себя как Хозяин, хотя он вовсе не Хозяин. И Хозяйка – я чувствую это – сегодня спокойна. Интересно, кто он такой? Получится ли у меня посмотреть его сны...

Он закрыт. Закрыт на все замки. Я не могу понять, кто он и что ему нужно. Я не люблю таких людей. Они таят в себе неизведанное. А все неизведанное может быть опасно для Хозяйки и Девочки. Но что мне делать с ним, если он совершенно непробиваем? Но что это? Девочка плачет?

Катастрофа

Карина спала и видела сон: она потеряла свою куклу, Матрену, и никак не могла ее найти. Она искала ее везде, где можно: под кроватью, в ванной, в стиральной машине, на улице – нигде ее не было. Девочка стояла посреди пустого полуразрушенного дома и плакала: оказывается, вместе с куклой она потерялась сама. Она помнила, что папа и мама поссорились, но не знала, куда они делись и почему бросили ее.

Карине было холодно. Сквозь разбитые окна врывались потоки ледяного ветра. Сквозняки гоняли по грязному замусоренному полу стаи сухих осенних листьев. Девочка дрожала, оставленная и забытая всеми. Вдруг над самой головой раздались какие-то шаги. «Мама!» – крикнула она и побежала по лестнице вверх. Сухие ветви и листья на ступенях хватали ее за ноги, мешали идти, поэтому очень скоро она выбилась из сил. Задышавшись, Карина добралась до второго этажа и побежала на звук шагов, но те удалялись от нее. Карина бежала по бесконечному сумрачному коридору второго этажа и постоянно выкрикивала: «Мама!», но ей никто не отвечал. Шаги меж тем превратились в стук, который становился все громче и назойливее. Почему-то она знала, что этот стук плохой, что если он и дальше будет продолжаться, то приключится беда. Карина присела на корточки и закры-

ла уши руками. Когда звук достиг своего максимума, она закричала от боли в ушах и проснулась у себя в кровати.

В комнате царила тишина, только где-то наверху раздавался равномерный, едва слышный стук чего-то тяжелого по дереву. Девочка лежала тихо, вглядываясь во тьму и вслушиваясь в монотонный стук. Остатки сна перемешались с роем полусонных мыслей: «Где Матрена?», «Это из-за меня мама с папой поссорились», «Если бы меня не было, папа не ушел бы», «Они не любят меня», «Меня никто не любит», «Хочу, чтобы я исчезла». Убаюканная тихим стуком, Карина закрыла глаза. Но едва она провалилась в сон, как стук снова разбудил ее – в этот раз он был громче.

– Велька, это ты? – тихо прошептала Карина. Стук прекратился, прозвучало два коротких и быстрых удара.

– Я не хочу сейчас играть, я хочу спать. Отстань от меня, – девочка перевернулась на бок и закрыла глаза. Но стук снова возобновился – он перемещался по чердаку вправо-влево, вправо-влево. – Ты хочешь, мне что-то сказать?

– Тук-тук.

– Мне нужно подняться наверх?

– Тук-тук.

– Это важно?

– Тук-тук.

Карина вздохнула, но все же вылезла из теплой постели, осторожно открыла дверь в коридор и, убедившись, что мама спит, на цыпочках двинулась к чердачной лестнице.

Чердак встретил ее сухим запахом пыли, старого картона, машинного масла и чего-то еще – непонятного, но очень знакомого. Здесь было прохладнее, чем внизу, поэтому Карина поежилась. Пробираясь между коробками на стук, она добралась до чердачного окна. Наполовину затянутое инеем, оно все же давало достаточно света, чтобы девочка могла увидеть справа от себя нагромождение каких-то коробок. Сложенные как попало, они образовали подобие крепости с небольшим лазом, из которого – вот чудо! – торчали тряпичные ноги Матрены.

– Ты хотел отдать мне куклу? – спросила девочка. В ответ раздался короткий одиночный стук. – А зачем ты меня сюда привел? – но Велька замолчал. Карина пожалала плечами и наклонилась, чтобы подобрать игрушку, но та скользнула внутрь коробочной крепости, будто кто-то потянул ее к себе за веревочку.

– Эй, хватит! Не смешно! – воскликнула Карина и, встав на четвереньки, заползла в лаз. Кукла лежала совсем рядом, но едва девочка протянула к ней руку, она юркнула в темноту.

Карине ничего не оставалось делать, как снова ползти за ней, но кукла снова ушмыгнула. Так повторилось несколько раз. Наконец, девочке удалось схватить Матрену. Захваченная погоней, Карина не обращала внимания на то, что коридор, по которому она ползла, был слишком узок для того, чтобы развернуться. Она попыталась ползти назад, но задом

уперлась в какой-то выступ, в панике лягнула ногой и сдвинула коробку с места. Крепость вышла из равновесия и сложилась внутрь себя. Последнее, что увидела Карина – лицо Матрены. После этого была оглушительная слепяще-белая боль, а за ней – темнота.

От громогласного грохота София подскочила в кровати. В первые мгновения она не могла понять, где находится. Какой-то частью сознания она еще пребывала в мире сна, но внутренний голос – настойчивый и почти панический, заставил ее встать с кровати и выйти в коридор. Первое, что бросилось в глаза, открытая дверь детской. Снизу послышался голос Игоря:

– Что случилось? Откуда грохот?

– Не знаю, – ответила женщина. – Я проверю Карину.

Она двинулась к комнате дочери и в дальнем конце коридора заметила опущенную чердачную лестницу.

– Карина, – позвала она, догадываясь, что дочери нет в комнате. – Карина?

Детская кровать пустовала. Одеяло было сброшено на пол. Тапочки стояли рядом, косолапо повернув носы друг к другу. София позвала дочь еще раз, но, не услышав ответа, решила проверить чердак. «Бог знает, что взбрело ей в голову, – думала она, поднимаясь по лестнице. – Надо повесить замок на люк». Забравшись наверх, София оглядела пыльное полупустое помещение. Она не могла выпрямиться во весь рост, поэтому стояла пригнувшись. Чердачное окно

загораживали какие-то коробки, из-под которых раздавался еле различимый шорох. «Неужели крысы», – с отвращением подумала София. Вдруг на противоположной стене замечались огромные черные тени. Женщина вздрогнула от неожиданности, повернулась и увидела Игоря с фонариком в руке.

Его присутствие придало Софии уверенности, поэтому она схватила старую швабру и уверенным шагом направилась к окну – разогнать крысиную тусовку. Но, подойдя ближе, она поняла, что это не шорох, а хриплое сбивчивое дыхание. Холодный липкий ужас окатил ее.

– Карина! – выкрикнула она и кинулась к нагромождению коробок, из-под которых, она только сейчас заметила это, торчали босые пятки дочери.

По тону Софии Игорь понял, что случилось что-то ужасное. Согнувшись в три погибели, он приблизился к женщине и увидел, что девочку завалило коробками.

– София, не трогай ее! – закричал Игорь, но было поздно, – женщина потянула девочку за ноги.

Раздалось гулкое «Бумммм», которое стряхнуло пыль со стропил, в это же мгновение послышался хруст и чуть погодя – тонкий детский вскрик.

– Карина! Карина! – кричала София, пытаясь вытащить девочку из-под завала, но ту будто что-то держало.

– София! – пытался докричаться Игорь. – Не трогай, ты можешь сделать еще хуже!

Ему наконец-то удалось оттащить бившуюся в истерике

женщину. Он встряхнул ее, приводя в чувство.

– Послушай меня! Стой здесь, я аккуратно сниму коробки и посмотрю, что произошло. Не нужно резких движений, мы можем сделать хуже. Поняла? Ты меня поняла?

Та уже пришла в себя и молча кивнула, хотя в глазах все еще плескалась истерика.

– Свети на меня, – Игорь отдал ей фонарик и двинулся к коробкам. Аккуратно снял одну, другую – некоторое были легкие, другие чуть тяжелее. Наконец он увидел темное пространство, в котором мелькнуло что-то белое. Следующая коробка оказалась тяжелее предыдущих. Игорь кое-как стащил ее вниз и заглянул в образовавшийся просвет. Там, на полу, в полуметре от него, виднелась голова Карины. Девочка, судя по всему, лежала на животе, повернув голову на бок. В неверном прыгающем свете он разглядел темную струйку, вытекающую из ее рта. Стараясь сохранить спокойствие в голосе, он произнес:

– Фонарик!

Женщина безропотно выполнила его просьбу и вернулась на прежнее место, переминаясь с ноги на ногу. Картина, представшая взгляду Игоря, выдавила из него глухой стон: рука девочки в области предплечья была раздавлена чем-то увесистым. Видимо, это произошло тогда, когда София пыталась вытащить ее. Но хуже всего было то, что спина ребенка была прижата к полу огромным металлическим коробом – именно поэтому София не смогла вытащить девочку.

Игорь обернулся к женщине и сказал спокойным ровным голосом:

– Ты сейчас спустишься вниз, вызовешь скорую помощь и будешь ждать ее приезда внизу.

– Что с ней? Что? Дай я посмотрю! – София снова ринулась к лежащей на полу дочери, но Игорь удержал ее и легким толчком отправил в сторону чердачной лестницы.

Минуты тянулись и тянулись. Игорь, боясь действовать в одиночку, ждал Софию. Ему казалось, что кто-то смотрит на него из непроглядной чердачной темноты – из самого дальнего угла. Он посветил туда фонариком, ожидая увидеть все, что угодно, но угол был пуст. «Зачем было сваливать весь этот хлам перед окном», – машинально отметил он про себя, но тут раздались шаги Софии. С собой она принесла ручной фонарь. Пристроив его на стропила, Игорь с помощью Софии начал сдвигать оставшиеся коробки.

– Стоп, – выдохнул наконец Игорь, – дальше не пойдем.

– Почему? – возмутилась София.

– Потому что может стать хуже, – на самом деле он не хотел, чтобы София увидела размозженную руку и перебитую спину девочки.

София собралась спорить, но тут внизу раздался шелест шин и автомобильный гудок. Оба спустились вниз. Игорь взял на себя переговоры с приехавшим врачом и отвел его в сторону, чтобы объяснить, что к чему. Выслушав его, врач покачал головой, сделал знак санитару и обратился к Софии:

– Мамочка, поставьте-ка пока чаю.

– Ч-чаю? – удивилась женщина.

– Да, чаю. Сами видите: погода – дрянь.

София молча кивнула и удалилась на кухню. Недавняя истерика сменилась тупым безразличием, и нельзя было сказать точно, что лучше. Игорь повел врача и санитаров наверх. Задевая стропила и чихая от пыли, вчетвером они аккуратно сняли тяжесть со спины девочки. При ближайшем рассмотрении Игорь опознал в нем старый чугунный отопительный котел. А врач тем временем ощупывал и осматривал неподвижное тельце.

– Давно это случилось? – спросил он Игоря, продолжая работать.

– Минут тридцать назад, а что?

– Слишком много времени, – с досадой откликнулся врач и указал на темную лужу, растекшуюся под девочкой. – Сильное кровотечение. Переломы ребер, позвоночника и, скорее всего, травмы внутренних органов. Денис, Миха – аккуратно, и смотрите мне, мать вашу! – погрозил он кулаком санитарам, сдобрив угрозу забористым ругательством

Санитары аккуратно, с большими предосторожностями переложили девочку на носилки и, согнувшись, пошли к выходу. Там их ждало новое препятствие – слишком крутой спуск для носилок. Девочка начала соскальзывать с носилок вниз, едва только один из санитаров спустился на две ступеньки.

– Почему не закрепили, идиоты! – гремел врач.

– Так Сан Васильич, забрали же крепления для...

– Ах мать вашу растак-так! – снова выругался доктор. –

Отец, несите ремни, галстуки, пояс – что-нибудь, чем можно девочку закрепить!

Игорь кивнул, скользнул между санитарями по лестнице вниз. Там, внизу, его уже поджидала София с подносом, на котором стояли чашки, сливочник и чайник. Столкнувшись с ней и едва не сбив ее, Игорь ругнулся про себя, за плечи отодвинул женщину в сторону и побежал в гостиную, где на спинке стула лежал его ремень.

– Что с ней?

Но Игорь не ответил ничего и юркнул в темноту чердака. Там, у самого верха лестницы, раздались шорохи, гул голо-сов, стук чего-то мягкого по дереву. Застонала Карина, затем на лестнице показались ноги санитаря. Он стал спускаться, осторожно придерживая носилки с чем-то белым. София об-мерла – это была ее дочь, неподвижная и безмолвная. Жен-щина вскрикнула, кинулась к носилкам, но ее перехватил Игорь.

– Одевайся, мы едем в больницу.

– Что... Что с ней? – не унималась женщина.

– Мамочка, едете или нет? Счет уже на минуты идет! – прорычал врач.

– Как на минуты, – опешила женщина.

Доктор махнул рукой и побежал открывать дверь санита-

рам. Игорь, не теряя времени, накинул на Софию свое пальто, сгрэб с кухонного стула ее халат и потащил женщину к машине. Запихнул ее в светлое нутро скорой помощи, вернулся в дом, погасил свет и захлопнул дверь.

– Миха, за руль. Денис – ко мне, придержишь если что, – командовал доктор, а руки его метались туда-обратно, прилаживая какие-то трубки, подключая датчики, выстукивая, вымеряя, спасая....

Над каталкой с неподвижной девочкой повисло напряженная тишина. На кочках и поворотах врач ухал, всасывал через сжатые зубы воздух и ругался на водителя: «Куда же несешься, не дрова ведь!», и тут же, через минуту, торопил его, понукал, мол, давай быстрее.

София смотрела на изломанное тело дочери и не могла поверить, что это произошло с ней. Ей казалось, что вот сейчас – еще немного, и она проснется у себя дома. Она даже прикусила щеку, чтобы сон поскорее развеялся, но, увы, пробуждение не наступило. Доктор подsunул ей какие-то бумаги и ручку – она не могла понять, что от нее хотят, пока Игорь не гаркнул ей в самое ухо: «Распишись». Она поставила закорючку туда, где ей показал врач, не вчитываясь в сам текст. Все ее внимание было сосредоточено на дочери.

«Она не умрет, не может умереть! – думала София. – Она еще слишком мала, чтобы умирать!» Она посмотрела на Игоря: тот пристально вглядывался в монитор над головой Карины, а в руках сжимал злосчастную Матрену.

– Дурацкая кукла! – закричала София. – Это из-за нее все случилось! Дурацкая, дурацкая кукла! – она привалилась спиной к стене, тихонько поскуливая.

Но, глядя на дочь, София поняла: в этом виновата она сама. Что ей стоило перед сном поискать игрушку вместе с дочерью? Но нет, она самодовольно улеглась в кровать, прокручивая в голове праздничный вечер и мечтая о том, чтобы Игорь...

– София, приехали, – тряхнул ее за плечо Игорь. – Выходи.

Она подчинилась. Санитары увезли каталку с Кариной в недра больницы. Поддерживаемая Игорем, София вошла в приемный покой, позволила усадить себя на больничную кушетку и заплакала. Дежурная медсестра сочувственно вздохнула и покачала головой, предложила воды, но София не слышала ее. Игорь сжал ее руку в своей – он больше ничем не мог помочь ни ей, ни девочке. Он приготовился ждать. Ждать вместе с Софией.

Ожидание

Часы показывали почти пять утра. София дремала на плече Игоря. В приемном покое зазвонил телефон.

– Да. Да. Нет, – односложно отвечала медсестра, выглядывая из-за стойки, затем положила трубку и обратилась к паре. – Вишневские?

– Да, это я. Что такое? Как она? – София вскинула голову и сонно заморгала.

– Операция только что закончилась. Минут через пятнадцать спустится лечащий врач, все расскажет. Поэтому не уходите далеко.

– Спасибо, спасибо, – кивнула женщина, а затем обратилась к Игорю. – Извини, я уснула.

– Ничего страшного, – ответил он. – Но раз уж ты проснулась, мне хотелось бы выйти подышать. Пойдешь?

– Да, ты иди, а мне надо... – смутилась она, – я к тебе чуть позже выйду.

Через несколько минут она вышла на улицу, зябко кутаясь в домашний халат. Игорь накинул ей на плечи свое пальто и продолжил курить немного в стороне. Щурясь сквозь табачный дым, он смотрел на Софию. Та уставилась невидящим взглядом в темноту заснеженного двора больницы.

– Извини, что лезу не в свое дело. Ты сообщила мужу?

– Что? Нет, не сообщала. Он все равно на ночь теле-

фон выключает. Сейчас напишу, – она была странно спокойная, почти безразличная. Достала телефон, что-то написала, убрала его в карман и зябко поежилась. – Я, пожалуй, пойду, а то мало ли что.

Уже возле дверей Игорь догнал ее тремя длинными шагами, взял за плечи и развернул к себе.

– Все будет хорошо, слышишь? – сказал он ей, глядя глаза в глаза. – Что бы ни произошло, обещаю тебе, что... – запылулся, потом продолжил. – Все будет хорошо.

Едва они вошли внутрь, как к стойке подошел мужчина средних лет в медицинском халате и шапочке.

– Вишневатские? – обратился он к ним усталым голосом.

– Да. Что с ней?

– Заболоцкий Данил Михайлович, – представился он. – У девочки перелом нескольких ребер и поясничного отдела позвоночника, множественные травмы внутренних органов, в том числе легких. При ударе была повреждена селезенка. Она потеряла очень много крови. Операция была сложная, мы стабилизировали ее. Сейчас она в реанимации без сознания.

– Можно... Можно мне посмотреть на нее? – дрожащим от слез голосом произнесла София.

– Нет, – покачал головой врач. – Это реанимация. Через пару дней, если все будет хорошо, мы переведем ее в интенсивную терапию. Тогда можно будет навестить.

София всхлипнула, Игорь обнял ее за плечи и обратился

к доктору:

– Нужны какие-то недостающие лекарства или оборудование? Может, нужно оплатить сиделку?

– Нет, нет, все есть, – устало потер глаза врач. – У нас есть все, кроме чуда. Его-то Вы точно нигде не раздобудете.

– Чудо? – просила София.

– Да, чудо. Потому что, если девочка выживет, это и будет чудо. Слишком много времени было потеряно.

– Какова вероятность, что она.... Что она выживет? – спросил Игорь.

– Пока прогноз не очень утешительный, – уклонился от ответа врач. – Если есть какие-то вопросы, я готов ответить на них. Если нет, то я вынужден вернуться к другим пациентам. А вам рекомендую поехать домой, принять успокоительное и хоть немного отдохнуть.

– Скажите, пожалуйста, кому и куда звонить, чтобы справиться о состоянии Карины? – задал вопрос Игорь.

– Звоните прямо сюда. Если состояние ухудшится, вас вызовут, – ответил мужчина.

– Хорошо, спасибо за все, – протянул Игорь руку врачу. – До свидания,

Мужчина ответил на рукопожатие, сочувственно посмотрел на Софию и двинулся к лифту.

– Пойдем, ты слышала, что сказал врач. Тебе нужно отдохнуть, – Игорь взял Софию за руку и мягко потянул к выходу.

– Как я могу отдыхать, если Карина может умереть! – закричала София. – Я должна быть рядом с ней! Пусти меня!

– От того, что ты будешь изматывать себя бессонницей и голодом, ей легче не станет. Но в любой момент она может прийти в себя и захочет увидеть тебя. А ты что? В каком состоянии ты к ней придешь?

Его слова несколько отрезвили женщину. Она позволила вывести себя из больницы и усадить в машину. По приезде Игорь пожарил яичницу, сделал бутерброды и сварил крепкий кофе. Все это время София сидела молча, глядя в одну точку.

– Поешь, – Игорь подвинул к ней тарелку, сам сел напротив. Закурил, чертыхнулся, потушил сигарету.

– Дай, – протянула женщина руку. Он молча прикурил новую и отдал ей осторожно, чтобы она не обожглась.

София сделала несколько затяжек, стряхнула пепел на стол. Задумчиво посмотрела на Игоря, покусывая губу, и произнесла:

– Это я во всем виновата.

– Нет, послушай...

– Нет, это ты послушай, – перебила она Игоря. – Это я во всем виновата. В том, что мало любила ее и уделяла ей мало внимания. В том, что поленилась найти чертову куклу. Что не повесила замок на чердачную дверь. Что считала ее слишком взрослой.

– Ты не права. Ты не могла предусмотреть все. Ты обыч-

ный живой человек, который устает, забывает, пропускает.

– Я больше, чем человек. Я мать! Я должна была все это предусмотреть!

– Прекрати, не загоняй себя в истерику. Еще ничего не известно.

– Что неизвестно? Что? Даже если она выживет, она все равно останется инвалидом! У нее переломан позвоночник, а травма селезенки – это почти всегда смерть!

– Люди шеи ломают и все равно выживают. Ты слишком рано хоронишь ее.

– Как, как я могла... – София спрятала лицо в ладонях и снова заплакала.

В этот момент телефон Игоря ожил – раздалась мелодичная трель будильника.

– Вот черт! – выругался он. – София, я должен идти на работу. Обещай мне, что ляжешь спать, а я постараюсь вернуться максимально быстро. Обещаешь?

Женщина кивнула головой, не выпуская сигарету из рук.

– София, посмотри на меня! – легонько встряхнул он ее за плечи. – Все будет хорошо. Главное – ляг отдохни. Хорошо?

– Да, хорошо. Я лягу, – ответила женщина.

Игорь одним глотком допил остатки кофе, поморщился от его горькой крепости, поцеловал Софию в макушку и вышел в прихожую. Когда он обулся, раздался звонок в дверь – Игорь открыл. На крыльце стоял мужчина, отряхивая с пуховика остатки снега. Увидев Игоря, он оторопел.

– Ты.. Вы... Вы кто? – спросил он.

– Здравствуйте, меня зовут Игорь. Я друг Софии, – протянул он руку мужчине. – А Вы, я так понимаю, Алекс? Очень хорошо, что Вы приехали, так как Софии нужна помощь. Я очень надеюсь, что Вы сможете уговорить ее отдохнуть. Она не спала всю ночь, ей срочно требуется отдых.

– Но, постойте...

– Извините, мне некогда, я должен бежать, – с этими словами Игорь, потеснив Алекса, вышел на крыльцо.

Все еще ошарашенный, Алекс закрыл дверь, разделся и пошел на кухню, где за столом, сгорбившись и держа в руках потухшую сигарету, сидела София.

– Не хочешь рассказать мне, что это за хрен тут только что был? – вместо приветствия выпалил он.

– Это Игорь, – безучастно ответила София.

– Я понял, что это Игорь, он представился. Как он здесь оказался? Кто он?

– Он брат Марии, он помог увезти Каринку в больницу и.... – на этих словах София снова замолчала.

Алекс устыдился своей напористости. Какое ему дело до того, что бывшая жена привела в дом мужчину? Ему должно быть все равно, кто он такой, чем они занимались. Он, Алекс, сам ушел от Софии, изменив ей. Однако злость и ревность все равно грызли его. Все еще злясь на себя и на бывшую жену, он сел рядом.

София начала рассказывать, как все произошло. Видя,

что силы женщины на исходе, Алекс увел ее в гостиную и, не обращая внимания на слабые протесты, уложил на диван и накрыл пледом. Бессонная ночь и пережитый стресс дали знать о себе – через пару минут женщина начала дремать, всхлипывая сквозь сон: «Идиотская кукла». Алекс дождался, когда София уснула окончательно, а затем вернулся на кухню, неспешно убрал со стола, вымыл посуду. Он находил успокоение и отвлечение в мелких делах: подтянул разболтавшиеся дверцы шкафа, отрегулировал комнатный термостат, полил цветы, сложил разбросанные вещи. Не зная, чем себя занять, он поднялся на второй этаж.

Еще с лестницы он заметил открытую дверь на чердак, темный проем и чердачную лестницу. Все вместе это напоминало разинутый в голодном крике рот. Медленно Алекс приблизился к комнате Карины, заглянул туда. Там, как и всегда, царил порядок, лишь одеяло валялось на полу. Горела настольная лампа. Кукла лежала на подушке, пялясь на него своими пуговичными глазами.

Алекс сел на кровать дочери, взял в руки куклу. Где-то под ребрами екнуло, колыхнулось и нервно сжалось сердце. Навалилась тяжесть. Алекс вздыхал, тер глаза, кашлял, но слезы, которые могли дать ему облегчение, не приходили. Он посидел еще немного, затем встал, аккуратно застелил кровать, усадил куклу на подушки, погасил свет и вышел из комнаты. Распахнутая чердачная дверь отчего-то пугала его, но Алекс смотрел на нее, не в силах отвернуться. Когда глаза

привыкли к коридорному сумраку, он заметил темные пятна на чердачной лестнице. Подойдя ближе, мужчина понял, что это следы крови. Они опускались сверху, становясь все более слабо различимыми к середине коридора. В панике, чтобы этого не увидела София, Алекс сбежал вниз, выгреб все, какие нашел, моющие средства и, вооружившись тряпкой и ведром с водой, принялся отмывать кровь.

Пол в коридоре и на лестнице он очистил достаточно быстро, а вот на чердаке возникли проблемы. Во-первых, там ее было гораздо больше, а во-вторых, освещавший чердак фонарь делал это неравномерно. Алекс спустился вниз, поменял воду, нашел новую тряпку («Надо же, ничего не изменилось») и вернулся наверх.

Он с двойным усердием принялся оттирать темные пятна, но дело продвигалось плохо – кровь успел впитаться в деревянные доски пола и высохнуть. Измученный и вспотевший, Алекс бросил тряпку в ведро и сел на пол. В тишине и бездействии к нему вернулась тоска – он до сих пор не мог осознать, что дочь его находится на грани жизни и смерти. Он гнал от себя мысль о том, что может больше не увидеть ее. Ненавидел себя за то, что проводил с ней недостаточно много времени, пропадая на работе. Он задумался: а что, если бы он не уходил из дома? Если бы они не развелись с Софией?

От этих невеселых мыслей его отвлек скрип половых досок в дальнем конце чердака. Алекс вскинул голову и прищелкнул, но в темноте ничего нельзя было разглядеть. Он

вслушивался в тишину так напряженно, что у него свело мышцы шеи. Минуты текли одна за другой, но на чердаке было тихо.

Алекс встал, взял в руки фонарь и пошел туда, откуда доносился скрип. Но едва он сделал несколько шагов, как из противоположного угла донесся шорох – будто что-то тяжелое и большое тащили по полу. Мужчина посветил туда фонарем, но там, вдоль стен, ничего, кроме огромных коробок, не было. И никого. Вдруг фонарь замигал и погас. Чердачный воздух как будто сгустился, окутал Алекса запахами сухой пыли и старой бумаги. Вокруг мужчины то тут, то там стали раздаваться скрипы, шорохи, легкие шаги и неясные вздохи. Алекс крутился во все стороны, но не мог разглядеть того, кто издает все эти звуки. А они, между тем, приближались, сужая круг. В панике мужчина побежал к еле заметному проему в полу, налетел на ведро, опрокинул его, поскользнулся в луже воды и фактически съехал вниз, предельно ударившись копчиком.

– Это были крысы, всего лишь чертовы крысы, – пробормотал он себе под нос мужчина, прекрасно осознавая, что ни крыс, ни мышей тут сроду не водилось

С чердачного проема капала вода, с верхней ступени свисала тряпка, на полу валялись бутылки с моющими средствами. Алекс подошел к лестнице и боязливо уставился вверх, в темноту чердака. На миг ему показалось, что в этой темноте он заметил какой-то промельк – будто кто-то в черном про-

бежал. Мужчина вздрогнул, но тут же разозлился на себя: «Истеричка!» и уверенно поставил ногу на ступеньку. В этот же миг сверху – с такой силой, будто кто швырнул его, упало ведро и окатило его остатками грязной воды. Лестница резко рванулась вверх – Алекс едва успел снять ногу. В считанные мгновения она исчезла в темноте, а чердачная дверь оглушительно хлопнула.

– Господи, да что же это! Боже мой! Боже мой! – отпрянул он назад, мелко крестясь.

Боясь повернуться к чердачному проему спиной, он фактически на ощупь пятился к лестнице на первый этаж.

– Алекс? – голос за спиной заставил его вскрикнуть.

Он обернулся, но вместо («Кого?») увидел Софию.

– Что ты здесь делаешь? Что это был за шум? – вопросительно посмотрела она на него.

– Я... Н-н-ничего, хотел вот убрать тут, – растерянно ответил он и смахнул с носа повисшую каплю.

София молча покачала головой и спустилась вниз. Алекс, не рискуя оставаться наверху один, поспешил за ней.

Присутствие бывшей жены и яркое освещение придали ему храбрости. Через несколько минут он уверил себя, что все это были крысы и сквозняк. А лестница... О лестнице он старался не думать.

– Ты весь мокрый, – отсутствующим голосом заметила София.

– Да, так получилось. У тебя не осталось...

– В комодe в нижнем ящике, – ответила она, не дожидаясь его вопроса.

Алексу снова предстояло вернуться на второй этаж. Он одернул себя, приказав не верить во всякую чушь, и двинулся к лестнице. Когда до конца было две или три ступени, он нащупал выключатель на стене, и коридор озарился мягким светом. «Так-то лучше», – подумал он и направился в комнату Софии.

В комнате ничего не поменялось. Все то же покрывало на кровати, на комодe – общая фотография: он, она и новорожденная Карина. Боже, как же они были тогда счастливы и горды. Куда ушли те времена... Он присел у комода на корточки и потянул на себя нижний ящик. Ящик сидел крепко и не хотел ему поддаваться.

– Что за чертовщина, – пробормотал он под нос и снова потянул за ручки, но опять безрезультатно.

В остервенении он начал дергать ручки на себя, ругаясь вполголоса. Внезапно ящик подался вперед, и Алекс рухнул на пол, ударившись плечом об угол кровати. Со свистом втянув воздух, он снова выругался и полез в ящик за одеждой. Носки, белье, футболки, шорты, пара домашних брюк и пуловеров – все лежало так, как и раньше: чистое и выглаженное. Мужчина переделся в сухое, а мокрую одежду сложил стопкой на комод.

Внезапно в нем проснулось извращенное любопытство – ему захотелось проверить «взрослый» ящик. Он подошел к

трюмо, открыл шкафчик для украшений, взял оттуда ключ и открыл им верхний ящик. К его удивлению, там все тоже осталось без изменений. Устыдившись собственного любопытства и ханжеских мыслей, он хотел закрыть его, но тут снова началось невообразимое. Дверцы шкафчика для украшений захлопали, ящички трюмо и комода стали сами по себе задвигаться и выдвигаться, производя ужасный грохот. Свет в комнате замигал. Схватив мокрую одежду, Алекс выбежал из комнаты. Дверь в комнату Софии захлопнулась с оглушительным стуком, наподдав ему пониже спины. Алекс пулей слетел вниз, к яркому свету.

София лежала на диване и курила, уставившись в потолок. Она вдыхала и выдыхала дым размеренно, как машина. Алекс подошел к ней, забрал сигарету и затушил ее в чашке с остатками кофе.

– Мы не курим дома, помнишь? – спросил он ее.

– Кто это – «мы»? Ты не у себя дома, – злобно ответила женщина. – К чему теперь все эти заморочки, если Карина... Если она....

Бывшие супруги молчали. Казалось бы, такое большое горе должно было объединить их, но человеческая природа непостижима. Чтобы не обострять ситуацию, Алекс молча унес чашку с окурком в кухню, вымыл ее и вернулся в гостиную. Сел в когда-то свое кресло. Подумать только, оно все еще хранило в себе память о его теле.

– Как дела у Марии? – спросил, наконец, Алекс, чтобы

хоть как-то развеять тишину.

– Нормально. Вчера у нее был аукцион, все ее картины раскупили.

– Отлично.

Опять натянутая тишина. София вздохнула, перевернулась на бок лицом к спинке дивана и накрылась пледом с головой, давая понять, что разговор окончен. Блеклое зимнее солнце показалось из-за горизонта и тут же утонуло в тяжелых снежных тучах. Снега, однако, пока не было. София спала, Алекс дремал в кресле. Дом окутала тишина. Лишь о чем-то своем поскрипывали балки на чердаке.

Зачем он пришел сюда? Его никто не звал. Он оставил Хозяйку и Девочку одних, бросил их. А теперь ходит здесь на правах хозяина и распоряжается тем, что ему не принадлежит! Да еще вздумал подняться на чердак. Чердак... Я много раз слышал, как вздыхала сама Хозяйка, говоря кому-то, что хочет, чтобы Девочка была счастлива. И сама Девочка часто говорила мне, что хотела бы оказаться там, где никто не плачет и все счастливы. В том месте, куда я пытался ее отправить, никто не плачет и все счастливы. Что же тогда пошло не так? Почему Хозяйка плачет? Я чувствую ее горе, чувствую, как оно пропитывает мои стены, просачивается сквозь перекрытия в подвал. Неужели она несчастна?

В больнице

Из дремы их вырвал звонок телефона. София судорожно вскочила, схватила телефон, в спешке выронила его. Наконец, трясущимися руками нажали на кнопку приема вызова.

– Да, алло! Алло!

– София, это я, Игорь.

– Ч-ч-черт, – выдохнула женщина.

– Есть какие-нибудь новости?

– Нет, пока никаких. Я собираюсь ехать в больницу, буду сидеть под дверями до тех пор, пока меня не пустят к моей девочке!

– Не лучшая идея, но если ты не собираешься отступать, то подожди полчаса – я заберу тебя. Дождешься?

– Да, – после недолгого молчания ответила София.

– Хорошо. Если что-то будет нужно, сразу звони на этот номер.

– Послушай, Игорь, зачем тебе это все?

– Как-нибудь потом расскажу. До связи.

Все это время Алекс внимательно прислушивался к разговору, но кроме слов Софии ничего не услышал. Между тем женщина отложила телефон, встала с дивана и скрылась в кухне. Через минуту оттуда раздался перезвон посуды, звук льющейся воды, стук ножа о разделочную доску – в общем, все те звуки, которые свидетельствуют о том, что готовится

завтрак.

София была деятельна: резала хлеб и колбасу, делала бутерброды, укладывая их в пластиковый контейнер, снова варила кофе, что-то бурчала под нос. Она была настолько сосредоточена, что не с первого раза услышала, как Алекс окликнул ее.

– Что? Чего тебе? – спросила она, не оборачиваясь к нему.

– Я спрашиваю: ты собираешься в больницу?

– Да, собираюсь.

– Я с тобой.

– Как хочешь, – пожала плечами женщина.

– Почему этот Игорь названивает тебе?

– Ты снова за свое? – София обернулась к бывшему мужу так резко, что неприбранные волосы взметнулись вихрем. – Какое тебе дело до этого? Не ты ли бросил нас, променяв на молодую... На молодуху?

– Я просто....

– А вот не надо просто! Это тот человек, который помог увезти мою дочь в больницу и был рядом со мной всю эту чертову ночь!

– Карина и моя дочь! – начал закипать Алекс.

– Конечно, твоя! Вспомнил, что называется!

– А ты... Ты... – искал он, чем бы уколоть Софию. – Надо было не трахаться с малознакомым мужиком, а за дочью следить.

Глаза Софии помертвели и налились слезами. Она откры-

ла рот, чтобы что-то сказать, но тут же его закрыла. Алекс хотел сделать Софии больно – он добился этого. Вот только ярость его тут же потухла, а вместо желания обидеть появился стыд и злость на себя за такую низость.

– Прости, я не это хотел сказать. Я не знаю, что на меня нашло.

Но женщина не смотрела на него – казалось, она полностью ушла в себя. А на кухне начала твориться бесовщина: все дверцы начали закрываться и открываться, оглушительно при этом хлопая, стол, стулья, холодильник и прочая мебель начали плясать на месте, свет мигал, краны то открывались, то закрывались. Алекс стоял столбом, не в силах пошевелиться. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы снова не раздался звонок. София схватила телефон, прижала его к уху, внимательно вслушиваясь в речь на том конце трубки. «Я скоро буду», – и отключилась. Прошла мимо Алекса, не взглянув на него. Разделась на ходу, сбросив с себя домашнюю одежду, будто и не было его здесь, будто он был пустым местом для нее. Натянула джинсы, свитер и куртку, всунула ноги в ботинки и вышла из дома, даже не закрыв дверь.

Алекс боязливо заозирался по сторонам, боясь, как бы гремевшие на держателе ножи не полетели в него. Не дожидаясь этого, он стремглав кинулся в прихожую, схватил куртку и, закрыв дом, сел в машину и поехал вслед за Софией.

В приемном покое дежурила новая медсестра. Но, увидев взлохмаченную Софию и запыхавшегося мужчину за ее спиной, поняла, что именно о них предупреждал ее Заболоцкий.

– Вишневские? – уточнила она на всякий случай. Оба кивнули. – Разденьтесь, пожалуйста.

София и Алекс скинули с себя куртки и шапки, натянули бахилы и отправились за медсестрой. Комфортабельный, но очень медленный лифт доставил их на четвертый этаж – в отделение интенсивной терапии. Троица шла по тихому белому коридору. Из-за открытых дверей палат доносилось мерное пиканье кардиомониторов. Медсестра остановилась рядом с палатой номер четыреста тринадцать.

– Так, Вишневская Карина. Восемь лет, – читала она с планшета. – Политравма. В коме. Состояние нестабильное. Входите, – шагнула она в палату, Алекс и София молча вошли за ней.

Медсестра подошла к кровати, проверила какие-то датчики, поправила капельницы, пошевелила трубочки и снова обернулась к паре.

– Состояние нестабильное, как я уже сказала. В любой момент может понадобится вмешательство медицинского персонала. Егор Михайлович разрешил вам побыть с дочерью. Если понадобится помощь, нажмите на красную кнопку в изголовье. И ради бога, – повернулась она к ним на пороге палаты, – не передавите трубки и не пытайтесь вытащить их. А то всякое у нас было.

Медсестра вышла, деликатно прикрыв дверь. Палата была просторная, вторая кровать пустовала. Алекс присел на нее. София взяла стул, придвинула его к кровати, на которой лежала Карина, села и осторожно взяла девочку за руку.

– Карина, детка, – проговорила она сбивающимся голосом. – Ты слышишь меня, солнышко?

Она прижала тонкую, почти прозрачную руку дочери к своей щеке.

– Карина, доченька, пожалуйста, послушай меня, – сбивчиво лепетала София. – Ты только поправляйся, пожалуйста. Мы найдем Матрену, сошьем ей новое платье, как ты давно хотела. И съедем целую коробку печенья за один раз. И щенка заберем – того, с улицы, которого ты просила. И на море! Обязательно на море поедем. Ты слышишь, Каринка? – но ответом для Софии по-прежнему было мерное пиканье и шум аппарата ИВЛ.

Внезапно больничную тишину нарушил мужской бас и недовольный женский крик:

– Мужчина! Вы кто? Говорю же: Вам нельзя сюда! Сюда только родственников пускают!

– А я и есть родственник!

– Мужчина, Вам нельзя...

Дверь в палату шумно открылась и на пороге появился Игорь. В руках у него был букет цветов и связка розово-золотистых воздушных шаров. София и Алекс повернулись на шум. Игорь же, увидев, что рядом с Софией стоит бывший

муж, замер. Окинул взглядом палату, затем, не глядя на медсестру, протянул ей букет с цветами:

– Это Вам.

– С-спасибо, но Вам все равно...

– Я сейчас уйду, – твердо ответил он и двинулся в сторону больничной кровати. Остановившись по другую сторону от пары, он привязал воздушные шары к изголовью кровати.

– Извините, что помешал. Если понадобится, ты знаешь, как меня найти, – с этими словами он вышел из палаты, оставив позади ошарашенных Софию и Алекса и удивленную медсестру.

– Что этот мудака себе позволяет? – возмутился Алекс, когда дверь в палату закрылась, а в коридоре снова наступила тишина.

– Он просто пришел поддержать меня.

– Но это я должен был тебя поддерживать, а не он!

– Я вижу, – устало проговорила София. – Твоя дочь в коме, а ты все никак не успокоишься – все отношения выясняешь. Пойми ты наконец: я уже давно не твоя жена и не твоя собственность. Ты мне никто.

– Как бы не так. А то я не видел, как ты мои вещи хранишь!

– Вещи? – усмехнулась София. – Я просто забыла о них, не льсти себе.

– Ты просто...

– Алекс, оставь меня в покое! Если ты не готов оставить

свою глупую ревность даже здесь, то просто уйди отсюда.

– Это и моя дочь тоже, поэтому... – гневную тираду Алекса прервал бешенный писк кардиомонитора.

– Что это? – испуганно спросила София.

– Не знаю, – ответил мужчина. – Наверное, надо вызвать кого-нибудь.

Алекс выбежал в коридор, уже через минуту палата наполнилась белыми халатами и отрывистыми фразами. Софию и Алекса оттеснили в угол комнаты. Врач и две медсестры колдовали над телом Карины, а захлебывающийся писк все не умолкал. Так прошло несколько минут и... Писк прекратился, оставив людей в палате в гробовой тишине.

– Нет! Нет! – закричала София. – Сделайте что-нибудь, пожалуйста!

Она кинулась к врачам, но Алекс удержал ее, крепко прижал к себе и не давал смотреть на то, как врачи суетятся вокруг бездыханного тела девочки.

– Выведи родителей, – отрывисто приказал врач медсестре, не прерывая своей работы.

Алекс, не дожидаясь понуканий, вывел Софию в коридор и усадил на кушетку.

– Пусти меня! Пусти! – рвалась она из его объятий. – Я должна быть там, рядом с нею! Пусти!

Но мужчина крепко держал ее. Наконец, силы ее истощились, и София потеряла сознание.

– Что с ней? – спросила пробежавшая мимо медсестра.

– Обморок.

Медсестра убежала, а на обратном пути сунула Софии под нос смоченную в нашатыре ватку, а Алексу – стакан воды.

– Так-то лучше, – кивнула она и побежала дальше.

Алекс протянул стакан Софии – она пила долго, зубы ее стучали о стакан, руки дрожали. Она пила и безотрывно следила за дверью в конце коридора. Когда же она открылась, женщина замерла. По тому, как медленно и тяжело шел врач, София поняла: конец. Но она отказывалась верить в это. Время растянулось для нее почти в бесконечность, но врач все равно подошел к ним и медленно произнес:

– Мне очень жаль...

Старик

В день похорон погода, будто в насмешку, стояла солнечная. На небе не было ни одного облачка. Осунувшаяся и похудевшая, с черными кругами под глазами, София стояла рядом с детским гробиком.

Внизу, под ногами, чернела дыра, в которой в скором времени должна была исчезнуть Карина. София не смотрела на эту яму, потому что ей казалось, что та гипнотизирует ее, приглашает спуститься вниз и отдохнуть в этой благословенной темноте, не нарушаемой ни единым звуком, ни единым движением. Она приглашала ее в ничто. И София была рада оказаться там навсегда, так как вся ее жизнь, весь ее смысл уместился в этом маленьком деревянном ящике, обитом белым атласом.

Все хлопоты по организации похорон взяли на себя Мария и Игорь. Сейчас они стояли позади Софии и Алекса, держа в руках цветы и венки. Плечи Марии сотрясались от плача. Игорь хранил молчание, но в глазах его тоже блестели слезы.

За двое прошедших суток София, казалось, выплакала все слезы, поэтому теперь глаза ее были сухие и красные. Ее душили спазмы, но она физически не могла плакать, поэтому лишь всхлипывала. Алекс, наоборот, утирал слезы и бесконечно шмыгал носом. Он крепко сжимал в руке ладонь

Софии, как будто боялся, что она убежит от него.

Священник, приглашенный для отпевания, начал монотонно бормотать что-то, поминая Господа, Богородицу и других святых, прося у них благословения и прощения всех грехов для умершей. «Какие у нее могут быть грехи, – отстраненно думала София. – Она ведь совсем ребенок». Наконец, бормотание прекратилось. Священник отошел в сторону, два копача, опирающиеся на лопаты поодаль, помогли спустить гроб и снова отошли в сторону, ожидая, пока каждый из присутствующих бросит в могилу по горстке земли. Этот звук вывел из ступора Софию, она упала на краю ямы, протягивая руки вниз:

– Карина! Карина! Что вы делаете! – кричала она на копачей. – Она боится темноты! Я должна быть там вместе с ней! Пустите меня!

Алекс и Игорь подняли ее и отвели в сторону. Копачи, не поднимая глаз, быстро закидали могилу землей, разровняли образовавшийся холмик и водрузили на него небольшой крест с портретом Карины.

Обессиленная и почти без сознания, София озиралась во круг, ожидая, что вот сейчас появится кто-то, кто скажет ей, что все это был розыгрыш. Злобный, мерзкий, дурацкий розыгрыш. Но ничего подобного не произошло, вместо этого в отдалении она увидела женщину, в которой узнала Еву. И боже мой, как же она изменилась! Куда подевалась та угловатая дурнушка, какой помнила ее София! Даже на таком

расстоянии было видно, что эта женщина ухожена, с хорошей фигурой и одета в дорогую одежду. Лицо ее пряталось за большими солнцезащитными очками, но София узнала бы эту разлучницу из тысячи других женщин по осанке, по тому, как она поправила волосы, по походке. Софии казалось, что на губах женщины играет ухмылка, но сейчас она не была уверена ни в чем – даже в том, что Ева не привиделась ей.

Священник и копачи ушли, Игорь и Мария, держась под руку, пошли к машине. Алекс шел в отдалении от них. Пару раз он повернулся и окликнул Софию, но та не обратила на него никакого внимания. Она все стояла и стояла возле свежей могилы и не могла найти в себе силы уйти. Ей казалось, что она слышит из-под земли плач своей дочери. София стала потихоньку проваливаться в бесчувствие. На границе, когда сознание должно было вот-вот померкнуть, ей привиделся странный старик: слепой, с грязными бельмами глаз, волосы лохматые и нечесанные, одежда вся в заплатках и дырах. Босой, с покрытыми струпьями грязи ногами, он смотрел на нее с удивлением. София смотрела на него в ответ.

– Ты сама хотела, чтобы твоя дочь была счастлива, – наконец сказал он, и голос его походил на скрип несмазанных половиц в старом доме.

– Да, хотела, – кивнула София.

– Так чего же ты еще хочешь? В том месте, где она находится сейчас, она счастлива.

– Она умерла, она не может быть счастлива!

– А разве отсутствие страданий не есть счастье? Ее страдания прекратились, теперь она счастлива, – изрек старец и с этими словами протянул свою грязную иссохшую руку к Софии. – Ты ведь этого хотела? Ты ведь хотела, чтобы она была счастлива?

Женщина хотела отпрянуть от приближающейся руки, но не могла шевельнуться. Она хотела закричать, но вместо крика изо рта вырывалось еле слышное мычание. Рука приближалась, и теперь София могла разглядеть на ней длинные обломанные ногти и толстый слой грязи под ними, набухшие вены и мелкие морщины, испещрившие кожу старика. Рука приближалась, удлинялась, ломалась и изгибалась под самыми странными углами. Теперь она больше походила на высохшую ветвь какого-то диковинного дерева. Еще мгновение, и она оказалась на плече Софии, сжимая его и встряхивая.

«Да что же это, Бог ты мой, спаси и помилуй! Аминь! Аминь! – София пыталась вспомнить хоть какую-нибудь молитву, как учила ее прабабка, но в голове было пусто. – Пресвятая Богородица, помилуй!» Женщина судорожно вздохнула и очнулась на том же самом месте – возле могилы. Ее и правда легонько встряхнули. В ужасе она обернулась назад, ожидая увидеть за спиной слепого старца, но это был Игорь.

– Все в порядке?

– Да, просто... Просто я задумалась, – ответила она с явным облегчением в голосе.

– Я звал тебя, но ты не слышала, стояла со стеклянным взглядом. Точно все нормально?

– Да, да, – торопливо ответила она и позволила Игорю увести себя к машине, за рулем которой уже сидел Алекс.

– Что произошло? – поинтересовался он у Софии, когда Игорь закрыл дверь.

– Мне показалось... – начала было женщина, но остановилась. – Ничего, ничего не случилось. Отвези меня домой. Я хочу домой, хочу побыть одна.

– Еще поминальный обед же, – напомнил Алекс.

Кладбище находилось за городом, поэтому путь до кафе предстоял неблизкий. Из радиоприемника доносилась какая-то мелодия. За окном пролетали поля, заметенные снегом. Однообразный пейзаж убаюкивал. София тяжело вздохнула и привалилась головой к окну. Она очень сильно хотела спать, но боялась даже прикрыть глаза: ей казалось, что едва это произойдет, слепой старик снова возникнет перед ней.

Звонок телефона вернул Софию к реальности. Женщина посмотрела на экран – номер определился, но это был городской номер, которого не было в ее телефонной книге.

– Алло? – неуверенно ответила она.

Еще несколько минут она односложно отвечала «Да» и «Нет», а после отключила телефон и залилась слезами.

– Что случилось? Кто звонил? – торопил ее Алекс.

– Это из по-полиции, – всхлипывая, проговорила София.

– Из полиции?

– Да, нам назначена встреча со следователем.

– Что? С каким следователем?

– По поводу Карины...

Поминальный обед прошел в молчании. Почти в молчании – телефон Алекса буквально разрывался от бесконечных звонков. После каждого из них он становился все злее и злее. По его злобному шепоту София поняла, что звонила Ева.

Игорь и Мария, чтобы хоть как-то разрядить обстановку, говорили о посторонних вещах, пытаясь втянуть в разговор Софию. Но та, ошарашенная звонком из полиции и странным видением, отвечала невпопад, а порой и вовсе не слышала, что к ней обращаются.

Когда обед подходил к концу, дверь в кафе резко распахнулась, а на пороге показалась Ева. Она уверенно прошествовала к сидящим и, притянув стул из-за соседнего столика, уселась рядом с Алексом. Крепкий запах спиртного оповестил всех о том, что она изрядно пьяна.

– Что ты здесь делаешь, – почти прошипел Алекс.

– Хочу поддержать тебя в трудный момент. Ведь не каждый день дочь приходится хоронить.

– Уйди, пожалуйста, и прекрати ломать комедию.

– Какую комедию? Я правда сочувствую вам обоим, а бывшей твоей даже больше, чем тебе. Мы с ней теперь похожи – делим одного мужика на двоих, обе без детей. Ну, не чокайся! – подмигнула она сидящим за столом и залпом осушила

рюмку водки.

София, Мария и Игорь ошарашенно наблюдали за этой сценой. А женщина, не стесняясь, выпила еще раз, закусила и продолжила разглагольствовать.

– Вот ведь как жизнь повернулась, да? Теряешь самое дорогое, самое ценное, что есть. И думаешь: «Да за что мне это», а ведь если разобраться – у каждого есть, за что его наказать.

– Нам, кажется, пора, – Алекс встал из-за стола. – Пойдем.

– А чего сразу пойдем? Я пришла совершенно искренне принести соболезнования твоей бывшей жене, а заодно посмотреть, чем она так хороша, что ты до сих пор зовешь ее во сне.

– Я сказал – пойдем, – сквозь зубы процедил Алекс и с такой силой рванул женщину за руку, что было слышно, как хрустнул плечевой сустав.

– Сейчас мы с Алексом обсудим кое-что и продолжим поминать, подождите минутку, – сопротивляясь ему, проговорила Ева. Люди за соседними столиками, привлеченные шумом, стали оглядываться. Алекс вытащил Еву на крыльцо и встряхнул ее.

– Ты зачем сюда приехала! Я тебе запретил!

– Что значит запретил? Ты мой муж! Мой! Муж! – закричала женщина, вырываясь из его хватки.

– Ты нашла самое ужасное и неподходящее время, чтобы устраивать разборки!

– Я не устраивала разборок! Я просто хотела...

– Посмотри на меня, – встряхнул ее Алекс. – На меня смотри! В глаза! Я же вижу, что весь этот цирк не просто так!

– Да, не просто так! – закричала женщина. – Не просто так! Я устала быть запасным аэродромом! Ты живешь со мной, но ты не мой! Ты до сих пор не отпустил свою прежнюю семью! И вот теперь девчонка умерла. Может быть, теперь-то ты станешь мой?

– Какая же ты мерзкая, – скривился Алекс. – Не думал, что ты способна на такое.

– Ты еще не знаешь, на что я способна, – злобно ухмыльнулась она. – Ты будешь или моим, или ничьим!

– Ты пьяна, тебе нужно проспаться. Я вызову тебе такси.

– Я не хочу такси! Отвези меня домой! К нам домой! Ты мой муж!

– Я уже пожалел, что стал им, – холодно отрезал Алекс и поднял руку, привлекая проезжающее мимо такси.

Кое-как усадив Еву в машину, он дал таксисту денег, продиктовал адрес и собирался вернуться в кафе, но на пороге столкнулся с Софией, Марией и Игорем.

– Я... Простите, пожалуйста, она не в себе, – попытался извиниться он, но София не удостоила его и взглядом. Мария укоризненно посмотрела на него и покачала головой. Игорь же был целиком и полностью занят разговором по телефону, поэтому даже не протянул руку на прощание.

Алекс думал, что отвезет Софию домой сам, но карты лег-

ли иначе: вместе с Марией она села на заднее сиденье черного «Вольво» Игоря. Дверцы хлопнули, машина укатила, оставив его на крыльце в одиночестве. Злой и рассерженный, Алекс сел в машину и направился домой.

Черный «Вольво» несся по холодным заснеженным улицам быстро и бесшумно. Мария, чтобы хоть как-то разрядить обстановку, болтала обо всем, что придет на ум. Игорь молчал – следил за дорогой, изредка отвечая на телефонные звонки. София была благодарна этим двоим, но болтовня подруги выматывала ее, поэтому, когда машина остановилась перед воротами дома, София вздохнула с облегчением.

– Спасибо за все, – сказала она им, когда они вышли проводить ее.

– Ты точно хочешь побыть одна? – с тревогой в голосе спросила Мария.

– Да, мне просто нужно несколько дней тишины.

– Я позвоню вечером, – предупредил Игорь. – Может, передумаешь, или что-нибудь понадобится.

София обняла их по очереди и, не оборачиваясь, вошла внутрь. Дом встретил ее тишиной. Ей казалось, что вот-вот раздастся торопливый детский топот, смех и веселое: «Мама пришла!». Но напрасно она прислушивалась, единственное, что она слышала – тиканье часов и шорох ветвей по стеклу.

София сбросила с себя пальто и обувь, не удосужившись убрать их. Сделала пару шагов и снова остановилась. Ранние зимние сумерки поселились в углах гостиной и прихожей,

лестница на второй этаж тонула во тьме. Сейчас, в темноте и тишине, дом, в котором она жила больше десяти лет, казался ей таким огромным, загадочным и даже немного опасным.

София, отчего-то боясь шуметь, прошла в кухню и включила свет. В раковине громоздилась гора грязных кружек и чашек. На плите стояла турка с остатками кофейной гущи. Кухонный стол пятнали кругляши пролитого и высохшего чая и кофе. Рядом, на краю, громоздилась куча бумаг и документов, которые она так и не удосужилась разобрать. Герань на подоконнике высохла и поникла, завершая картину запустения и неряшества.

Чтобы хоть как-то отвлечься от горестных мыслей, София с остервенением накинулась на беспорядок. Она самозабвенно мыла, терла, скребла и чистила все, до чего дотягивались ее руки. Через полчаса кухня сияла чистотой, но легче от этого женщине не стало.

– Выпить, мне срочно нужно выпить, – пробормотала она вполголоса, налила полный бокал вина и, уставшая и опустошенная, села за стол. Залпом осушив его, она налила второй, потом третий, наконец остановилась. Взгляд ее уперся в окно. Там, за стеклом, сумерки сменились темнотой. В окне София видела себя, кухню и часть прихожей, освещенную светом из кухни. В задумчивости она уставилась на свое отражение, как вдруг за спиной уловила неясное движение. София резко повернулась, но прихожая была пустая. Она узнала этот силуэт, но гнала от себя эту мысль, не давая ей обос-

новаться внутри.

– Кто здесь? – спросила она вслух. – Алекс, это ты?

Дом хранил молчание. София сделала еще несколько глотков вина. Сидя за столом, она до боли в глазах всматривалась в темноту в прихожей, но там никого не было. От напряжения у нее свело судорогой мышцы шеи. Разминая ее руками, она случайно посмотрела в окно, и там, в отражении, столкнулась взглядом с невидящим взглядом старика с кладбища. София вскрикнула, метнулась к кухонному столу, схватила со стойки нож.

– Я видела тебя! Что тебе нужно? Зачем ты меня преследуешь?

От страха голос ее сорвался на писк, руки тряслись. «А чего я боюсь? – вдруг отстраненно подумала София. – Как я буду жить дальше без Карины? Не лучше ли будет мне умереть прямо сейчас?» Эта мысль, однако, не произвела должного эффекта, и женщина еще крепче сжала нож. Вдруг наверху послышались шаги: тяжелые, шаркающие, старческие. Они возникли в комнате Карины и теперь продвигались по коридору в сторону лестницы на первый этаж. София медленно отошла в самый дальний угол кухни, крепко зажмурилась и, как и тогда на кладбище, стала перебирать в памяти обрывки молитв, которые когда-либо знала. Шаги меж тем приблизились к лестнице, незванный гость продолжил свое неторопливое шествие. Ступени скрипели медленно и размеренно, София бормотала под нос молитвы и мелко кре-

стилась. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы в темноте прихожей не полыхнул яркий белый свет – подъехала чья-то машина, и фары дальнего света залили прихожую ослепительно яркими лучами. Шаги немедленно прекратились. Свет погас. Шаги возобновились. Невидимка, судя по всему, находился уже на последних ступенях. Раздался дверной звонок. Шаги снова стихли и уже не возобновились. Мелодичная трель наполнила дом, и София, переполненная ужасом, метнулась к двери и распахнула ее. На крыльце стоял Игорь. София вцепилась в него и закричала:

– Игорь, там кто-то есть! В доме какой-то старик, он прятался на втором этаже!

– Тише, тише, – прижал он женщину к себе. – Ты уверена? София молча кивнула.

– Сейчас мы все проверим, – с этими словами Игорь уверенно вошел в дом.

Следующие пятнадцать минут они вдвоем обошли весь дом от подвала до чердака, заглянули во все шкафы, посмотрели под кроватями и за шторами. Чердак был заперт снаружи, поэтому искать чужака там не было необходимости. Вдвоем они вернулись на кухню. София присела на стул, глотнула вина прямо из горлышка, посмотрела на Игоря. Тот пристально вглядывался в ее лицо.

– Ну, давай, говори, – злобно бросила она, на этот раз наливая вино в бокал.

– Что именно?

– Что я напилась, что мне это показалось и все в таком духе.

– Нет, я не собирался этого говорить. Я просто думаю, что тебе нужно поспать.

– Я не хочу спать. Когда я засыпаю, мне снится.... Мне снится Карина и какой-то старик.

София рассказала Игорю о видении на кладбище, о том, что именно этот старик привиделся ей сейчас. Незаметно для себя она разговорилась и рассказала Игорю о звонке из полиции. Услышав это, он нахмурился, задал несколько уточняющих вопросов и, извинившись, вышел в прихожую с телефоном в руке. София пила вино и слушала негромкий голос Игоря: он говорил отрывисто, односложно, что-то спрашивал и отвечал, но что – разобрать она не могла. Через пару минут он вернулся на кухню.

– Я поговорил кое с кем, удалось взять небольшую отсрочку. Несколько недель – не бог весть что, но всяко лучше, чем ничего. Немного соберешься с мыслями.

– Спасибо, не стоило. Мне неловко и... – София громко икнула, глупо хихикнула, смутилась и замолчала.

От волнения, бессонных ночей и выпитого вина она опьянела. Мысли ее путались, перескакивали с одного на другое. Она переживала, как Карина будет ночевать одна, потом вспоминала о похоронах, об ужасной сцене во время поминального обеда, о предстоящем суде, о странном пугающем старике... София начала что-то бормотать себе под нос,

взгляд ее постепенно становился рассеянным.

– Пойдем, – Игорь осторожно потянул Софию за руку. – Тебе нужно поспать.

– Я боюсь засыпать, – жалобно сказала она.

– Я посижу рядом, покараулю тебя.

– Спа – ик- сибо, – пошатываясь, женщина встала со стула и побрела в гостиную.

Там она долго искала плед (который все это время лежал на диване), подушку, ходила кругами. Наконец Игорь силой уложил ее на диван и накрыл пледом.

– Только ты посиди со мной, пожалуйста, – напомнила София.

– Посижу, посижу. Спи давай.

София улеглась и закрыла глаза. Она пролежала неподвижно достаточно долго, Игорь решил, что она уснула. Он хотел переместиться на кресло и подремать там. Но едва он встал, как женщина открыла глаза и схватила его за руку.

– Ты куда?

– Никуда, просто хотел сесть удобнее, – ответил он, и София, успокоенная этим, закрыла глаза.

– Зачем ты все это делаешь? – спросила она через некоторое время, открыв глаза.

– Просто потому что. Давай мы поговорим об этом завтра, пожалуйста.

– Нет, сегодня, – София села на диване, поджав под себя ноги. – Может, потому, что я тебе нравлюсь?

– Может, и поэтому, – кивнул мужчина.

– А может, потому, что ты в меня влюбился?

– Может, – снова кивнул Игорь.

– Раз так, то ты не откажешься немного пошалить, – с этими словами София села к Игорю на колени. Глядя ему в глаза, она принялась расстегивать рубашку.

– Не надо, – убрал он ее руки.

– Ну почему? Ты хочешь, я хочу – мы уже не дети, – то-ропливо говорила она, пытаясь расстегнуть ремень.

– Не надо, София, – мужчина взял ее за руки. – В тебе говорит тоска, отчаяние и алкоголь. Не надо этого делать, потому что завтра ты пожалеешь об этом.

– Я слишком уродлива для тебя? – резко спросила София.

– Нет, ты одна из самых красивых женщин, которых я когда-либо встречал. Я влюбился в тебя с первого взгляда. Но секс сейчас – лишнее, поверь мне. Потом, когда все нормализуется, мы вернемся к этому. А сейчас тебе нужно спать.

– Обещаешь?

– Обещаю, – Игорь снова уложил Софию на диван, накрыл пледом и сидел, пока женщина не уснула. А потом, незаметно для себя, задремал и сам.

Точки над і

От кафе Алекс поехал домой, но уже во дворе передумал и развернулся к ближайшему кинотеатру. На большом экране не показывали какой-то ужастик под названием «Мертвец на арбузном поле». Поначалу Алекс даже проникся этой историей – вполне уверенный саспенс, гнетущая атмосфера и отсутствие избитых «бу» из-за угла делали фильм приметным на фоне остальных проходных киношек. Однако и этого не хватило для того, чтобы отвлечь Алекса от невеселых мыслей. Что-то внутри мешало ему, какая-то недодуманная мысль. Так бывает, когда забываешь что-то сделать или видишь сон, но не помнишь, о чем он был. Эта заноза беспокоила его весь фильм, поэтому Алекс не заметил, как тот подошел к концу: финальная сцена с заснеженным полем плавно исчезает в темноте и появляются титры. Свет в зале начал загораться постепенно, чтобы не ослепить зрителей. Алекс наблюдал, как люди суетливо рвутся к выходу, толкаются, роняют ведерки с остатками попкорна. А ему некуда было торопиться, поэтому он решил дождаться окончания титров – вдруг покажут что-то интересное.

В зал вошла уборщица и, покосившись на Алекса, стала подметать мусор, собирать обертки и огрызки, вполголоса костеря «этих свиней» на чем свет стоит. Алекс упорно не замечал ее присутствия, а смотрел на экран. Через несколь-

ко секунд, когда последняя строчка титров исчезла, экран заполнила черно-белая рябь статических помех – как на старых телевизорах. Внезапно она сменилась черно-белой записью: пустой кабинет, обставленный с медицинской скупостью, в котором не было ничего, кроме двух стульев. На одном восседает доктор, а на другом – сгорбившийся, болезненно худой, с мешками под глазами и неопрятной бородой мужчина. Губы его начали шевелиться, после этого он резко вскинул голову, улыбнулся дикой, почти жестокой улыбкой и пристально посмотрел в камеру. От неожиданности Алекс вздрогнул – ему показалось, что мужчина смотрел прямо на него, а вся его беззвучная речь адресована ему, Алексу. Сцена сменилась черно-белой заставкой в индустриальном стиле и надписью, выполненной в этом же духе: «Отравление реальностью» – ибо сильна как смерть любовь», и экран погас.

– Ибо сильна как смерть любовь, – вполголоса проговорил Алекс. Он понял, какая мысль не давала ему покоя. И теперь, когда он это понял, в нем проснулась жажда действия. Он выскочил из кинотеатра, сел в машину и понесся к дому Софии. На полпути зазвонил мобильный телефон, на экране высветилось: «Ева». Алекс скривился, передернул плечами и трубки не взял, но телефон звонил так долго, что он испугался: «А вдруг с ней что-нибудь случилось».

– Алло, – холодно ответил он.

– Алекс, ты где? – раздался в трубке тихий голос.

– Какая разница. Чего ты хотела?

– Кажется, я сломала руку.

– Что? Руку?

– Да, она очень сильно болит и опухла.

– Вызывай такси и поезжай в травмпункт.

– Вернись, пожалуйста. Я хотела поговорить с тобой, извиниться. Мне так плохо...

Алекс выругался, рывкнул в трубку: «Жди» и на очередном светофоре развернулся к дому.

– Ну, что с рукой! – выпалил он, едва переступив порог дома.

– С рукой... – Ева молниеносным движением спрятала руки за спину.

– Да, с рукой, с рукой!

– Ну, она уже прошла... Кажется...

– Прошла? Как прошла? Покажи! – Алекс рванул Еву за руку.

– Что ты творишь! Больно! – закричала женщина.

– Значит, рука, говоришь?

– Да не сломала я руку! Не сломала! Я просто хотела, чтобы ты домой вернулся!

– Отлично! Сначала устроила пьяную истерику, теперь обманула меня. Дальше что? Измена?

– Можно подумать...

– Вот и подумай! – перебил ее Алекс и направился к двери.

– Я не пущу тебя! – Ева встала в дверном проеме.

– Уйди!

– Нет!

– Уйди, иначе...

– Иначе что? – с вызовом спросила она.

– Тьфу, пропасть! – Алекс выругался и ушел на кухню.

Через мгновение оттуда раздался стук шкафов и звон стекла. Ева закрыла дверь, спрятала ключи и заглянула на кухню. Алекс сидел за столом, в руке дымилась сигарета, на столе стоял стакан и бутылка. Женщина села рядом.

– Ты понимаешь, что теперь она – по-настоящему твое прошлое? Вас ведь теперь действительно ничто и никто не связывает.

– Я сам решу, что прошлое, а что – нет.

– Ты же сам ушел от нее, чего ты теперь хочешь? Вернуть ее? Зачем? Вы совершенно чужие!

– Я не собирался никого возвращать, – голос Алекса дрогнул.

– А зачем же ты тогда собирался к ней ехать?

– Я не... Погоди, как ты узнала?

– Можешь называть это женской интуицией.

– Да, я собирался поехать к ней, – нахмурился мужчина.

– Зачем?

– Затем. Как представляю, что она сейчас одна, в пустом доме, после всего, что произошло...

– А то, что я одна останусь, тебя не смущает?

– А что ты? Ты ребенка похоронила? Ты без мужа оста-

лась?

– Ну, без мужа она уже давно осталась, – язвительно заметила Ева.

– Слушай, чего ты хочешь от меня? – вскочил Алекс со стула.

– Хочу, чтобы ты забыл ее!

– А не пойти ли тебе... – Алекс стукнул кулаком по стене и скрылся в спальне.

Ева слышала, как скрипнула кровать, слышала стук прикроватной тумбы, а затем все стихло. Она сидела на кухне в тишине и одиночестве – почти так, как это было до встречи с Алексом.

– Права ты была, бабуля. На чужом несчастье счастья не построишь, – со вздохом произнесла Ева и погасила свет.

София проснулась от заливистой трели дверного звонка. Спросонья она не поняла, где находится, но, увидев знакомый интерьер, вспомнила вчерашний вечер. Рядом в кресле заспанно моргал Игорь. Пытаясь встать, София запуталась в пледе, и пока она выпутывалась из него, Игорь был уже у дверей.

– А, снова ты! – раздался голос Алекса. – Снова отираешься тут!

– А Вы? Вам-то здесь что нужно? – парировал Игорь.

– Я ее муж!

– Бывший, смею заметить!

– А ты вообще никто!

– А я, возможно, будущий, – с насмешкой ответил Игорь.

– Хорошо же пристроился! Дом огромный, машина есть, ребенка нет – приспособленец чертов!

– Если бы не траур Софии и горе, переступившее порог этого дома, я бы и мокрого места от тебя не оставил, – в ярости прошипел Игорь.

Мужчины гневно смотрели друг на друга. Сжатые кулаки, желваки на челюстях и напряженные позы говорили о том, что драка должна была вот-вот начаться.

– Что такое? – появилась в прихожей София.

– Привет, Соня, – не отрывая взгляда от Игоря, сказал Алекс. – Скажи этому... Скажи ему, чтобы пропустил меня в дом.

– Зачем ты приехал?

– Я хочу поговорить с тобой.

– Игорь, оставь нас, пожалуйста, – обратилась София к нему.

– Пойду сварю кофе, – процедил тот сквозь зубы и скрылся на кухне.

– Ну, чего тебе? – нетерпеливо спросила у Алекса София.

– Я просто хотел сказать... Извиниться за вчерашнее. Я не думал, что Ева придет в кафе и устроит все это.

– Она и на похоронах была, – заметила София.

– Как так? Была?

– Да, была. И тебе лучше было бы с ней прийти туда, так

как вы муж и жена. А ты не подумал, и получилось то, что получилось.

– В общем, я хотел приехать еще вчера, но не смог. Я просто хотел узнать, как ты себя чувствуешь, может, тебе чего надо.

– Нет, мне ничего не надо.

– А кто это там у тебя? – внезапно перебил ее Алекс, выглядывая из-за ее плеча и вглядываясь вглубь дома.

– Что?

– Дома есть еще кто-нибудь кроме тебя и его? – дернул подбородком Алекс в сторону кухни.

– Никого нет, а что... – София напряглась. – Кого ты увидел?

– Какой-то мужик седой, в оборванной одежде. Кто это?

– Ты тоже его видишь? Значит, это не галлюцинация, – проговорила женщина с расширившимися от ужаса глазами. – Значит, я не схожу с ума.

– Да кто это, можешь ты мне объяснить!

– Не знаю, но это существо преследует меня с кладбища.

– Преследует?

– Да, да, – София сбивчиво рассказал Алексу все, что произошло на кладбище и вчера вечером до приезда Игоря, умолчав, впрочем, о том, что она была пьяна.

Алекс слушал ее с недоверием и страхом, но, помня тот ужас, который он пережил на чердаке во время уборки, не решился бы с уверенностью сказать, что ей это привиделось.

– Скажи мне: ты в безопасности здесь? – наконец произнес Алекс.

– Да, тем более Игорь рядом.

– Ну да, ну да, как же я мог забыть об этом хлыще.

– Алекс, пожалуйста, прекрати. Тебе лучше вернуться домой к жене. И больше... – София потрянула головой. – Я не вижу больше причин, по которым ты должен приезжать сюда.

– Я сам решу, куда мне приезжать, – со злостью ответил Алекс. – Мой номер ты знаешь, если что – звони.

Когда дверь за Алексом закрылась, в прихожую выглянул Игорь.

– Что ему было нужно?

– А то ты не слышал, – устало ответила София, направляясь к ванной.

– Да, то есть нет. То есть я хотел сказать, что я не подслушивал.

– Он приехал проверить, все ли со мной в порядке после вчерашних событий. Мне нужно в ванную, дай мне пять минут.

София включила душ. Вода была настолько горячей, что кабинка очень быстро наполнилась клубами пара. Шум бегущей воды приглушал звуки снаружи. София закрыла глаза и стала прислушиваться к тому, что происходит внутри нее. А внутри, как ни странно, царилла пустота, но не убивающая, а безразличная. Вчера на похоронах София думала, что не вынесет этого горя. Но нет – вынесла и даже продолжает жить

и строить какие-то планы. Поймав себя на этой мысли, она возненавидела себя за это, но постепенно гнев стих. «Наверное, вот так и сходят с ума от горя, – думала София. – Когда тебя ничего не интересует, ты ничего не хочешь. Слезы... Я выплакала за это время их целое море, и теперь у меня их просто не осталось. Я должна плакать, ведь хорошие матери плачут и горюют по своим детям, но...» Мысли ее были прерваны неясным шумом за дверью душевой кабины.

– Игорь, это ты? – спросила София, но никто не ответил. Женщина пожала плечами – показалось.

Но через пару минут шум раздался снова, а по стеклу кабинки мелькнула чья-то тень.

– Игорь, это не смешно! – рассержено крикнула она, выключила воду и вышла из душа.

Каково же было ее удивление, когда она увидела, что дверь закрыта, а ванная комната пуста. Она повернулась к зеркалу и обмерла: на зеркале, затянутом паром, неровным детским почерком Карины было выведено «Мамочка». София мгновение смотрела на эту надпись, затем с неожиданной яростью принялась тереть зеркало, уничтожая привет из прошлого. Или из загробного мира.

– Скажи, пожалуйста, ты заходил в ванную, пока я была в душе? – спросила София у Игоря, выйдя на кухню.

– Нет, конечно. Я готовил, – показал он на стол, сервированный к завтраку. – А что такое?

– Ничего.

Некоторое время они молча ели, прихлебывая обжигающе-горячий кофе из симпатичных кружек с мультяшными щенками.

– Это Карина выбирала, – сказала София, показывая на кружку. – Она очень любила собак, на каждый праздник просила, чтобы ей подарили щенка. Но ведь собака – это такая ответственность, а она сама еще ребенок. И все заботы о нем легли бы на меня. . . .

София поникла, отложила вилку и уставилась на кружку.

– Почему я не подарила ей эту чертову собаку? Может, тогда она была бы сейчас рядом?

– София, прекрати себя истязать, – Игорь взял ее за руку. – Собака здесь ни при чем.

– Но я так мало времени уделяла ей, ее интересам, ее жизни. . . Я во многом отказывала ей, – женщина была готова расплакаться.

– Нет-нет-нет, послушай меня! – Игорь взял ее за подбородок и поднял голову. – Ты была самой лучшей матерью! Ты делала для нее все, что могла! И лучшей матери на свете для нее не было бы.

– Правда? – со всхлипом спросила она.

– Правда.

В молчании они допили кофе.

– Так чего он все-таки хотел? – спросил Игорь, убирая со стола.

– Он хотел узнать, все ли у меня в порядке, не нужно ли

мне чего-нибудь.

– Опомнися, – пробурчал себе под нос Игорь. – Может, мне побыть с тобой, чтобы он не досаждал тебе?

– Не стоит, – помотала головой София.

– Я вообще не понимаю, почему он до сих пор отирается рядом с тобой, – перешел в наступление Игорь.

– Он не отирается, – устало ответила женщина. – Не забывай, что мы были родителями и... Ну, ты понимаешь.

– Понимаю, но не понимаю...

– Послушай, Игорь, – перебила его София. – Я любила этого человека, делила с ним дом и постель, родила дочь. Все это не так просто вычеркнуть из жизни. Прошу, не дави на меня. Оставь меня одну, мне нужно подумать.

– О чем?

– Обо всем. Я хочу побыть одна. Я хочу отгоревать свое горе.

– Хорошо, я уйду, – Игорь понял, что спорить с ней бесполезно. – Только звони мне или пиши, чтобы я знал, что с тобой все в порядке. Иначе я приеду сюда и заберу тебя к себе, чтобы ты... – замялся Игорь.

– Не сходила с ума? – усмехнулась София.

– Чтобы ты не была одинока в своем горе, – закончил он.

– Я знаю, ты считаешь, будто я схожу с ума, но поверь мне, это не так. Я буду звонить тебе, обещаю.

Игорь обреченно кивнул – как бы ни хотелось ему быть рядом с Софией и защитить ее от всех напастей, она не поз-

воляла ему сделать это. По крайней мере, сейчас.

Одиночество Софии

Первые дни София провела в тишине и оцепенении. Еще одним ее постоянным спутником было ожидание – она ожидала, когда появится слепой старец. Но тот, если и существовал, затаился и не давал знать о себе никоим образом. И Алекс, и Игорь обрывали телефон, звонили по несколько раз в день, интересуясь ее самочувствием, но обоим она отвечала односложно и сразу вешала трубку – она не хотела ни говорить, ни слушать.

Слезы иногда прорывались наружу, и тогда она часами плакала, баюкая на руках попавшиеся на глаза вещи Карины: пижама, игрушки, любимая кружка дочери. Все в этом доме напоминало о ней. И тогда София решилась на невероятное – убрать все вещи дочери.

В один из дней, вооружившись кучей коробок, которые ей привез Игорь, София поднялась на второй этаж и, как ныряют в холодную воду, вошла в комнату дочери. Там за эти дни ничего не изменилось: кровать стояла по-прежнему незаправленной, рядом стояли тапочки в виде щенков, на столе лежал незаконченный рисунок. Сжав зубы, София принялась укладывать вещи дочери в коробки. Сначала она делала это быстро и почти как попало, но потом каждая вещь, которую она брала в руки, начала шептать ей свою историю.

Кукла-фея с мигающей волшебной палочкой:

– Помнишь, ты купила меня, когда у Карины выпал первый молочный зуб?

Наградной сертификат за первое место:

– А я? Меня помнишь? Она получила меня на городском конкурсе детских рисунков.

Старомодный свитер – подарок от бабушки, который Карина ни разу не надела:

– Да-да, Карина не любила меня. Потому что я был ужасно колючим. Плохой подарок для маленькой девочки!

Чем дальше углублялась София в детские вещи и игрушки Карины, тем больше воспоминаний оживало внутри нее. Вот пинетки Карины – совсем маленькие, их дочка забрала для своей куклы. А вот ее детский гребешок – розовый, весь в царапинах, Карина расчесывалась им перед сном, уже в кровати. Старая соска, погремушка, крошечные вещи, которые теперь носила кукла, – глядя на все это, София будто заново пережила младенчество дочери. Она вспомнила все: свою радость, затем беспричинную тоску, а после – черную беспросветную депрессию, во время которой она возненавидела Карину. Она обвиняла ее в своей расплывшейся фигуре, в своей бессоннице, в своей депрессии. А после, когда Алекс признался в измене, и в том, что из-за нее, «из-за проклятого отродия», от нее ушел муж.

Воспоминания эти и раньше грызли Софию, заставляя испытывать невыносимое чувство вины, которое она старалась искупить дорогими подарками («А вот щенка отказалась

взять домой», – не преминул напомнить ей внутренний голос). Но сейчас, когда дочери уже не было в живых, Софии оставалось только плакать и ненавидеть себя за то, что так мало любила дочь, так мало уделяла ей внимания и за множество других «так мало». Сидя на полу детской в слезах и с пинетками в руках, София как никогда остро ощутила свою любовь к дочери, которую теперь ей некуда было деть. И все, что оставалось ей, – оплакивать ее.

За два дня Софии удалось собрать все вещи Карины и спрятать их в самом дальнем углу гаража под огромным куском брезента. Но все равно то там, то здесь находила их снова и снова. Сначала это был мяч, который выкатился как будто из ниоткуда. Глядя на него, София вспомнила, что она купила Карине, когда та очень сильно увлеклась футболом. Девочка умоляла Софию записать ее на секцию, но та была непреклонна и вместо этого купила дочери мяч.

В другой раз это была книга сказок, которую Софию читала Карине на ночь, но так и не дочитала, потому что не любила она читать и всячески старалась уговорить дочь читать самостоятельно. Книга эта каким-то чудным образом оказалась на полке рядом с ее книгами, хотя София точно помнила, что не видела ее здесь никогда. Ей казалось, что все эти вещи дожидаются удобного момента в каком-то темном углу, чтобы внезапно атаковать ее. И все они, как ни странно, несли с собой лишь несчастливые воспоминания. София терпеливо складывала свои находки в гараж под брезент к

уже собранным вещам, гора которых все росла и росла. Она даже подумывала раздать все эти вещи нуждающимся или отнести в церковь, однако рука ее так и не поднялась сделать это.

Ближе к вечеру, на девятый день после похорон, в доме Софии раздался звонок. Отвыкшая от громких звуков, София вздрогнула всем телом и с большой неохотой направилась к видеодомофону. На черно-белом экране она увидела Алекса, который прислушивался к тому, что происходит во дворе за забором. София нажала на кнопку ответа.

– Я просила тебя не приходиться сюда.

– И тебе здравствуй, – ответил Алекс. – Я помню, что ты не хочешь меня видеть. Но сегодня девять дней, я подумал, что негоже это... Вот так, в одиночестве...

– Я не хочу никого видеть, – ответила женщина, но уже менее уверенно.

– София, пожалуйста, открой. Клянусь, я не произнесу ни слова, если ты захочешь, но открой мне. Я... – запнулся Алекс, голос его дрогнул. – Я хочу поговорить о Карине. Мне нужно поговорить о ней, иначе я сойду с ума.

София дрогнула. Она тоже хотела поговорить о Карине, высказать кому-то свою боль, растерянность, сожаление – все те чувства, что нахлынули на нее, когда она осталась одна. Задумавшись еще на мгновение, она все же нажала на кнопку открытия замка. Через минуту Алекс был в доме, натщив в прихожую снега и грязи (*«Как всегда. Ничего не ме-*

няется», – вздохнула про себя София). Он по-хозяйски повесил пальто в шкаф – туда, где и раньше оно висело, и остановился посреди прихожей.

– Ну, веди, хозяйка.

София, замешкавшись, пошла на кухню, Алекс за ней. Женщина включила чайник, достала чашки. Себе – кофе, ему – зеленый с молоком без сахара.

– Надо же, еще помнишь, – усмехнулся мужчина, глядя на то, как София разливает кипяток.

– Я много чего помню.

– Я вот тут принес, – с этими словами Алекс вытащил из пакета бутылку коньяка. – Девять дней, помянуть надо вроде как.

– Убери и не позорься. Это ребенок, какой коньяк! – вспылила София.

Алекс смутился, но коньяк не убрал.

Неловкость между бывшими супругами была настолько велика, что она ощущалась в воздухе как плотный туман. Алекс смотрел в чашку, вздыхал, сопел, пытался что-то сказать, но замолкал, едва открыв рот. София же неподвижным взглядом смотрела в окно. Тишину нарушало мерное тиканье часов и скрип страдающего от влажности, холода и резких порывов ветра дерева на чердаке – это дом пел свою зимнюю колыбельную для всякого, кто пожелал бы к ней прислушаться.

– Скажи, она тебе снится? – наконец нарушила молчание

София, все так же глядя в окно.

– Нет. К сожалению или к счастью – нет. Мне кажется, я бы не вынес этого.

– Повезло. Мне она снится каждую ночь. Даже не она сама, а прошлое – то какой-нибудь концерт ее, то поход в кино, то поездка к морю... И каждый раз я не успеваю, опаздываю, а потом вижу ее плачущей. Мне кажется, я не успела как следует полюбить ее. Сначала депрессия, потом... – София замолчала, подбирая слова. – Потом наши взрослые проблемы. Мне кажется, я мало ее любила.

– Тебе действительно кажется, – ответил Алекс. – Согласен, были кое-какие трудности, но потом все было хорошо. И никто не смог бы любить ее больше, чем ты. А вот я...

– После драки кулаками не машут, – вздохнула София. – Что ты хотел рассказать мне о ней?

– Ну... Что... Я очень скучаю по ней. Иногда ловлю себя на мысли, что надо вот это купить для нее, и вот это. А потом вспоминаю и... Просто я так привык, что она живет не со мной, что я вижу ее с ней редко, и то, что ее нет уже, никак не уложится в голове. И когда вспоминаю, что ее нет, начинаю ругать себя последними словами, что так мало времени с ней проводил.

– Интересно, если бы до сих пор жили вместе, как бы мы это перенесли?

– Мне кажется, было бы легче.

– Многие пары не могут пережить такое горе и разводятся.

ся. Или понимают, что их только ребенок и держал.

– Может быть, – пожал Алекс плечами. – Но лучше и правда было бы, если бы мы развелись сейчас, а не тогда. Может, всего этого не случилось бы.

– А как вообще так получилось, что мы дожили до этого? – София отвела взгляд от окна и в упор посмотрела на Алекса.

– Не знаю. Просто так получилось. Сначала ты нырнула с головой в материнство, потом твоя депрессия, потом ревность эта безумная и скандалы.

– Ага, получается, что во всем виновата я, а ты весь такой белый и пушистый, – усмехнулась София.

– Нет, я имел в виду, что ты... Что я... Я тоже вел себя как сволочь последняя. Конечно, мне было обидно, что ты совсем не обращаешь на меня внимания, поэтому я решил наказать тебя – приходил с работы как можно позже, чтобы ты по мне начала хоть немного скучать. А в итоге наказал сам себя... Потом твоя депрессия... Я уставал на работе, и твои жалобы – они меня просто изводили. Я понимал, что тебе нужна помощь и время для отдыха, но обида взяла верх, а потом пошло-поехало... Оба были хороши, ничего не скажешь.

И они замолчали, вспоминая свою жизнь и тот момент, где их пути впервые разошлись. С мучительной болью они вглядывались в прошлое, пытаясь понять, где нужно было подстелить соломки, чтобы было не так больно падать. Но

история не знает сослагательного наклонения – пусть это и маленькая история маленькой семьи.

– Соня, ты ведь была счастлива со мной? Хоть немного, но была? Ведь так?

– Да, – прошептала она. – Я была очень счастлива с тобой, несмотря на все наши ссоры.

– И я был счастлив. Мне кажется, что это было единственное за всю мою жизнь время, когда я был по-настоящему счастлив.

– Помнишь, как ты делал мне предложение? Весь такой серьезный, наряженный, встаешь на одно колено, а брюки по швам! – сквозь слезы засмеялась София.

– Еще как помню! А помнишь, когда тест показал две полоски, я чуть в обморок не упал?

– Я думала, я сама в обморок упаду, а в итоге пришлось тебя откачивать!

– А как в роддоме перепутали и сказали, что у меня тройня!

– А помнишь...

– А помнишь...

И этих «А помнишь...» были десятки. Они смеялись, вспоминая свое прошлое. Они плакали, оплакивая свою молодость, свою любовь, свое дитя.

– Ох, Алекс, как же я тебя любила, – произнесла София. – Я была готова пойти за тобой на край света, а если надо – продать душу дьяволу.

– А теперь?

– Теперь? Теперь здесь, – женщина легонько стукнула по левой стороне груди. – Теперь здесь пустота.

– Может, не поздно начать все с чистого листа? А, София?

Вместо ответа она грустно улыбнулась, высвободила свои руки из его рук и пошла в гостиную. Через пару минут она вернулась оттуда с большим фотоальбомом.

– Смотри, что нашла. Я думала, я его потеряла, а он буквально свалился мне на голову, когда я убирала вещи Карины.

Они сели рядом, плечо к плечу, и стали листать альбом. У них на глазах оживало их прошлое: вот на снимках из фотобудки их первое свидание, вот чей-то день рождения, вот первый совместный отпуск, вечеринка в честь помолвки, десяток свадебных фотографий, новорожденная Карина и их светящиеся радостью и гордостью лица, снова Карина, Карина, Карина... София взяла в руки карточку, на которой дочка, держась за ее мизинец, стоит посреди парка. На голове девочки красная шапка с белым помпоном, белоснежный комбинезон и ярко-красные сапожки.

– Ты называла ее ягодкой, – улыбнулся Алекс.

– А ты говорил, что она как гусенок в этих красных сапогах, – напомнила София.

– Но она и правда так уморительно переваливалась в них!

Фотографии унесли их в прошлое – туда, где они любили, были любимы и счастливы. Алекс смотрел на Софию и

в который уж раз задумывался, зачем он ушел от нее. Не в силах сдержать порыва нежности, он поцеловал ее в щеку. Женщина отпрянула от него, с удивлением посмотрела, но не сказала ни слова. Она смотрела на него и покусывала губу. Алекс знал: она о чем-то задумалась. Глаза ее блестели, рот слегка приоткрылся, дыхание участилось. «Я люблю тебя. Прости меня», – хотел сказать он, но телефонный звонок разрушил магию момента. София мельком взглянула на телефон – это звонила Ева.

Алекс отключил телефон и раздраженно швырнул его на стол. Гаджет заскользил по гладкой столешнице и упал на пол. София встала: подобрала телефон, начала убирать со стола, мыть чашки.

– Соня, – начал Алекс. – Сейчас не самый подходящий момент, но я хотел сказать, что я по-прежнему люблю тебя.

София обернулась к нему, подняв брови в притворном удивлении.

– Можешь кривляться, сколько хочешь. Но в последнее время я жалею о разводе. Я сам своими руками все испортил. Но если ты дашь мне один-единственный шанс, то я...

– Ты совершенно прав, сейчас неподходящее время для этого. Но даже когда оно будет подходящим, я... Я не могу принять тебя. Ты предал меня, предал Карину. Ты сделал больно и ей, и мне. Поэтому мой ответ: «Нет».

– Не отказывай сразу, пожалуйста. Обещай хотя бы подумать, – взмолился Алекс.

– Нет, не буду. Потому что даже если мы снова сойдемся, Ева будет стоять между нами. Я всегда буду помнить и думать о ней. А это – прямой путь к ревности и скандалам. Поэтому нет.

– Но... мы можем остаться друзьями?

– А зачем? И ради кого? – усмехнулась женщина. – Время, когда нам нужно было налаживать дружеские отношения, давно упущено. Пойми, Алекс, я правда любила тебя больше жизни. Но теперь это все осталось в прошлом. И сейчас я не хочу ни любви, ни страсти, ни драм – я хочу прийти в равновесие, а затем заполнить чем-нибудь ту пустоту, что образовалась после... после ухода Карины. И тебе пора домой.

– Да, пора. Еще бы знать, где этот дом, – тяжело вздохнул он и поднялся из-за стола. – Ну, что ж, спасибо, что не прогнала. Мой номер ты знаешь – звони в любое время суток.

В дверях Алекс неловко потянулся к ней, чтобы поцеловать на прощание, как он делал это раньше, но София отстранилась.

– До свидания.

– Прощай.

Дверь за Алексом закрылась, дом погрузился в тишину.

Я перепробовал все, чтобы сделать Хозяйку счастливой. Я отдал ей все вещи Карины, которые могли подарить ей теплые воспоминания, но она плакала. Я отдал ей фото-

альбом, но она плакала. Я не прогнал бывшего Хозяина, но она все равно плакала. Люди... Они такие странные – я до сих пор не могу понять их. Они плачут в счастье, умеют смеяться в горести, могут раздуть из мухи слона, но порой не видят очевидного. Я перепробовал все, что мог, осталось последнее средство. Надеюсь, оно поможет, и тогда Хозяйка станет снова счастлива.

Немое кино

София проснулась от неясного шума, плавно вливавшегося в ее комнату сквозь открытую дверь. Вместе с ним до нее долетал отблеск неяркого, мерцающего света. Женщина прислушалась: в доме не было слышно ни единого звука, кроме тихого стрекота. София осторожно встала с кровати и на цыпочках вышла в коридор. Свет и звук доносился из комнаты дочери. Прижимаясь к стене, она крадучись добралась до приоткрытой двери и заглянула внутрь.

На стене, напротив детской кровати, как на большом экране, шел фильм – фигуры беспорядочно бегали, подпрыгивали, пропадали и снова появлялись. Проектора (если он был) София не увидела – луч света бил как будто прямо из стены. Женщина вошла в комнату, но невидимый киномеханик не заметил ее, так как кино продолжалось.

– Алекс, это ты? Игорь? Это не смешно! Где вы? Кто это сделал?

Софию начала охватывать паника, но потом она посмотрела на пляшущие кадры и обомлела. Там, на стене, во всех оттенках сепии, снятая нервной, дрожащей рукой пробежала вся их – ее, Алекса и Карины, – жизнь: ремонт, переезд, свадьба, праздники, рождение Карины, первые шаги девочки, ее первый день рождения и многие другие маленькие, но важные для семьи события. Не отрывая взгляда от фильма,

София наощупь села на кровать дочери и не отрываясь смотрела, смотрела, смотрела...

Наконец фильм начал подходить к концу – кадры стали рваными, будто обожженными по краям. На этих кадрах была только Карина. Она стояла спиной к оператору посреди сада и смотрела куда-то вдаль.

– Карина, – шепотом позвала ее София.

И внезапно девочка обернулась. Она была такой, какой София запомнила ее последний день рождения: белая футболка с единорогом, розовая плиссированная юбочка, белые носки и розовые же кеды. На голове – две тоненькие косички. На лице – счастливая улыбка. Закат золотился за ее спиной, подсвечивая выбившиеся волосы, и создавалось впечатление, что она окутана золотым сиянием. Карина улыбнулась, привычным движением убрала волосы с глаз и вопросительно уставилась на Софию.

– Карина, детка! Ты меня слышишь?

Девочка молча улыбнулась и кивнула.

– Девочка моя, вернись! Вернись ко мне! Мы будем счастливы, все будет как прежде, даже лучше – только вернись.

Карина улыбнулась снова – на этот раз печальной, какой-то взрослой улыбкой, отрицательно покачала головой и начала что-то говорить.

– Я не слышу тебя! Что ты говоришь? – закричала София, затем обернулась к невидимому кинемеханику и замахала руками. – Эй! Эй, там! Сделайте громче! Я не слышу дочь!

Но ничего не произошло, только где-то за гранью видимости стрекотал проектор.

София повернулась к стене – Карина все еще говорила. «Я люблю тебя, мамочка», – по губам дочери прочла София, а потом изображение исчезло, и комната погрузилась в темноту.

– Нет, Карина! Нет! Верните ее! – София бросилась к стене – туда, где мгновение назад стояла Карина: улыбающаяся и живая.

Женщина ощупывала стену в надежде найти потайную кнопку, которая снова запустит фильм. Она рыдала, стучала кулаками в стену, проклинала всех богов, давала немислимые клятвы, предлагая свою жизнь в залог. Но все было тщетно. Обессиленная, София заползла на дочерину кровать и, сотрясаясь в рыданиях, провалилась в сон.

Следующим утром она проснулась разбитая – сон на детской кровати в три погибели не прошел даром. Однако это не испортило ее настроения. София была на взводе и не могла сидеть на месте: перестирала вещи, убралась во всем доме, вычистила снег во дворе и даже помыла окна. Дом и двор блестели чистотой, а сама София не находила себе покоя. Ее возбуждение достигло пика, ей казалось, что вот-вот сейчас произойдет какое-то чудо. Так бывает, когда в детстве ждешь Новый год. Но, как и в случае с Новым годом, время шло, а никакого чуда не происходило. Нервы Софии были на пределе, она металась от окна к окну, переключивала подушки

на диване, управляла никем не тронутые гардины на окнах. Она даже пыталась читать, но не смогла уловить ни единого слова в книге.

Когда напряжение достигло своего максимума, София пошла на кухню и достала из шкафа коньяк, принесенный вчера Алексом. Открывая бутылку, она порезалась этикеткой, кровь начала капать на стол. София зашипела и сунула палец в рот, ощутив солоноватый привкус крови. С пальцем во рту и бутылкой коньяка в руке, она стояла посреди кухни и думала («*О боже, ну и дурацкие мысли*») о том, как пить: с горлышка или все же налить в бокал. Затем, махнув рукой, приложилась к бутылке и сделала несколько больших глотков. Спиртное опалило горло, камнем упало на дно пустого желудка и обжигающими парами поднялось в нос. От этого на глазах выступили слезы. София крякнула, но сделала еще несколько глотков.

Напряжение по-прежнему не отпускало ее, хотя заметно ослабло. София чувствовала, как отяжелела голова, руки и ноги налились ватной легкостью, а суставы стали похожи на хорошо смазанные шарниры. Пошатываясь, она добрела до гостиной и легла на пол, не выпуская бутылку из рук. Глядя в потолок, она вспомнила вчерашнее «кино» и, не имея сил сдерживаться, закричала вверх:

– Ну давай, где ты! Покажи мне Карину снова! Или слабо? Долгое время ответом ей была тишина. Внезапно она услышала тихий отдаленный скрип, больше похожий на стон

– в дверном проеме появился слепой старец. От страха София почти перестала дышать и, парализованная им, не могла пошевелиться. Старик приближался – не шел, а будто плыл над полом. Внезапно его лицо оказалось рядом с лицом Софии, он дышал ей в ухо, и дыхание его отдавало пылью, слежавшимися тряпками, сухой бумагой и чем-то еще – терпким и затхлым. Краем глаза она увидела, что старик открыл рот, рывком взмыл вверх и опустился куда-то за голову Софии. Освободившись от его гипнотизирующего взгляда, она смогла повернуть голову.

Старик повис в воздухе в нескольких сантиметрах от пола. Ноги его ниже колен растворялись белесой дымкой. Тощие руки были раскинуты в стороны, голова поднята вверх – так обычно изображают распятого Христа. Широко открытые глаза занимали все бледное худое лицо – они были настолько большие, что вытеснили даже нос и рот. Из глаз вырывались два потока света и упирались в потолок. София проследила за ними взглядом и обмерла – на потолке она видела вчерашнее «кино». Она лежала на полу, пила коньяк и смотрела на Карину: смешные, милые, комичные, нежные моменты. Все то, что она помнила о своей дочери, все то, что она забыла о ней – все пронеслось перед ее глазами немим кино. Она была единственным зрителем. Единственным критиком. Самым строгим, самым безжалостным критиком. К себе самой.

Когда фильм кончился, София молча встала и, не глядя на старца, направилась на кухню – там, на столе, лежал ее те-

лефон. В журнале вызовов она нашла номер Игоря, набрала его и, стараясь не замечать старика, маячившего сзади, стала ждать ответа. Через несколько секунд в трубке раздался приятный женский голос автоответчика: абонент занят, но Вы можете оставить свое сообщение.

– Игорь, привет. Это София, но ты и так понял, – она покосилась на старика. – У меня все хорошо, но, знаешь, на всякий случай: запасные ключи от дома лежат за гаражом под каштаном, ты увидишь – там фигурка гнома стоит. Вот. Ну, пока.

Допив остатки коньяка, София оставила пустую бутылку на столе и скрылась в ванной. Бутылка, будто кто толкнул ее, пошатнулась, но не упала. Через минуту из ванной донесся шум воды – София набирала ванну. Опорожнив в нее полбутылки пены, она прибавила напор. Вода взбивала огромные валы пены, и совсем скоро ванна скрылась под их натиском. София выключила воду и с удовлетворением посмотрела на дело рук своих. Вода в ванне была настолько горячая, что над ней поднимался пар. Скинув с себя всю одежду, она погрузилась в горячую воду. Пена скрыла ее почти с головой.

Женщина лежала, прислушиваясь к тихому потрескиванию – это лопались тысячи маленьких пенных пузырьков. Глубоко вдохнув, София ушла под воду. Она лежала и ждала, когда потеряет сознание от недостатка кислорода. Но жжение в легких заставило ее вынырнуть на поверхность и судорожно глотнуть воздух.

– Слабачка, – проворчала она, отплеываясь от пены, попавшей в рот.

Сквозь слипшиеся от воды ресница она увидела силуэт. Протерев глаза, София вскрикнула – перед ней стояла Карина.

– Привет, мамочка, – улыбнулась девочка и села на край ванны.

– Привет, – осторожно ответила женщина, смотря куда-то в бок, потому что боялась смотреть на дочь прямо – а ну пропадет!

– Мам, ты не плачь, пожалуйста, у меня все хорошо.

– Правда?

– Да, ты только не плачь. Там, где я сейчас, мне хорошо. Но когда ты плачешь, мне становится плохо и тяжело, свет гаснет, становится холодно.

– Обещаю, я не буду плакать, детка, – произнесла София, утирая слезы дрожащей рукой.

– Да, там хорошо, – вздохнула Карина, – только вас с папой не хватает. Мне порой так скучно.

– Карина, солнышко, знала бы ты, как я по тебе скучаю, – в порыве нежности София хотела взять дочь за руку, но та отпрянула.

– Не надо, мама, ты же знаешь, что ты не сможешь, – грустно покачала головой Карина.

– Да, да, конечно, я не буду. Только пожалуйста, не уходи!

– Мамочка, мне пора, – голос девочки начал слабеть. – Я

очень тебя люблю и очень по тебе скучаю.

– И я люблю тебя, солнышко! Не уходи! – София вскочила на ноги, отчаянно рванулась за дочерью, но поскользнулась и упала, ударившись затылком о край ванной. Тело женщины погрузилось в воду, остатки воздуха всплыли на поверхность воды нестройным потоком пузырей. Внезапно дом содрогнулся от фундамента до крыши, хлопнула дверь кухонного шкафа, дверь холодильника, стиральной машины – и очень скоро все незакрытые двери начали хлопать, посуда гремела и звенела на все лады. Все лампочки одновременно взорвались, и дом погрузился в темноту. Через мгновение грохот смолк также внезапно, как и начался

– Да возьми же ты трубку! – нервно приговаривал Игорь, нарезая круги вокруг офисного стола, но трубка отвечала ему длинными гудками.

За последние полчаса он переслушал сообщение от Софии несколько десятков раз, и с каждым разом беспокойство его увеличивалось. Совещание должно было вот-вот начаться, и ему, как руководителю компании, следовало не то, что присутствовать, а проводить его. Подчиненные начали постепенно подтягиваться, поэтому Игорю не оставалось ничего иного, кроме как отложить телефон и начать совещание.

Время тянулось бесконечно, но даже этой попытке пришел конец. Дождавшись, когда последний сотрудник выйдет из кабинета, Игорь бросил все и, игнорируя попытки секретаря

выяснить, что планировать на завтрашний день, кинулся к машине. Простояв в пробках и на светофорах почти час, он наконец подъехал к знакомым воротам.

Во дворе царила тишина. Не светилось ни одно окно. Игорь нажал на кнопку видеофона, но тщетно – никто не ответил и не открыл. Он набрал Софию еще раз, но безуспешно. Дернул за ручку ворот – закрыто. Пару минут он постоял в задумчивости, затем аккуратно подогнал машину к забору, залез на нее, перемахнул через ограждение, приземлился в сугроб и, оскальзываясь на раскисшем газоне, пошел к дому. Дом, как он и опасался, был закрыт.

Прослушав сообщение от Софии еще раз, он прошел за дом, нашел каштан (хотя, видит бог, ему, городскому жителю, найти каштан в этой куче голых деревьев было весьма непросто), достал ключи и, замешкавшись у входа, зашел в дом.

Стоя в темноте прихожей, он прислушался к дому. Скрипы, вздохи и шорохи окутали Игоря. Ни единого лучика света не пробивалось в прихожую. Было то колыхание воздуха или его собственные расшалившиеся нервы, но Игорю показалось, что рядом с ним кто-то есть. А еще был запах – тот самый, что он почувствовал на чердаке, когда вытаскивал из-под завала Карину: запах сухой пыли, старых бумаг и сопревшего тряпья. Наваждение длилось всего несколько секунд, но Игорю стало неудобно – откуда-то из глубин всплыли детские страхи темноты и опасных монстров, захотелось

включить свет. По памяти нащупав выключатель, он нажал его, но ничего не произошло.

– София, – позвал он. – Это Игорь

(– *Уходи, ты никто! Ты лишний!*)

– Ты здесь? У тебя все в порядке?

(– *Ее нет здесь! Уходи!*)

Снова накатило ощущение чужого присутствия. Устыдившись этого детского иррационального, но такого сильного страха, Игорь включил на телефоне фонарик и посветил им на потолочный светильник – остатки лампочки оскалились на него острозубой ухмылкой. Мужчина разулся и, обходя осколки, заглянул на кухню, в гостиную, ванную комнату и уборную – все они были пусты и усеяны острыми осколками стекла. На втором этаже его ждала та же самая картина.

Стоя посреди коридора в темноте и тишине, Игорь вдруг услышал тихий звук – будто кто-то плохо закрыл кран, и теперь вода сочилась по капле. Еще раз оглядев коридор в призрачном свете фонарика, он заметил небольшой закуток с двумя дверями. За одной из них обнаружилась уборная, за другой была ванная. Именно оттуда доносился еле слышный звук капли. Игорь в нерешительности замер у второй двери. Постучал.

– София, ты здесь?

(– *Уходи! Уходи! Она моя! Она наша!*)

Не получив ответа, Игорь толкнул дверь – она не поддавалась. Он стал крутить ручку, наваливаясь на дверь всем сво-

им весом – дверь поддавалась на пару миллиметров, но затем, негромко хлопнув, снова закрывалась. Было похоже, что изнутри кто-то держит ее – кто-то очень большой и сильный. Игорю даже показалось, что он слышит хрипы и сопение этого человека.

– София! Это Игорь, открой! – начал он стучать в дверь изо всех сил, параллельно напирая на нее плечом. Наконец внутри что-то ухнуло, грохнуло и дверь открылась. По инерции Игорь пробежал несколько шагов вперед, на входе поскользнулся и едва не упал – под ногами у него была огромная лужа, будто кто-то мокрый стоял здесь.

Луч света выхватил простую обстановку ванной комнаты: раковина, корзины для белья, ванну и приютившуюся сбоку от нее душевую занавеску. На полу поблескивало множество мокрых следов – маленьких, почти детских ножек, но Игорь не придавал этому значение, потому что в следующее мгновение он увидел, что из ванны свешивается рука. Женская.

Мужчина бросился к ванне, чтобы вытащить Софию из воды, но понимал, что опоздал. Горячая вода сделала свое дело – тело не успело окоченеть. Игорь попытался вытащить брентную оболочку Софии из ванной, но сделать это было крайне тяжело. В панике он резко дернул ее за руку, и из груди женщины вырвался вздох.

– София! София! – он снова бросился к женщине, но понял, что это был случайный звук.

Где-то на грани слышимости раздался тонкий девчоночий

смех и тяжелая шаркающая поступь. Игорь замер, прислушиваясь к этим чужим и таким неуместным звукам – они будто удалялись от него, а вскоре и вовсе затихли. Эта передышка вернула его к реальности – он понял, что необходимо вызывать полицию и врачей.

Следующие несколько часов слились для него в сплошную вереницу людей в форме, бесконечный пересказ того, как он нашел тело, где был и что делал до этого и так далее и тому подобное. Когда же его отпустили, предварительно забрав ключи, он чувствовал себя так, будто по нему проехался каток.

Возвращение Алекса

– Но ведь все было хорошо, – со слезами в голосе повторяла Ева, сидя на кровати.

– У нас никогда ничего не было хорошо, – с раздражением в голосе ответил Алекс. – Ты вечно была чем-то недовольна: то мало зарабатываю, то мало времени с тобой провожу, то много времени дочери уделяю.

– Но ты и правда....

– Стоп-стоп-стоп, – зашипел мужчина. – Ты знала, что я не брошу дочь, даже если мы поженимся – я тебя предупреждал. Поэтому не смей, особенно теперь....

– Хорошо, хорошо, – затараторила женщина. – Я больше не буду.

– А больше и не надо, – с этими словами Алекс застегнул крышку чемодана и со стуком опустил его на пол.

– Алекс, пожалуйста, останься! Ты же знаешь, она не примет тебя.

– Мне все равно, – безразлично ответил он.

– Но где же ты будешь жить?

– На крыльце. Пока не простит и не пустит в дом. Ну кто там еще так поздно! – с раздражением крикнул Алекс, глядя на зазвонивший телефон.

Номер был незнакомый, поэтому мужчина решил проигнорировать звонок. Потенциальный собеседник на той стороне телефонной трубки, однако, был весьма настойчив. После третьего или четвертого звонка Алекс все же поднял трубку.

– Алло!

– Это Алекс?

– С кем я разговариваю?

– Это Игорь.

– Надо же! Чем обязан?

– Я решил, что Вам следует это знать. София... Она погибла.

– Что? Вы шутите?

По многозначительному молчанию в трубке Алекс понял, что Игорь не шутит. Проглотив подступивший к горлу ком, он спросил:

– Как... Как это произошло?

– Я нашел ее в ванне, у нее была разбита голова и...

– Где она? Где? – закричал Алекс. – Ты уверен, что она

умерла? Ты точно уверен?

– Да, я вызвал полицию и скорую помощь. Ее увезли.

– Нет, нет, не может быть, – лихорадочно засмеялся Алекс. – Ты специально издеваешься надо мной, да? Постой-постой, я понял: вы вдвоем сговорились, чтобы пошутить надо мной!

– Все расходы и организацию похорон я возьму на себя. На всякий случай сохраните этот номер, я позвоню еще раз.

В трубке раздались короткие гудки. Оглушающая пустота охватила Алекса. Он вернулся к чемодану, открыл его, разложил вещи на прежние места. Не обращая внимания на испуганные вопросы Евы, стал рыться в ящике письменного стола.

– Где же он... Куда же я его положил... Не может быть... – бормотал он себе под нос. Перерыл один ящик, второй, третий. Вывернул карманы всех курток, ветровок и пиджаков. Ушел на балкон, там разворошил ящик с инструментами и, удовлетворенно хмыкнув, вернулся в спальню с длинным сувальдным ключом в руках. После этого как был, в домашней одежде и тапочках, вышел в подъезд. Ева рванулась за ним, повисла на руке.

– Алекс, миленький! Послушай меня, пожалуйста! – плакала женщина. – Объясни мне, что произошло! Объясни, и я отпущу тебя.

Но Алекс будто не слышал ее и не чувствовал на руке ее веса. Он молча шел вперед. На лестничную площадку вышли

соседи с собакой на поводке.

– Добрый вечер, – машинально поприветствовал их Алекс, не глядя в их сторону.

– Д-д-добрый, – пролепетал пожилой сосед.

– Не правда ли, отличная погода для прогулок? – по-прежнему не глядя на соседей, спросил Алекс.

– Да, в самый раз, – кивнул сосед.

– Вот и славно. А я вот тоже пойду прогуляюсь, – улыбнулся Алекс безумной улыбкой, повернувшись к семейной паре, и показал ключ: – Жену навещу в морге.

– Милый, кажется, мы зонт дома забыли, – пискнула соседка, и с этими словами оба они ретировались в квартиру.

Наконец лифт приехал. Алекс стряхнул с руки прицепившуюся к нему Еву так, будто стряхивал прицепившийся репей, и шагнул в ярко освещенное нутро лифта. Двери закрылись. С громким всхлипом женщина осела на пол. За дверью соседи смотрели в глазки, качали головами и шептались, шептались, шептались...

Алекс медленно брел по тротуару. Поздние прохожие, увидев мужчину в домашней одежде и комнатных тапочках, старались обойти его стороной. Мало ли что... А Алекс шел вперед, не чувствуя сырости, холода и порывов кусачего ветра. Мыслями он был далеко: он вернулся в день их с Софией свадьбы – самый счастливый день в его жизни. Он бормотал под нос свадебные обещания – свое и ее, вновь приносил клятву верности, повторял поздравительную речь для своих

и ее родителей...

Время от времени он смотрел на ключ в своей руке. Он знал, что ему нельзя потерять этот ключ. Если это случится, произойдет что-то страшное и непоправимое. Поэтому каждый раз при мысли об этом он крепче сжимал его и шагал дальше.

Через некоторое время в голове у него не осталось ничего, кроме одной-единственной мысли – вернуться домой. Он знал, что стоит ему вернуться домой, как все сразу наладится. София уйдет от Игоря и простит его, Алекса, Карина вернется из больницы, они купят щенка, и все будет хорошо. Эта мысль придавала ему сил.

Ноги сами вынесли его на окраину города, где таунхаусы перемежались с частными коттеджами. Алекс шел на автомате: прямо по дороге, направо в переулок, снова в переулок – только теперь налево, седьмой дом по четной стороне.

Знакомые ворота и калитка встретили его тихим поскрипыванием – Алексу казалось, что они так приветствуют его. Тихо, чтобы не вызвать лишнего шума и последующих после них вопросов, мужчина вставил ключ в замочную скважину, аккуратно повернул его несколько раз, также бесшумно проскользнул во двор и закрыл за собой дверь. Если бы в это время кто-то наблюдал за всей этой сценой, то в зимней поздней-вечерней темноте он не заметил бы Алекса. Но заметил бы светящуюся призрачную тень в окне второго этажа.

Ключа от дома у Алекса не было, но он отчетливо пом-

нил, что одно из подвальных окон можно открыть снаружи, аккуратно поддев потайной замок. Это окно он поставил по просьбе Софии, когда родилась Карина. На вопрос «Зачем?» она ответила: «На всякий случай». Какой такой всякий случай мог наступить, Алекс так и не понял. Сейчас он даже не помнил этот диалог, но знал: подвальное окно можно открыть.

Дом встретил Алекса взволнованной тишиной. Промокшие насквозь тапки громко шлепали, приликая к полу, поэтому мужчина скинул их и пошел босиком. Освещения от уличных фонарей хватало ровно настолько, чтобы он мог видеть очертания мебели и предметов. Это позволяло ходить ему по дому, не натываясь на все подряд.

Алекс зашел в комнату Карины, посидел на голом матрасе, спел одну из тех колыбельных, которые он пел девочке, когда она была совсем маленькой. В бывшей супружеской спальне подобрал с пола халат Софии, уткнулся в него носом и, ощутив знакомый запах, заплакал. На кухне он включил кофеварку, сварил кофе, взял из бара бутылку со спиртным и снова обошел дом. Он побывал везде, только на чердак не стал заглядывать – мысль о чердаке доставляла ему сильное беспокойство, смешанное со страхом.

Наконец он сел на свое (*бывшее*) кресло и, прилепивая из бутылки, стал ждать. Тонкий парок его дыхания растворялся в темноте давно необогреваемой гостиной. Настенные часы тикали секундами, которые сливались в минуты, а те

неторопливо формировались в часы. Часы, в свою очередь, текли друг за другом размеренной цепочкой. Наконец, в самый темный, одинокий и неприкаянный час перед рассветом, когда у сердечников шалит сердце, а тяжелобольные отдают богу душу, в доме раздалось тихое поскрипывание – это лестницы стонали под шагами грязнобородого старца.

Алекс пытался разглядеть его, но стоило ему сосредоточить на нем взгляд, как старик начинал дрожать, мерцать и потихоньку расплываться белесым туманом. Поэтому, чтобы не терять его из виду, Алексу приходилось смотреть в сторону, удерживая силуэт пришельца на границе периферического зрения. Старик остановился в нескольких метрах от Алекса и произнес:

– *Зачем ты пришел сюда?*

– Не знаю. Я помнил, но забыл.

– *Чего ты ждешь? Или кого?*

– Я жду Софию, – уверенно ответил Алекс.

– *Ты сам ушел от Хозяйки и от Девочки.*

– Знаю, – понурился Алекс. – И я хочу все исправить.

– *Именно за этим ты пришел?*

– Да, но как ты догадался?

– *Я знал. Чего ты хочешь?*

– Хочу увидеть Софию и Карину, – Алекс хлебнул из бутылки.

– *И это все?*

– Нет, я хочу быть с ними. Хочу, чтобы София простила

меня, и все стало как раньше.

– *Это принесет тебе радость?*

– Да, я буду счастлив так, как никогда не был!

– *Будь по-твоему*, – проговорил старик, и только сейчас Алекс поняла, что тот даже рта не открыл. Но это не насторожило его, как и тот факт, что сам туманный старик взялся в доме будто бы из ниоткуда.

В доме снова повисла тишина. Теперь даже часы перестали тикать, остановив свои стрелки между пятью и шестью («*семнадцать минут шестого*»). Внезапно раздался громкий хлопок, пространство вокруг Алекса будто подернулось радужной рябью, после этого во всем доме загорелся свет, заговорил телевизор, а из кухни раздался смех Карины.

Алекс оглянулся и не поверил своим глазам – все было так же, как когда-то давно. Даже одежда на нем была та самая – из прошлого: синие клетчатые брюки и черная футболка с Винни-Пухом. Потянуло свежим кофе и вишневым пирогом – все так, как любил Алекс. В гостиную вбежала Карина и, лепеча что-то на своем детском языке, забралась к Алексу на колени. Он прижал дочь к себе, уткнулся носом в ее макушку и ощутил нежный, младенческий запах ее кожи и детского шампуня. В комнату вошла София.

– Наконец-то, вот и ты, – улыбнулась она.

Пересадив дочь на левое колено, он подхватил Софию, посадил ее на правое и прижался к ней.

– Я так рад, что снова оказался дома, – улыбнулся он и

закрыл глаза.

Эпилог

Через несколько недель, когда мать Софии пришла осмотреть дом, доставшийся ей в наследство от дочери, в гостиной ее ждал не очень приятный сюрприз: на кресле, застыв в нелепой позе, будто обнимает кого-то обеими руками, сидел Алекс. Отсутствие отопления замедлило процесс разложения. На лице мужчины, еще чистом, стекленели мутные глаза, а на губах застыла улыбка. Часы на стене показывали семнадцать минут шестого.

Хозяин, Хозяйка и Девочка снова счастливы. Наверное, мне стоит радоваться за них – все трое обрели покой. И даже, мне хочется в это верить, воссоединились там, где ожидают друг друга навеки связанные между собой души. Но мне не хватает того чистого, живого тепла, которое излучали они раньше.

Счастлив ли я? Возможно. Но меня не покидает мысль, что где-то я ошибся. По ночам меня мучает бессонница и преследуют призраки прошлого, а днем я коротаю время за тем, что жду, когда меня заметят и снова вдохнут в меня жизнь. Вернут мне мою душу...

От автора

Вижу, вы прочли мой рассказ до конца. Хочу поблагодарить вас за проявленный к моему произведению интерес. Если вы, как и я, не мыслите ни дни без книги, нам с вами по пути. Чтобы не пропустить новинки, предлагаю подписаться на мою страницу во «ВКонтакте»: https://vk.com/ann_writerr или авторскую страницу на ЛитРес: <https://www.litres.ru/anna-kutkovskaya/>. Взамен торжественно обещаю радовать вас леденящими душу историями и захватывающими дух рассказами. Добро пожаловать в мир страха!

А.К.